
ПИОНЕР
6
ИЮНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1966 г.

КЛЮЧ К НОМЕРУ

Людмила **НИКОЛАЕНКО**

Юрий **ВРОНСКИЙ**

● Вот и родились опять в типографии 650 тысяч новеньких «Пионеров», и каждый из них попадет в руки мальчишке или девчонке, а у всех ребят сейчас лето в самом разгаре! И каждому журнал дарит «Большую подсказку», она о лете.

● Эй, футболисты! Не хотите ли вы играть получше? У нас открывается клуб форвардов!

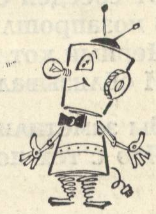
● ...Натянулась и дрогнула тетива. Запела стремительная стрела. Что это? А это мы продолжаем печатать повесть В. Крапивина «Оруженосец Кашка».

● Гевея — слышал ли ты это слово? Это не страна, не остров, это — всего-навсего растение. Но с какой опасностью было связано похищение его! Похищение? Зачем? Прочти очерк В. Азерникова — и тебе все будет ясно.

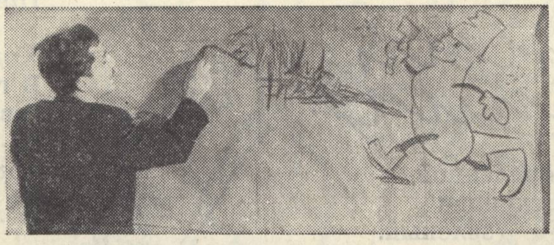
Валентин **БЕРЕСТОВ**

● В. Берестов — писатель. Но он же и археолог, и привозит он из дальних своих путешествий удивительные истории. Из дальнего путешествия привезен и рассказ «Орлята».

● Смехотрон опять наелся смешинок и отчаянно весел. В этом легко убедиться — только найди нужную страницу.

● Стоп! Внимание — определитель врагов! Удивительно? Вот и хорошо. На обложке разгляди повнимательнее портреты этих врагов, прочти в журнале об их повадках, а потом сражайся с ними!

● Любишь ли ты рисовать? Всем, кто рисует, художник Вадим Владимирович Курчевский предлагает свою дружбу.

Вадим **КУРЧЕВСКИЙ**

● Поэт Ю. Вронский и поэтесса Л. Николаенко принесли нам свои стихи, а в них столько солнца и леса, что, кажется, сам побывал и в лесу, и на рыбалке, и бежал под теплым дождиком...

6

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ГОД ИЗДАНИЯ 43

ИЮНЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1966 г. **6**

Юрий Вронский
рисунки Э. Булатова

Черный кот

Если выйдешь очень поздно,
Ты увидишь, если звездно,
Как, вскочив на небосвод,
Ловит звезды черный кот.

Вы, наверно, замечали —
Было больше их вначале?

От соседей сам я слышал:
В позапрошлую весну
Черный кот на крышу вышел
И облизывал луну.

Вы заметили, наверно,
Что с тех пор ей очень
скверно?

Наша бедная луна
До того теперь бледна,
Что при ярком свете солнца
Даже вовсе не видна!

Окунь

Ходит окунь в глубине,
В глубине, на самом дне.
Я кричу ему из лодки:
— Зря таишься, дурачок!
Не в твоей ли жадной глотке
Скоро будет червячок?

Ходит окунь в глубине,
В глубине, на самом дне,
Круглым оком, сонным оком
На меня косится окунь.

Чтобы лучше он клевал,
На червя я поплевал
И тихонечко сижу,
Вниз на окуня гляжу
И крючок ему с наживкой
Прямо к носу подвожу.

Ходит окунь в глубине,
В глубине, на самом дне,
Равнодушным круглым оком
На червя косится окунь,
Ходит окунь, не клюет —
На червя и он плюет.

Зеленый скрипач

На поляне, зноем опаленной,
Спрятался в траве скрипач
зеленый.
Он сидит и на зеленой скрипке
Песенку выводит без ошибки:

Ярче, солнышко, гори!
Тири-тири! Тири-ри!

Он не просит денег или славы,
Только б вечно зеленели травы,
Только б вечно продолжалось
лето,
Песенку сыграет он за это:

Ярче, солнышко, гори!
Тири-тири! Тири-ри!

Речная речь

Вьется речка небольшая,
Средь полей и рощ петляя.
То на солнышке сверкнет,
То в лесную глушь свернет.

Льется чистая водица,
Голубеет, серебрится,
То ворчит, то поет...
Речь речную
Кто поймет?

Трав и листьев шелестенье,
Пенье ветра, птичье пенье,
Наши речи человечьи,
Гром и блеянье овечье,

И совиный крик ночной,
И ребячий крик дневной
Переводит речка вмиг
На чудесный, на речной,
На серебряный язык.

Льется чистая водица,
Голубеет, серебрится,
То ворчит, то поет...
Речь речную
Кто поймет?

БУДЕТ УХА НЕПЛОХА

В черном-пречерном
Ведре закопченном
Кипит на костре уха.
Папа колдует —
Черпает, дует...
Будет уха неплоха!

Видишь — пятнистая
Длинная щука,
А вот —
Широченный лещ.
Щука —
Хорошая штука!
И лещ —
Прекрасная вещь!

Тихо на озере.
Тихо-претихо.
Не шелохнется ольха.
Лишь пламя и варево
Разговаривают...
Славная будет уха!

В. КРАПИВИН
Рисунки
Е. МЕДВЕДЕВА.

(Продолжение)

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ребята один за другим уходили с поляны. У огня осталось человек десять. Костер прогорал, головешки стреляли пучками желтых искр и рассыпались на красные кубики. По ним змейками пробегали пепельные тени.

Володя долго смотрел на угли, и, когда оторвал взгляд, в глазах затанцевали зеленые бабочки. Потом они растаяли, и Володя увидел черные березы. Над березами висел тонкий, светлый месяц. Вдруг месяц начал расплываться, и Володя почувствовал, что слипаются ресницы. Больше всего захотелось добраться до постели и залезть под одеяло.

В палатке он включил фонарик и положил его так, чтобы свет отражался от парусинового потолка. Затем стянул рубашку и бросил на матрац. Не на свой, а на соседний. На Кашкин. И только тут сообразил, что Кашкина постель пуста.

Володя был настолько утомлен, что даже не мог разозлиться. «Пусть...— подумал он.— Никуда этот несчастный Кашка не денется...»

Да, но вдруг он все-таки куда-нибудь денется? Забредет в темные кусты и начнет скулить от страха. Или еще что-нибудь... Отвечай потом за него...

Володя чуть не заплакал от усталости и досады. Чтоб он провалился, этот оруженосец! Пришлось тащиться к угасающему костру.

Кашка спал у березового пенька. Спал, как на кровати: подложил под щеку ладошки, подтянул к животу перепачканные золой колени и, наверно, видел во сне что-то хорошее, потому что улыбался.

Над Кашкой стояла Райка. Она заметила Володю и сказала жалобно и нараспев:

— Позабыли бедного оруженосца. Бросили маленького.

У Володи пропало желание ругаться. При Райке приходилось быть сдержанным и сильным.

— Я думал, он давно в палатке,— объяснил Володя и взял Кашку за плечо: — Вставай.

— Дождик будет...— пробормотал Кашка и заулыбался во сне еще шире.

Райка тихонько засмеялась.

— Дождик,— сказал Володя сквозь зубы.— А ну, вставай! — Он тряхнул оруженосца покрепче.

— М-м...— ответил Кашка и разогнул одну ногу.

— Безнадежное дело,— вмешалась Райка.— Тащить придется.

— Придется...

Кашка оказался легоньким. Володя нес его на руках, как охапку сухих дров. Кашкины волосы мягко щекотали ему плечо, а ноги болтались и колотили пятками по бедру.

— Спокойной ночи,— сказала вслед Райка.

— Угу...— откликнулся Володя.

В палатке он не очень аккуратно брякнул оруженосца на постель и сдернул с него сандалии. Потом посмотрел на Кашкины штаны. Они были вымазаны сажей и землей. А новые простыни светились, как нетронутый снег. Володя чертыхнулся и начал вытряхивать оруженосца из штанов.

Коричневая куколка выпала из Кашкиного карманчика. Это был деревянный альпинист.

— Смотри-ка ты...— озадаченно сказал Володя.

Маленький путешественник смотрел на него из-под козырька крошечной фуражки. Но ведь Володя ничего не знал. И, кроме того, ему надо было еще стягивать с Кашки майку. Он подержал альпиниста на ладони, аккуратно спрятал его на старое место и опять взялся за спящего оруженосца.

А когда Кашка был наконец уложен, Володя почувствовал, что спать уже не хочется. И вдруг ему стало смешно. По-настоящему смешно.

«Рыцарь Фиолетовых Стрел,— сказал он себе.— Рыцарь Пеленок и Сосок. Ну и влип же ты, рыцарь...»

Володя лег поверх одеяла и выключил фонарик. «Провалю завтра всю стрельбу»,— подумал он, однако особого беспокойства не почувствовал.

В палатке звенел одинокий комар. В узкой прорези входа синело ночное небо. Потом туда протиснулся месяц и зацепился за край парусины отточенным рожком. На поляне кто-то подбросил на угли сухие ветки, и в палатке запрыгали рыжие отблески.

И этот комариный звон, этот месяц и отсветы огня, да еще легкий запах березового дыма отвлекли Володю от мыслей о стрелах, о Кашке, о турнире.

Потому что он вспомнил прошлогоднее лето.

Вспомнил Белый Ключ. Костры над озерами. Отражение месяца в черной воде. Стрекоз с шестиугольными глазами. Обиды и радости прошлых каникул.

●

В том году, окончив пятый класс, Володя устроил дома бунт. Когда мама показала путевку с толстощеким, лупоглазым горнистом и палатками на картинке, Володя сунул руки в карманы, посмотрел на окно и четко произнес:

— Не поеду.

Он устоял под первой волной упреков, угроз и уговоров. Когда мама сделала передышку, он повторил:

— Не хочу.

— Изверг,— сказала мама.— Эгоист. Я с таким трудом... Вот подожди, придет папа.

Пришел папа, и все повторилось при нем.

В заключение мама попробовала заплакать. Володя держался.

— Может быть, объяснишь, что это за фокусы? — спросил папа.

— Объясню,— сказал Володя.— Объяснить — это пожалуйста. За что я должен мучиться почти целый месяц? В столовую — строем, из столовой — строем, купаться раз в день по пять минут, да и то не всегда. Зато спать по два часа в день — обязательно! За смену это сорок восемь часов. Это двое полных суток, убитых наповал! За что? А палатки только на картинках! Издевательство...

— По его мнению, режим — это издевательство,— сухо сказала мама и отвернулась. Весь вид ее говорил: «Полюбуйтесь, кого мы вырастили».

Володя зажал в себе шевельнувшуюся совесть и нахально сказал:

— Вы нарочно хотите, чтобы я мучился.

Мама сурово выпрямилась и вышла из комнаты. Папа нерешительно сказал:

— Может быть, тебе уши надрать?

— Пожалуйста,— равнодушно откликнулся Володя.— Это не поможет.

— Чего же ты хочешь?

Володя промолчал. У него была ясная цель.

— Ты же знаешь, что с мамой в Кисловодск нельзя, там санаторий для взрослых. Дома одному — тоже не жизнь.

Володя это знал.

— Уж не хочешь ли со мной на раскопки?

Именно этого Володя и хотел. Больше всего на свете. Но вслух это высказать не решился и неопределенно пожал плечами.

— Вовка, нельзя,— тихо сказал папа.— Не разрешат. В прошлом году у одного из сотрудников дочка заблудилась в песках, и теперь не разрешают детей брать. Специальный приказ по институту. Разве бы я не взял тебя?

Чувствуя предательскую слезу, Володя тихо попросил:

— Ты скажи, что мне не с кем остаться.

— Тогда меня отстранят.

Это был тупик. Тупик, потому что Володя уже поверил, что в лагерь ему действительно очень не хочется.

— Ну, аллах с ним, с лагерем,— решил папа.— Давай так. Ты поедешь в Белый Ключ.

●

В Белом Ключе жил дядя Юра, папин друг. Он заведовал там школой. Володя его знал хорошо. Это был сутулый, очень высокий человек, похожий на совхозного механика или бригадира-строителя и ничуть не похожий на школьного директора. Иногда он приезжал в город на разные семинары и совещания, и по вечерам Володя и он с молчаливым озорством резались в шашки. Стук стоял такой, будто шла игра в домино. Проиграв очередную партию, дядя Юра распрямлялся за столом, потягивался и говорил:

— Силен... Ты, Володька, приезжай к нам в гости. С Надеждой познакомишься. Она, брат, тебе не проиграет.— И опять нагибался над доской.— А ну, давай...

Знакомство с неизвестной Надеждой не казалось Володе заманчивым, но сейчас выхода не было.

Маме доказали, что Володя не маленький и до Белого Ключа доедет один.

Он действительно доехал благополучно, дал со станции домой телеграмму, быстро отыскал дом дяди Юры, был встречен, накормлен обедом и заскучал.

Дядя Юра, занятый ремонтом школы, исчез из дома. Надежды тоже не было. Ее бабушка, небольшая старушка сурового вида, погромыхивала в кухне сковородками.

Володя сидел в незнакомой комнате, чувствуя неловкость от своего безделья и от того, что он, кажется, лишний в этом доме. С горькой печалью вспоминал об отвергнутой лагерной путевке.

К счастью, вернулся дядя Юра. Заглянул в комнату и весело приказал:

— Володька! Долой кручину! Обживешься, познакомишься, дело найдешь! А пока шел бы погулять. Поселок посмотришь. Может, с нашими хлопцами знакомство заведешь.

Володя с облегчением ушел из дома. Он двинулся наугад, и улица привела его к большому пруду с берегами, поросшими черемухой и ольшаником. Володя продрался к воде. Он разулся и побрел вдоль берега, отыскивая место, годное для купания. Но везде было топкое, илистое дно и угрожающе торчали зеленые клинки осоки.

— Болото,— сказал Володя.

В трясине одобрительно заорали лягушки. Володя плюнул, ушел от пруда и уже другой дорогой вернулся к дому.

На крыльце Володя увидел девчонку. Она остервенело терла мокрой тряпкой ступени. Короткая тощая коса сердито моталась у ее плеча.

«Надежда»,— понял Володя.

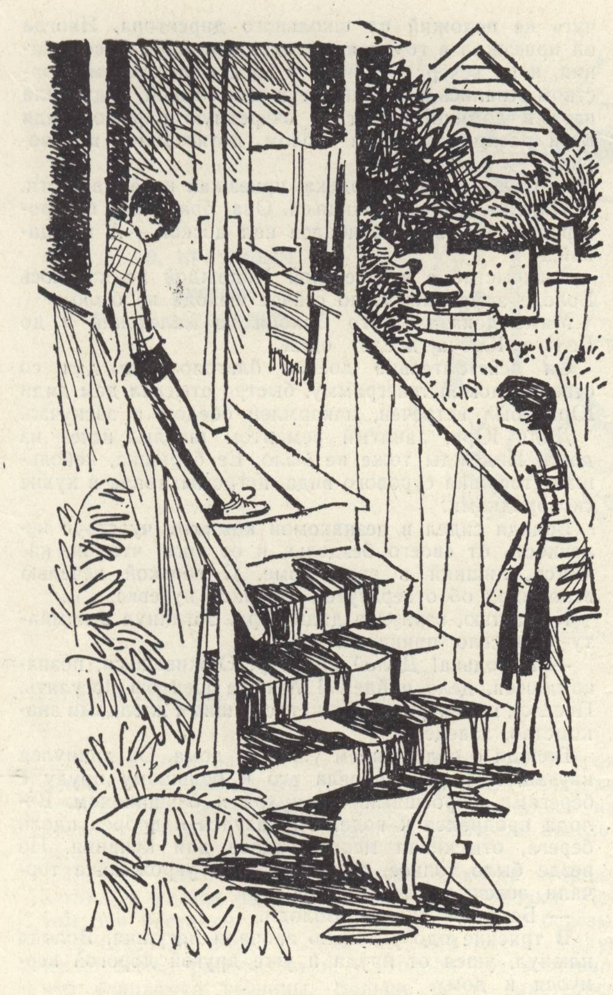
Здороваться с незнакомой девчонкой было неловко. А знакомиться с девчонками Володя не умел. Можно было бы тихонько уйти и погулять, пока Надежда моет крыльцо, но Володя не успел. Она его заметила. Быстро глянула на него из-под нависших прядей волос, отвернулась, выжала над громадным ведром тряпку и снова принялась безжалостно драить половицу.

И нельзя уже было отступать. Смешно. Тогда Володя решил, что пройдет в дом, не сказав ни слова. Не обратит никакого внимания. В конце концов он не обязан обращать внимание на всяких лохматых злюк. А то, что она злюка, сразу видно. Вон как чешет тряпкой!

Володя сделал равнодушное лицо и зашагал к дому. Широко и независимо. Но у крыльца он все-таки остановился. Желтые мокрые доски просто светились от чистоты. Страшно было ступать на них пыльными подошвами. И, чтобы не оставлять лишних следов, Володя решил прыгнуть сразу на верхнюю ступень.

И прыгнул.

Это был отличный прыжок. Быстрый такой и красивый. Как у спортсмена-разрядника. Но спортсменам не суют под ноги тяжелые ведра. А ему сунули. Раздался железный грохот и шум воды.

— Я нечаянно,— сказал Володя виновато.

Володя стоял наверху, Надежда на средней ступеньке, а ведро лежало на земле и перекатывалось с боку на бок. По желтым половицам бежали мутные струи.

— Слон,— тихо, но отчетливо произнесла Надежда.

— Я нечаянно,— сказал Володя виновато, но с сердитой ноткой. Он здорово трахнулся о ведро ногой.

— За нечаянно бьют отчаянно,— заявила Надежда. Она, кажется, обрадовалась, что можно прицепиться.

А Володя почувствовал облегчение: как-никак знакомство началось. Он объяснил этой девчонке почти дружелюбно:

— Я думал, успею проскочить, пока ты ведро двигаешь.

— За пока бьют бока,— неумолимо ответила Надежда, бросила на Володю сверхпрезрительный взгляд и принялась тряпкой собирать со ступеней воду.

Или у нее были неприятности, или такой дурацкий характер. Распсиховаться из-за пустяка!

Володя плюнул через перила и прислонился к косяку. И усмехнулся.

— Ты что-то все про одно и то же. Все «бьют» да «бьют». Ты, что ли, бить будешь?

— Ладно, топай отсюда,— сказала она, не разгибаясь.

— Захочу — уйду, захочу — не уйду. Не к тебе приехал.

Надежда выпрямилась и глянула на Володю с некоторым интересом. У нее были узкие светлые глаза и белое широкое лицо. Круглое, словно донышко от кастрюли. Совсем не годилось ей такое лицо, потому что сама Надежда была тонкая, вернее худая, и ростом немаленькая. Наверно, с Володю.

Смотрела она молча секунды три. Потом произнесла чуть нараспев:

— Па-адумаешь. Не ко мне он приехал...

— А вот па-адумай.

— Больно надо. Ходят тут стиляги всякие... Полуштанник расписной.

Она, видимо, намекала на его шорты с блестящими заклепками и новую рубашку в большую черно-желтую клетку. Ну и что? Не сам же он клепки ставил и клетки малевал! Или, может, ему в лохмотьях надо было приехать? Он даже не разозлился. Растерялся как-то.

— Вот... дура ненормальная.

Она подбоченилась и ехидно спросила:

— А бывают нормальные дуры?

— Бывают,— обрадованно сказал Володя. Теперь он знал, как ответить.— Бывают. Это которые знают про себя, что они дуры, и никуда не суются. А ненормальные считают себя умными. Это вроде тебя...

Трах! Показалось Володе, что с крыши сорвался железный лист и плашмя хлестанул его по щеке. Но это не лист! Это была Надеждина ладонь, мокрая и твердая! И в тот же миг Надежда кошачьим прыжком отскочила шагов на пять.

— Слопал блин? Еще хочешь? Ы-ы-ы...— Она выставила язык, свернутый в аккуратную трубочку. Лицо у нее сделалось продолговатым, а глаза совсем спрятались в щелочках белесых коротких ресниц. Вдруг она повернулась и побежала к калитке.

Володя ощутил, как в него наливается холодное и тяжелое, словно ртуть, бешенство. Он, прищурившись, смотрел ей вслед, а руки его действовали сами собой. Молниеносно отыскали в заднем кармане рогатку, одним рывком распутали резину. Нащупали в другом кармане глиняный шарик. Володя даже и не думал, что может промахнуться. Он точно знал, что влепит ей твердую глиняную пулю между лопаток, прямо по тому месту, где колотится растрепанный конец тощей косы. И тогда девчонка завертится, взбрыкивая худыми ногами, и завоет на весь Белый Ключ.

И он бы попал! Но проклятая Надежда споткнулась и полетела носом в лопухи. А шарик свистнул над ней и угодил в корчагу. Эта посудина стояла на перевернутой бочке, сохла после мытья. Получив глиняный заряд, она как-то неловко крякнула. От маленькой черной дырки вверх и вниз разошлись змеистые трещины, и корчага лопнула, как громадная оранжевая почка. Одна половинка осталась на бочке, а другая плюхнулась в траву.

Надежда встала, отряхнула подол и многозначительно сказала:

— Так-так...

Володя спустился с крыльца и молча прошел в калитку. Мимо Надежды. Ни на нее, ни на разбитую посудину он даже краем глаза не взглянул, но на душе было тошно. Он подумал даже, что хорошо бы махнуть на все рукой и прямо сейчас, не заходя за вещами, укатить домой.

За станционными березами обрадованно закричал электровоз.

Володя сунул руку в карман и нащупал один пятак и шесть глиняных шариков. В другом кармане было три шарика. В третьем... В общем, карманов

было много, а денег — пять копеек. Остальные лежали в чемоданчике, а он стоял в доме.

Володя почти час бродил по улицам Белого Ключа. Они заросли подорожником и одуванчиками. Даже в пыльных колеях упрямо торчали острые травинки. Было тихо и пусто. Прохожие встречались редко-редко. Только по тропинкам вдоль заборов сновали деловитые коты, а по дороге вереницами ходили белые утки.

На плетнях висели рыжие блестящие кринки и напоминали Володе о неприятности с корчагой. На одну из кринок неизвестно откуда взлетел тощий петух. Потоптался на шатком донышке, наклонил голову и одним глазом укоризненно уставился на незнакомого городского мальчишку: «Ага! Значит, это ты бьешь посуду из рогатки! Ну-ну...»

— Пошел вон, дохлятина,— сказал ему Володя.

Петух оскорбленно заорал, захлопал крыльями и свалился в лебеду.

Улицы поселка сходились на площади. Впрочем, это место лишь называлось площадью, а на самом деле там был невысокий зеленый бугор. На нем росли редкие, наклонившиеся в разные стороны березы, а на самом верху стояла большая красная церковь без креста. Володя подошел и увидел синюю вывеску «Клуб».

По обеим сторонам каменного крыльца стояли фанерные щиты для рекламы. На правом белела новая афиша: «Концерт артистов областной филармонии. Ю. Жаров, С. Шалимов, П. Пяткин — эстрадное трио. Л. Чарский — оригинальный жанр. А. Якоби — песни советских и зарубежных композиторов...»

Все это было совсем неинтересно. Володя вздохнул и повернулся к левому щиту. Щит был пуст. На некрашеной фанере кто-то размашисто написал мелом: «Антипов! Когда кино привезешь?» А пониже виднелись нацарапанные кирпичом слова: «Антип — нахальный тип». Буквы были неровные. Видно, тот, кто писал, торопился ужасно.

Хорошо, когда надо торопиться. А Володе спешить было некуда. Хоть совсем не возвращайся в дом, где живет вредная лунолицая девчонка... Но он вернулся. Очень захотелось есть, да и все равно весь день бродить не будешь.

Он пришел в самый неподходящий момент. Во дворе разбирался вопрос о разбитой корчаге. Разбирала его бабушка. Надежда сидела на крыльце и равнодушно смотрела поверх забора. Дядя Юра у дверей сарая насаживал топор на топорище и внимательно слушал бабушкину речь.

— Корова бессовестная, неуклюжая! Глаза бы мои не глядели,— громким плачущим голосом говорила бабушка, но лицо ее было не жалобным, а суровым.— В чем я тесто буду ставить, а? Ну, в чем? А, молчишь! Нечего глазищами-то по небу рыскать, отвечала бы лучше! Думала, угощу мальчонку пирогом, а тут вон чего!

«Не до пирога уж, быть бы живу»,— отметил про себя Володя. Он остановился в калитке, с опасением глядя на сердитую старушку.

— Обойдется он без твоего пирога,— сказала отвратительная Надежда и зевнула.

— Обойдется! Это ты обойдешься! Где я такую посуду найду? Ее и в городе теперь не сыщешь.— Бабушка горестно склонилась над черепками.— Большая да крепкая была...

— Крепкая...— с презрением бросила Надежда.— Чего ж она с одного щелчка развалилась?

— Со щелчка! — вскипела бабушка.— Голову бы свою щелкала такими щелчками. Разбила и сидит, будто и дело не ее!

— Если кто-то думает, что я буду рыдать из-за разбитого горшка, так это просто смех,— сказала Надежда.

— Горшка! — ахнула бабушка.

— Ну и фрукт же ты, Надежда,— подал голос дядя Юра.— Возьму я в одну руку твою косу, а в другую этот веник...

Надежда стрельнула глазами в его сторону и слегка напружинила ноги.

— Если кто-то думает, что меня можно догнать, так это просто смех.

— А если кто-то думает, что пойдет сегодня в клуб на концерт, так это просто хохот до упаду,— заключил дядя Юра.

— Ну и ладно,— заговорила Надежда.— Подумаешь! Больно мне надо всяких фокусников смотреть... Будто я нарочно его разбила! Ну и ладно, идите сами в свой клуб.

«Кислое дело,— подумал Володя.— Ждать дальше некуда».

Вздохнув про себя, он оттолкнулся плечом от калитки и заговорил:

— Врет ведь она, дядя Юра. Эту посудину я расколотил.

Дядя Юра воткнул насаженный топор в чурбак и распрямился.

— А, вернулся,— сказал он.— Ну, как погулял?

— Нет, в самом деле я,— повторил Володя.— Из рогатки, нечаянно. Я хотел в нее попасть.— Он мстительно кивнул в сторону Надежды.— Прицелился, а ее угораздило на ровном месте запнуться.

— Ишь ты, какое дело,— с интересом сказал дядя Юра.— А чего вы не поделили?

— Да так. Ерунда...

— Все одно через нее это,— вмешалась бабушка.— Кто же это в хорошего человека станет из рогатки пулять?

Надежда поднялась и гордо ушла в дом.

●

Идти вечером в клуб она отказалась. Володя подумал и тоже не пошел. На концерт отправились дядя Юра и мать Надежды, которая вернулась с дежурства на почте.

Бабушка заняла у соседей корчагу и заводила на кухне тесто.

Володя вышел на крыльцо, не зная, куда себя девать. Надежда кормила кур. Она покосилась на Володю, хмыкнула и сказала:

— Заступник какой... цып-цып-цып, жрите вы, прорвы... Больно мне надо, чтоб за меня заступались. Кажется, я никого не просила вмешиваться...

— Я не ради тебя вмешался, а ради собственной совести,— внушительно сказал Володя.

— Па-адумаешь! Ради совести!

— Ты па-адумай. Полезно,— ядовито предложил он и с беспокойством вспомнил, что разговор днем начинался так же и кончился печально. «Фиг с тобой,— решил Володя.— Буду молчать».

Надежда вдруг разогнала кур и сказала:

— Айда на пруд. Искупаемся.

— Мне не жарко,— сухо ответил Володя.

— Простудиться боишься?

— Да где там у вас купаться? Трясина кругом!

Он думал, что Надежда опять разозлится. Но она миролюбиво объяснила:

— Ты не туда ходил. Надо к плотине. Там вода прозрачная и дно с песком. Пойдешь?

— Ну, пойдем.

Они шагали сначала молча, а потом завели отрывистый, но уже не сердитый разговор: «В этом доме у нас библиотека». «Хорошая?» «Да так...» «Тихо

у вас». «Здесь не город». «Конечно». «Сейчас, к тому же, все в клубе». «Ты зря не пошла». «А ты?» «Не хочется». «И мне...»

В конце пути уже позабылась ссора, и Володя подумал, что Надежда — девчонка неплохая, только характер у нее не очень.

Было около семи часов вечера. Солнце стояло еще высоко и до дна просвечивало зеленую воду. На дне тускло блестели песчинки. Вода сонно ворчала под плотиной и, пробившись через нее тонкой струйкой, прыгала в заросшее русло ручья. Пахло сырым деревом и разогретой травой. Кусты обступили пруд вплотную, и в этой зеленой тишине хотелось почему-то говорить шепотом.

— Можно с берега заходить или с плотины прыгать,— вполголоса заговорила Надежда.— Наши мальчишки прыгают с плотины. Только там опасно: колья торчат.

«Надо же! «Наши мальчишки»!»—подумал Володя. Он разделся и пошел на середину плотины, цепко ощупывая босыми ступнями шершавые бревна.

Надежда торопливо сказала вслед:

— Мне неохота в воду лезть. Я сегодня три раза купалась.

Володя остановился над водой. Глубина казалась порядочной. Колья, торчащие со дна, были отлично видны. Володя присел, распрямился и по дуге ушел в воду.

На глубине он открыл глаза. В мутно-зеленом сумраке колья чернели, как костяк громадной рыбы. Поверхность воды снизу казалась блестящей и непрозрачной, словно фольга. Володя пробил ее головой и неторопливо поплыл к берегу. Выбрался и запрыгал на крохотном песчаном пятачке, чтобы вытряхнуть из ушей воду. Ресницы были мокрые, и Надежду он видел расплывчато, будто сквозь стекло, залитое дождем.

— Хорошая вода,— сказал Володя.— Только болотом отдает немного.

— Мы привыкли... Зато здесь рыба водится. Наши мальчишки все время рыбачат... А в городе река большая?

— Конечно. У нас же судоверфь громадная.

— Поглядеть бы, а? — как-то по-хорошему, доверчиво сказала Надежда.

— Разве ты никогда в городе не была?

— Была, конечно. Только все как-то мельком. Ну, в театр, в музей сходишь — и домой пора...

— Ты приезжай,— предложил Володя и сел рядом.— У нас теперь летний трамплин построили. Планетарий скоро откроют. Пристань новую строят, чтобы танкеры с нефтью принимать. Это тебе не музей.

— Я постараюсь,— пообещала она.— Только тут у нас тоже места хорошие. Вот увидишь.

— А почему такое название — Белый Ключ?

— Скала есть за поселком. Она не совсем белая, но светлая. Светло-серая. Рядом родник. Вот и название такое, старинное. Потом сходим туда, если хочешь.

— Сходим...

Жизнь как будто налаживалась. Все теперь нравилось Володе: и тишина, и пруд с россыпью солнечных бликов, с зеленой тенью у плотины, и притихшая Надежда, и даже болотный привкус теплой воды.

Затрещав слюдяными крыльями, прилетела стрекоза и села Володе на локоть. Она была блестящая, красная, с оранжевыми крапинками на крыльях.

— Смотри-ка ты! Никогда таких не видел,— удивился Володя.— Черных видел, голубых, зеленых, а таких ни разу.

— У нас их сколько хочешь,— оживилась Надежда.

Держа локоть со стрекозой на весу, Володя разглядывал эту живую модель аэроплана.

— Ну и глазищи... Смотри, в них солнце отражается.

— Ага,— отозвалась Надежда.

— Ты погляди, оно не кружками отражается, а шестиугольниками. Знаешь, почему?

— Ой, верно! Почему?

— У нее каждый глаз из мелких глазков состоит. Как будто из ячеек таких шестиугольных. Вот и отражение такое. Это мне один семиклассник рассказывал, Борька Тимофеев. Он в нашем доме живет.

Надежда молчала. Она прислушивалась. К чему, непонятно. Только вода все ворчала и ворчала под плотиной. Володя снова перевел взгляд на стрекозу и тряхнул рукой.

— Старт!

Крылатая гостья с треском ринулась в полет.

— Стрекоза — шестиугольные глаза...— с усмешкой сказал ей вслед Володя.

И услышал:

— Вранье это...

Голос у Надежды был злой и скучный. Она стояла теперь и враждебно смотрела на Володю сверху вниз.

— Врет твой Борька Тимофеев! — громко повторила она.— И ты врешь! Думаешь, из города приехал и можешь как хочешь трепаться?! Звонарь несчастный!

Она по-кошачьи отпрыгнула и скрылась в кустах, только ветки закачались. Володя ошарашенно посмотрел на эти ветки и запоздало крикнул:

— Пиявка тебя, что ли, укусила?!

Особой злости он не почувствовал.

«Дикая какая-то,— решил он.— Не поймешь, с чего взорвалась. Ну ее...»

Уходить от пруда не хотелось. Он посидел еще полчаса, просто так, ни о чем особенном не думая, а потом оделся и лениво побрел к дому.

●

На полпути он и встретил тех, которые хотели его бить. Они шли сомкнутой шеренгой. Володя почувствовал смутную тревогу и на всякий случай свернул к забору. Но они тоже будто случайно перешли с дороги к самому краю улицы. Больше вилять было нельзя: и неловко и бесполезно. Володя вздохнул, принял беззаботный вид и неторопливо двинулся навстречу опасности.

Опасность состояла из четырех человек. В середине шагали двое мальчишек Володиного возраста или чуть постарше. Один, белобрысый и толстогубый, был в голубой майке, прожженной на животе, и в обтрепанных лыжных штанах. Он показался Володе добродушным и не очень опасным. Зато второй, высокий, темноволосый мальчишка, отутюженный и стройный, как граф Монте-Кристо, не понравился Володе совершенно. Он шел, лениво покусывая какой-то трубчатый стебель, и, кажется, смотрел на Володю с холодным любопытством. Будто на бабочку для коллекции. И уже готова булавка.

По сторонам от этих двух шли пацаны поменьше. Оба рыжие, но неодинаковые. Один — с волосами медно-красного оттенка, толстощекий и коренастый. Второй — золотисто-желтый, с большим, как полумесяц, ртом и длинными, тонкими, словно бамбуковые удочки, ногами.

В голове у Володи совсем некстати запрыгали строчки забытого стихотворения:

Четверка дружная ребят
Идет по мостовой...

«Дружная четверка» приближалась с неторопливостью уверенного в удаче хищника. Володя тоже не

Четверо мальчишек бросились к яблоку.

спешил. Но все-таки они двигались, и наконец остался промежуток всего в пять шагов. Тогда «граф Монте-Кристо» сказал:

— Стой.

Неизвестно, кому он скомандовал: своим ребятам или Володе. Остановились все.

Белобрысый мальчишка в прожженной майке ощупал Володю светло-голубыми глазами и неторопливо спросил:

— Это ты, что ли, к Веткиным из города приехал?

Володя постарался спрятать за насмешливым тоном острую настороженность:

— Я, что ли... А что?

— Мы тебя сейчас лупить будем,— сообщил «граф».— Если у тебя оправдания какие-нибудь есть, давай говори.

Голос у него был басовитый и мрачный.

Оправданий Володя не имел. Был у него только вопрос:

— За что?

— Ты ваньку не валяй,— сказал «граф».— Смотри, Юрка, он будто и не знает.

Голубоглазый Юрка спросил в упор:

— Ты Надьку зачем задеваешь?

«Ябеда, предательница!» — подумал Володя и ответил:

— Что-то не помню.

— Ну, сейчас припомнишь,— пообещал Юрка.

Рыжие адъютанты выжидательно глянули на своих командиров: «Уже начинать?»

«Туда же, малявки»,— беззлобно подумал Володя.

Сзади была пустая дорога, и Володя знал, что никто его не задержит и никто не догонит. Но бежать по улице и думать, что, может быть, из каждого окна с насмешкой и любопытством смотрят на это незнакомые жители Белого Ключа!

А не бежать — излупят.

— Когда я ее задевал? — хмуро спросил он.

— Он ее утром два раза бил и вечером один раз. И стрелял из рогатки,— доложил Юрке медноволосый. При этом на Володю он не смотрел и жевал большое желтое яблоко. Интересно, где он достал такое яблоко в июне?

— Вранье же это, ребята! — самым искренним тоном сказал Володя.— Ну, зачем я ее буду бить? Только из рогатки один раз, да и то мимо. И она же первая виновата!

— Гляди, как выкручивается! — сказал тонконогий мальчишка голосом писклявым и беспощадным.

Юрка втянул воздух и решительно поддернул штаны, давая понять, что разговор кончен.

— Четверо на одного? — спросил Володя и подбоченился. Не для фасону, а для того, чтобы легче было скользнуть правой ладонью в задний карман.

— А что? — поинтересовался «граф».— Нельзя?

— Даже семеро,— сказал Володя.— Вон еще к вам пополнение ползет.

Хитрость удалась. Они оглянулись, и Володя успел отскочить еще шагов на пять. А когда разозленные мальчишки развернулись для нападения, он уже стоял с растянутой и наведенной рогаткой. Он знал, что делает, но выхода не было.

— Ну? — сказал он, переглатывая от волнения.— Что встали? Давайте! Я успею выстрелить два или три раза. Два — это точно. Врежу между глаз без промаха. Так что двое сразу с копыт. А с остальными видно будет.

— А если смажешь? — неуверенно спросил «граф».
Остальные промолчали, беспокойно поглядывая на Володино оружие.
— Ты, рыжий, подбрось яблоко,— сказал Володя.
— Зачем?
— Подбрось. Успеешь еще сжевать. Выше бросай.
Хозяин яблока вопросительно глянул на Юрку, но тот не отрывал взгляда от рогатки.
— Ну, бросил...— Яблоко темным мячиком взлетело в вечернее небо.
Резина щелкнула с резкостью пастушьего кнута. «Мячик» в небе дернулся, и от него отлетел осколок. Потом яблоко упало на дорогу, и четверо мальчишек бросились к нему.
Володя обошел их и зашагал к дому, на ходу перезаряжая рогатку. Он шел и очень боялся услышать за собой топот. Но топота не было.

●

Надежда оказалась дома и вела себя так, будто ничего не случилось. Расспрашивала родителей про концерт и жалела, что пришлось им смотреть такую сонную дребедень. Улыбалась Володе, когда ужинали, и подливала ему в кружку холодного молока.
— Все в порядке? Дипломатические отношения установлены? — спросил дядя Юра.
— На высшем уровне,— сказал Володя.
Надежда улыбалась.
— Слушай, Надя,— сказал Володя,— есть тут такой Юрка. Ходит в майке с дырой на пузе. Как его фамилия?
— А, это, наверно, Перевозчиков,— невинным голосом откликнулась Надежда.— А что?
— А ничего,— нежно сказал Володя.— Привет тебе от него.

●

Перед сном он вышел за калитку, сдернул с рогатки резину и забросил ее в крапиву. Потом зажал в кулаках гладкие деревянные рожки и рванул их в разные стороны. С громким хрустом рогатка разломилась. Это было очень грустно, однако ничего другого сделать Володя не мог. Еще в прошлом году, когда появилась опасность, что Большая Игра перейдет в Большую Войну, Володя вместе с другими мальчишками пообещал, что не поднимет рогатку ни на человека, ни на зверя, ни на птицу. Это случилось на берегу ручья, когда Сережка Вересов поднял с земли своего белого почтаря, перемазанного кровью, и, ничуть не скрывая слез, сказал:
— Сперва в голубей стреляете, потом в людей будете? Фашисты...
Вот после такого случая обе стороны и приняли «Закон об оружии».
А сегодня Володя нарушил этот закон дважды...

●

Утром Володя вышел на улицу.
Больше всего на свете в любых делах он не терпел неясности. Поэтому все неприятные вопросы старался решать как можно быстрее. Жить так было спокойнее и проще.
Сейчас его беспокоила мысль о здешних мальчишках. Драться с ними со всеми он не мог. А жить здесь целый месяц и прятаться все равно нельзя. Глупо это. Хуже всего именно то, что это глупо и смешно. Через несколько дней все ребята со смехом будут говорить, что в доме Веткиных живет новый мальчишка, которого надо поймать и отлупить. Многие даже не спросят, зачем это надо.
Может, и не поймают, но от насмешек все равно не скроешься, а они страшнее кулаков...

Володя шел серединой улицы, зорко поглядывая по сторонам. Он ступал неторопливо и твердо, как человек, уверенный в своей безопасности.
Но улица была пуста.
Лишь в следующем квартале он увидел первого местного жителя. Житель этот, лет пяти или шести, в длинных, разлохмаченных внизу штанах и голый до пояса, сидел на верхнем бревне золотистого нового сруба. Он был погружен в мысли.
— Эй! — окликнул Володя.— Ты там что делаешь?
— Сижу,— последовал ответ.
— Высоко там у тебя?
— Ага.
— А дом, где Юрка Перевозчиков живет, тебе видать оттуда?
— Его откуда хочешь видать,— сообщил местный житель.— Вон он, ихний дом, с ведром на трубе.
— Ясно.— Володя направился к дому с ведром на трубе.
— Драться будете? — оживился малыш. Видно, он был в курсе дела.
— Там посмотрим,— откликнулся Володя.
— Я отсюда буду глядеть,— сообщил мальчишка.
Володя двинулся вдоль низкого, сколоченного из березовых жердей забора и неожиданно увидел во дворе Юрку. Тот вытаскивал из сарайчика рогатые деревянные козлы, на которых пилят дрова. Юрка тянул их за «рога», и козлы упирались нестругаными ногами, как живой упрямый козел.
Володя взялся за березовую жердь и махнул через ограду. Юрка воевал со зловредным деревянным зверем и ничего не заметил. Володя остановился у него за спиной.
— Привет,— сказал он.
Юрка обернулся, медленно разгибаясь и опуская руки. Он заулыбался растерянно и даже виновато.
— Здорово...— наконец ответил он.— Ты как это... не через калитку.
— Да так вот. Через забор,— не отвечая на улыбку, объяснил Володя.— Поговорить надо. Время есть?
— Да... есть...
— Ну вот... Тогда послушай,— начал Володя, старательно подбирая слова.— Я здесь буду жить целый месяц. Драться с вами мне неинтересно. Вас много... Я не боюсь, но получится плохо: вы меня каждый раз станете разделывать так, что будь здоров. Приеду я такой разукрашенный домой... Ну что я нашим ребятам скажу? Они же не поверят, что тут все на одного нападают, потому что они до сих пор про такое свинство не слышали. В общем, если хотите, давайте один на один. По очереди.
Во время этой речи Юрка неуверенно моргал и все время хотел что-то сказать. А когда Володя кончил, он опять растянул в улыбке толстые губы и махнул рукой.
— Да брось ты это... Мы же просто так. Мы сперва не тебя, а Надьку бить хотели, а она повстречалась и разнылась. Говорит: «Мне от приезжего Володьки и так досталось, а тут еще вы». Говорит: «Заступились бы лучше...» Мы и пошли заступаться. Ее-то мы всегда отлупить успеем.
— А за что? — с облегчением спросил Володя.
— За многое,— сказал Юрка и снова яростно вцепился в деревянного зверя.
— Подожди,— вмешался Володя.— Надо набок повернуть, а то не пролезет. Давай... А, черт, по ноге въехало. Вчера этим же местом об ведро треснулся...
Юрка, поднатужившись, притащил березовое бревнышко, принес из сарая пилу. Одну ручку пилы начал приматывать к старой диванной пружине, прибитой к стенке.
— Техника,— объяснил он с неловкой усмешкой.—

Может, полегче будет.

— Еще не пробовал?

— Не пробовал. Вчера только придумал.

— Ну и плюнь на эту технику. Ничего не выйдет. Я дома тоже устраивал. Все зря.

— Разве у вас дома тоже печка есть?

— Раньше была. Потом новую квартиру получили, с батареями.

— Да еще, небось, газ? А тут, чтоб обед сварить, и то пилишь, пилишь...

— А ну, давай,— сказал Володя.

Пилили молча. Тайком изучали силу друг друга. Когда бревно распалось на два чурбака, Юрка заметил:

— А стреляешь ты классно.

«Отстрелялся теперь»,— подумал Володя. И сказал:

— Тренировка.

— Долго тренировался?

— С прошлого года... Игра такая была. У нас в квартале три дома, и наш как раз посередине. А из тех домов ребята против нас были. Им между собой надо связь держать, а мы не даем. Тогда они придумали бутылку с записками по ручью пускать. Есть позади домов овражек с ручьем. Сначала еще почтовых голубей посылали, да не вышло, вот они и придумали эти записки. А с нашей стороны к ручью не подойти: берег высокий, и скользко. Весна была. Тогда и пришлось нам тренироваться, бутылки в воде расстреливать...

— Ловко,— одобрил Юрка. Покатал ногой чурбак и спросил: — Ты на наших озерах не был?

— Нигде я еще не был...

— Завтра пойдем,— предложил Юрка.— У нас маленький бредешок есть. Он самодельный, из мешковины, да ничего, таскать можно. Караси с тарелку попадаются...

И в эту секунду, наверно, волшебник, который командует временем, сорвал какую-то пружину. Время рванулось и понеслось, как лыжник с трамплина. И когда Володя вспоминал потом Белый Ключ, ему казалось, что все события произошли за один день, только день был долгий. И вспоминалось все не по порядку: стук дождя по перевернутой лодке, костры и маленькие золотые караси, месяц, тоже похожий на золотого карасика; вечерние улицы поселка и стремительный бег по огородам — игра в разведчиков; хохот в полутемном клубе: киномеханик Антипов пустил ленту задом наперед; звонкие удары по мячу; хрипловатый шепот Кольки Пальмина — «граф» рассказывает на сеновале страшную историю... И опять костры, отражение месяца, черный лес...

И Надежда.

Была она какая-то разная. То гоняла в футбол с мальчишками и ходила на рыбалку, то вдруг вскипала не из-за чего и, отругав ребят, убегала домой. То вдруг начинала жаловаться Володьке на остальных мальчишек и на свою скучную жизнь. А потом опять как ни в чем не бывало мчалась вместе со всеми в клуб, чтобы захватить в кинозале места получше. А когда помогали ремонтировать школу, взяла и вдруг мазанула Володю по щеке голубой масляной краской. А кисть была большая, шириной в ладонь...

И все-таки Володя вспоминал об этой девчонке без обиды. Попрощались они хорошо, и Надежда шепотом попросила:

— Ты еще приезжай...

— Драться мне с вами неинтересно. Вас много...— сказал Володя.

А осенью он получил письмо:

«Здравствуй, Вовка!

Ты не сердись, что я все время ссорилась, ладно? Это я из-за Катьки. Она такая дура. Я боялась, что она смеяться начнет, что мы все время вместе. Помнишь, когда мы на пруду сидели, когда ты только приехал, я разозлилась и убежала. Это я Катькин голос в кустах услыхала и думала, что она следит за нами. Это глупо, конечно. Надо было ее отлупить, вот и все. А когда ты уехал, я шла со станции и Катьку встретила. Я думала, она смеяться будет, что я тебя провожала, а она стала вздыхать и говорит, что хорошо, что ты уехал, а то она боялась в тебя влюбиться. Вот дура! Верно? Без тебя скучно. Ты приезжай на будущий год, все ребята про тебя спрашивают, и я говорю, что приедешь...»

Это было такое письмо, будто и не девчонка писала. Без хитростей и ужимок, честное. И Володе вдруг до чертиков захотелось опять в Белый Ключ. Больше всего на свете захотелось. Если бы его тогда спросили, куда он больше хочет: в кругосветное путешествие или в Белый Ключ,— он бы, наверно, махнул рукой на кругосветное путешествие.

Володя дочитал письмо и засмеялся. Он сообразил, что даже не помнит, что это за Катька.

●

А поехать на будущий год в Белый Ключ не удалось. В мае у Надежды умерла бабушка, и, конечно, Веткиным было не до гостей.

Володя уехал в лагерь «Синий Камень». Он оказался здесь впервые, и ему даже понравилось. Лагерь был небольшой. Никто не гонял ребят строем в столовую и на прогулку. Никто строго не следил, чтобы спали в тихий час. По-настоящему запрещалось только то, что действительно было опасно: купаться в одиночку и уходить далеко в лес. Река крутила воронки, а лес, чем дальше, тем делался глуше и темнее.

Воспитателей в отрядах не было, были только вожатые. Жизнь у них оказалась нелегкая, и, наверно, поэтому особых развлечений придумать они не могли. Но от скуки никто не страдал, потому что на лагерь накатывали «волны».

И последней накатила стрелковая волна.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ночью, во сне, Кашка сбросил одеяло. А утром из росистой травы скользнул в палатку холод и разбудил оруженосца.

Вздрагивая, Кашка натянул одеяло до носа и стал смотреть на парусиновый потолок. Солнце светило сквозь кусты и отпечатало на палатке запутанный узор ветвей и листьев. Потом на ветке появилась озорная тень воробья. Покачалась и улетела. Это было совсем как в кино.

Кашка полежал, согреваясь, откинул одеяло до плеч и повернулся к Володе.

Володя крепко спал, разбросав худые коричневые руки. Кашка подполз на коленках и наклонился над своим командиром.

Сейчас командир не казался таким взрослым и суровым. У него тихо вздрагивали ресницы, а припухшие губы чуть приоткрылись, и лицо было немножко жалобным.

«Он хороший, только он вчера рассердился»,— решил Кашка. Но тут его взгляд упал на стрелы. Оперенные хвосты стрел пучком торчали из-под Володиной подушки. Повыше перьев на фиолетовых древках краска была соскоблена, и дерево желтело неровными полосками. Кашка поежился и торопливо отполз к своей постели. Все вспомнилось...

Но ведь Володя не прогнал его все-таки. Он даже и не ругался почти. И у костра остаться разрешил. У костра было так хорошо!.. Да, а что случилось потом? Кашка помнил только танцующий огонь и горящие искры в небе...

Он посмотрел на свою одежду, аккуратно сложенную рядом с подушкой. Никогда он так ее не складывал...

Володя зашевелился, повернулся на бок, сунув ладонь под щеку, и улыбнулся, не открывая глаз.

Алешка хрипло затрубил.

Кашка тоже улыбнулся и выбрался из палатки.

Роса уже высохла, но было еще прохладно. Кашка затанцевал и задергал плечами, однако за одеждой не вернулся: побоялся разбудить Володю.

Рыцарский стан мирно спал под утренним солнцем. Чтобы согреться, Кашка пробежался по кругу. У входа в палаточный городок, привалившись друг к другу, бессовестно дрыхли часовые.

Из центральной палатки вылез заспанный горнист Алешка Званцев в картонной мушкетерской шляпе и красной ситцевой мантии. На изнанке мантии были заметны следы меловых букв: ДОБ... ПОЖ... Алешка сердито глянул на малька-оруженосца, расставил босые ноги и хрипло затрубил.

Часовые ошалело вскочили и вытянулись.

Начинался турнирный день.

●

Сначала слышалось повизгивание блоков, потом из-за кустов появлялся олень. Он пересекал поляну и через несколько секунд скрывался в чаще.

Красный фанерный олень... Он скользил по проволоке ровно и не так уж быстро. Попасть было нетрудно. Однако с первого выстрела Володе не повезло.

Нет, он не промахнулся. Фиолетовая стрелка красиво ударила в длинную оленью шею. Она пробила фанеру насквозь и осталась торчать, покачиваясь вместе с оленем. Выглядело это великолепно, и над кустами вознесся восторженный рев болельщиков. Но Володя-то знал цену этому выстрелу!

Он целился не в шею! Глупо было бы рисковать ради красивого попадания. Володя хотел вогнать стрелу прямо в корпус, но она скользнула выше и лишь случайно воткнулась в тонкую шею оленя. Это было все равно, что промах. По крайней мере для Володи. Уверенность ушла от него, и, взяв из рук

оруженосца вторую стрелу, Володя уже не знал, попадет ли она в цель.

Обидно! Если бы это случилось раньше, когда еще стреляли по круглым мишеням, Володя бы и не переживал. Ну, проиграл и проиграл. Победа казалась тогда еще далекой и недоступной. Райка успела выпустить одиннадцать стрел и выбила восемьдесят шесть очков. А Юрка Земцов, совсем неожиданно,— восемьдесят пять. Догнать их казалось невозможным. Но Володя потом догнал. За счет скорости. Он шел очко в очко с хладнокровной, не знающей промаха Райкой. И поэтому волновался. Если бы отставал,— наплевать. Если бы обогнал,— значит, и переживать нечего. Но сейчас все решал олень, решали последние стрелы. И тут дрогнула рука.

Вторая стрела вообще не задела оленя. Зрители растерянно запереговаривались.

«Мазила косорукий! Мусорщик, а не стрелок!» — обессиленно обругал себя Володя.

Ему не нужны были почести победителя. По крайней мере сейчас он чувствовал, что не нужны. Самодельная раскрашенная грамота и пирог с вареньем— приз чемпиона — его не волновали. Обидно было другое: проиграть в последний момент, проиграть из-за того, что стали противно вздрагивать локти и пропала точность, словно лук стал чужим, а расстояние до мишени неизвестным.

«Псих»,— сказал он себе, но это не помогло.

Володя потянулся за третьей стрелой и увидел глаза Кашки.

Кашка нес свою службу исправно и неутомимо. Помогал менять мишени, ловко подавал на растопыренных пальцах стрелы, а когда кончалась очередная стрельба, не дрогнув, бросался собирать их в зарослях шиповника и крапивы. Он машинально расчесывал изжаленные ноги, машинально жевал принесенные из столовой бутерброды и не слышал ничего, кроме упругих щелчков спущенной тетивы, шороха стрел, ударов жестяных наконечников о мишени да еще шелеста травы, если стрела пролетала мимо цели.

И только одного хотел Кашка: чтобы как можно меньше Володиных стрел шелестело в траве.

Когда в руках у Володи растягивался длинный тонкий лук, в Кашке тоже что-то натягивалось и дрожало. А когда щелкала тетива, Кашка вздрагивал, и сердце у него срывалось. И в тот короткий миг, пока стрела летела к цели, он много раз успевал повторить про себя: «Попади! Ну попади же! Попади обязательно». И когда стрела вдруг не слушалась, Кашка смотрел на Володю растерянно и удивленно.

●

Но Володя не видел лица оруженосца. Весь день он только видел его маленькие растопыренные пальцы с фиолетовыми стрелами. Пальцы, которые в нужную секунду подносили стрелу. Ничего другого и не было нужно Володе.

●

А Кашке было нужно многое, только он сам не догадывался об этом. Ему нужно было, чтобы Володя хоть мельком взглянул на него и вполголоса сказал: «Молодец, Кашка!» Или, может быть, взял бы его за плечо и шепотом спросил: «Не устал?» И тогда бы Кашка отчаянно замотал головой и, крикнув: «Не... Нисколечко!» — еще быстрее ринулся бы в колючие джунгли за стрелой, пролетевшей мимо цели.

Но Кашка не догадывался, что ему этого хочется. Это желание было где-то позади другого, самого главного, которое называлось «Володина победа». И Кашка был уверен, что, когда Володя станет чемпионом, он обязательно скажет: «Мы с тобой молодцы, верно?» Скажет негромко, чтобы слышали только они двое. Так почему-то казалось Кашке.

«Попади! Ну, попади же! Попади обязательно!»

Каждую стрелу он провожал этим заклятием. И губы у него шевелились. Но вслух Кашка не сказал ни слова. Разве можно говорить под руку!

Он видел, что дела у Володи идут неплохо, и знал, что победу решит олень. Он, кажется, один из всех, кроме Володи, почувствовал неладное, когда стрела вонзилась оленю в шею.

Когда вторая стрела, не задев оленя, ушла в заросли, Кашка впервые с досадой подумал: «Не могли уж расчистить место как следует. Царапайся опять...» Но эта посторонняя мысль скользнула, не оставив следа. И вместо нее пришла тяжелая, ноющая тревога.

«Что же ты делаешь!» — думал Кашка, с отчаянием глядя на Володю. А Володя смотрел вслед улетевшей стреле, и руки у него были опущены. Лук, зажатый в левом кулаке, висел, как коромысло.

Завизжали блоки, и олень задом наперед проехал на старт. Володя тряхнул плечами и повернулся, чтобы взять третью стрелу.

●

Вот тогда он и увидел глаза оруженосца. «Володя, не надо! Не стреляй мимо! — умоляли они.— Целься как следует. Ну, пожалуйста! Ты же можешь, Володя!» «Ну чем тебе помочь?» — спрашивали Кашкины глаза.

«Ох, и умотался ты, бедняга!» — с неожиданной жалостью подумал Володя. Впервые за сегодняшний день он как следует разглядел Кашку. На щеке оруженосца от уха до подбородка алела свежая царапина, волосы растрепались, рубашка у ворота порвалась, одна лямка была оторвана и обмотана вокруг пояса, а штаны сбились на сторону так, что боковая застежка оказалась где-то на животе. И ноги в ссадинах, синяках и белых полосах расчесов.

Досталось тебе, Кашка, верно?

Но Кашка молча просил об одном: «Целься как следует! Попади, попади в оленя!»

«Попробую»,— глазами ответил Володя.

Опять визгливо запели в кустах блоки: олень пошел пересекать лужайку. Ведь тех, кто пускал его, совсем не касалось, что между стрелком и оруженосцем идет молчаливый разговор.

«Не было ничего,— сказал себе Володя.— Не было тех двух стрел. Все сначала».

В самом деле, что случилось? Или лук ему дали другой, или мишень сделалась крохотной, или он вдруг сразу разучился стрелять? Ерунда какая!

Олень уже был на виду. Володя аккуратно вставил тетиву в прорезь стрелы и выстрелил навскидку. Он был уверен, что стрела воткнется точно в середину фанерного туловища, что пониже круглого сучка, который проглядывал сквозь краску.

Стрела ударила выше сучка, но это уже не расстроило и не обескуражило Володю.

Остальные семь стрел он выпустил спокойно, как на тренировке. И каждый раз олень уносил стрелу с собой. Только одна, последняя, улетела в кусты. Она прошла выше цели и отбила отросток оленьего рога. И хотя живому оленю такой выстрел не принес бы особого вреда, здесь, на турнире, это попадание все равно засчитывалось.

●

Юрка Земцов смазал по оленю четыре раза, и все теперь зависело от того, как станет стрелять Райка. Володя был уверен, что она ни одну стрелу не истра-

Олень еще был на виду. Тут же Володя аккуратно вставил тетиву в прорезь стрелы и выстрелил.

тит зря. Значит, он проиграл. Мысль эта стала прочной, и Володя следил за Райкой без напрасного волнения.

Райка стреляла с красивой небрежностью. Она не растягивала лук до конца и бросала стрелы с навесом, по дуге. Они ударяли несильно, даже не всегда втыкались, но каждый выстрел был очень точным.

Все делалось быстро и одинаково: визг блоков, щелчок тетивы, удар наконечника о фанеру — короткий такой, негромкий стук.

И Володя вздрогнул, как бы очнулся, когда после девятого выстрела не услышал этого стука.

Что это? Мимо?

Да, мимо...

●

Кашка сидел рядом с Володей, и на лице его было страдание. Он желал Райке всяческих бед и неудач. Чтобы лопнула тетива! Чтобы поскользнулась нога! Чтобы жгучая оса села ей во время выстрела на локоть!

Он не повторял теперь никаких заклятий, только отчаянными глазами провожал каждую стрелу. Словно мог взглядом отвести ее от мишени.

Он еще надеялся на чудо.

И когда наконец стрела свистнула мимо оленя, он привстал с травы и с тревожной радостью подался вперед. Чудо случилось. Вернее, полчуда. Все решала теперь последняя стрела.

А Райке словно было безразлично. Словно и не было промаха. Со спокойным лицом прицелилась она последний раз... Стало тихо.

Кашка отвернулся. Не мог он на это смотреть. Хоть бы уж скорее стреляла!

По длинной упругой травинке ползла божья коровка. Не красная, а желтая, будто капля меда с маковыми зернышками.

Кашка сложил пальцы для щелчка. «Если улетит,— Райка промажет. Если свалится,— Райка попадет»,— загадал он. И щелкнул по травинке. Притворившись неживой, божья коровка, словно твердое семечко, свалилась на лист подорожника.

«Щелк»,— сорвалась тетива. И Кашка зажмурился, готовый услышать противный стук стрелы о мишень.

Не было стука...

●

Гвалт болельщиков оглушил Кашку.

Вскочив, Кашка ликующими глазами смотрел на Володю. Но тот продолжал сидеть. Он сидел, и, кажется, не было на его лице радости.

Медленно подошла Райка:

— Ну, поздравляю,— сказала она.— Ох, устала я, даже голова болит.

— Разве не будем перестреливать? — недоуменно спросил Володя.

— Зачем? У тебя же девять очков. А у меня восемь...

— Ах, да,— сказал Володя, морща лоб. И вдруг засмеялся.— Знаешь, Райка, я забыл, что первый раз тоже попал. Это случайно вышло, и я все время думал, что смазал...

Райка кивнула и отошла.

И тогда наконец Володя сделал то, что должен был сделать. Он сказал Кашке:

— А мы с тобой все-таки молодцы..

Кашка просиял.

Позже, когда уже утих шум поздравлений и все начали расходиться, Володя пошел к Райкиной палатке. Непонятное ощущение вины перед Райкой не давало ему покоя. Словно одно очко досталось ему обманом. Он понимал, что это ерунда, но беспокойство не проходило. И, чтобы прогнать его, он должен был найти сейчас Райку, поговорить с ней, просто так, о разных пустяках, и увидеть, что у ней нет ни обиды, ни подозрения.

Но в палатке Райки не оказалось. Ее оруженосец — Светка — сидела с надутым лицом и взглянула на Володю косо. Ни о чем спрашивать ее он не стал.

Он увидел Райку сам, когда обогнул палатку и направился к лагерю. Райка стояла, прислонившись лбом к сосне, и плечи ее вздрагивали.

Володя подошел и неловко тронул ее за локоть. Райка обернулась, и он отступил одновременно с досадой и облегчением.

Она не плакала, а смеялась.

На лбу ее темнели пятнышки смолы...

●

Призовой пирог Володя и Кашка едва попробовали: желающих угоститься набралась целая толпа.

Грамота, которую вручили Кашке, была очень красивая. Он долго рассматривал ее, когда остался один.

Потом свернул в трубку и перевязал ниткой, которую выдернул из подола рубашки. Сбегал в лагерь и спрятал грамоту в тумбочке.

После этого вернулся Кашка к палаткам.

Палатки уже убирали, и Володи здесь не было.

Неужели все кончилось? Неужели праздник угас?

Нет, не все. Вечером был еще костер. И Кашка сидел совсем рядом с Володей. Сидел молча и смотрел на огонь. Лишь один раз спросил:

— Во-лодя... А еще будет турнир?

— Едва ли,— сказал Володя.— Слушай, ты не видел Юрку Земцова?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На лес, на лагерь наваливалась гроза. Сверху, прямо от зенита, набухшие дождями и тревогой, медленно падали тучи. Лиловые, беспросветные, в тонких и кривых проблесках молний. Их ватная масса заглушала гром, и были только молнии и тишина.

Все ждали первого грома и рассыпчатого удара тяжелых капель. Ждали по-разному. Одни — для того, чтобы с хохотом выскочить под упругие струи, другие — для того, чтобы вздохнуть с облегчением: шум ливня заглушает страх перед грозой.

Аллеи и площадки опустели, дачи притихли. В потемневших стеклах отражались молнии, а в траве змейками пробегали маленькие ветры.

Только три человека не укрылись от грозы. Вожатый Сережа был сегодня дежурным и проверял, все ли готово к удару непогоды. Володя еще не успел зайти в дом: он возвращался из лесу. Третьим был Кашка: он вынырнул из боковой аллеи и зашагал следом за Володей, а потом догнал его.

— Во-лодя... А вот у индейцев тоже есть луки... Эти луки далеко стреляют?

— Что? Не знаю,— ответил Володя, не сбавляя шага.— Далеко, наверно... Конечно, далеко. Беги под крышу, сейчас такой дождь грянет!

Кашка остался на аллее. Он поднял голову и, кажется, только сейчас увидел, что делается в небе. Но на грозное движение туч он смотрел равнодушно и не двинулся с места.

Сережа стоял на крыльце под навесом. Он видел Володю и Кашку, слышал их разговор. Но вот Володя ушел, а Кашка остался, и вокруг него уже падали в песок тяжелые, как пули, капли.

Сережа прыгнул с крыльца.

— Пойдем. Ну что ты здесь стоишь? Это все равно зря.

Он привел Кашку под навес, и они стали смотреть, как нарастает дождь.

Грянул и радостно раскатился над лагерем гром. Вздрогнули стекла и половицы. А Кашка не вздрогнул. Он спросил шепотом:

— А еще будет турнир?

— Нет,— сказал Сережа.— Неинтересно устраивать два одинаковых дела подряд... Да и при чем здесь турнир, Кашка?

Он положил руку на маленькое плечо бывшего оруженосца и хотел еще что-то сказать, но из соседней дачи с хохотом выскочили мальчишки в трусиках и начали прыгать под дождем.

— Тебе так не хочется,— полувопросительно проговорил Сережа.— Да, Кашка?

— Не...

Кашка осторожно, но решительно освободил плечо и повернулся к двери. В ту же секунду дверь открылась, и на крыльцо выскочила Серафима.

— Господи, наконец-то! Опять ты, Голубев, где-то пропадал! Мало мне еще забот...

— Мы тут с ним беседовали,— заступился Сережа.

— Ну да! Он с самого утра пропадает! Все с тобой беседует?

Кашка боком скользнул в дверь.

— Он в последние дни все время куда-то исчезает,— пожаловалась Серафима.— Просто горе одно! Такой тихий, дисциплинированный мальчишка был... И сегодня тоже. Я его искать пошла, а тут гроза. Я этих гроз больше смерти боюсь.

— А вот они не боятся.— Сережа кивнул в сторону веселящихся мальчишек.

— Ну... сейчас дождь. При дожде уж не так страшно...

— Да,— сказал Сережа.

— Ты какой... понурый,— сказала Серафима.— Надоело дежурить?

— Это само собой... Да нет, не то. Вот сейчас я смотрел... Понимаешь, есть два человека. И один ходит за другим прямо по следам. Смотрит на него преданными глазами. А вот второй ничего не хочет замечать. И обидно видеть, как он теряет верного друга. А сказать ничего не скажешь. Насильно дружбу не привьешь.

— Ну уж... не замечает! — выговорила Серафима и медленно покраснела.— Может быть, это просто... характер такой. Может быть, она... он... тоже...

«С ума сойти! — ахнул про себя Сергей.— О чем это она?»

•

«Волна» отшумела и улеглась. Турнирные волнения остались позади. Луки и стрелы были собраны в пионерскую комнату — на выставку. Появлялись новые дела.

И только один человек, бывший оруженосец Кашка, грустил. Кашке был нужен Володя.

Неужели все может так быстро кончиться? Костры, палатки! Стрелы! Красный олень!.. «Мы с тобой все-таки молодцы...» Все было, и ничего нет...

То, что Кашка ходит за ним по пятам, Володя заметил только после разговора с Серафимой. Она спросила его:

— Слушай! Где в конце концов Кашка Голубев?

Серафима была всего на пять лет старше Володи, и он чувствовал себя с ней, как равный.

— Опомнись,— сказал он.— Я-то при чем? Может быть, я нянька? После турнира я его и не видел.

— Не видел! — возмутилась Серафима.— Он за тобой, как на буксире, таскается! Что я, слепая, что ли!

— Не знаю,— вежливо сказал Володя.— И не помню, что встречал его в эти дни.

Но тут же вспомнил. Он действительно много раз встречал Кашку, и тот всегда о чем-нибудь спрашивал: «Во-лодя... А если залезть на большую сосну, то на сколько километров будет видно?», «Володя, можно, я спрошу? Что быстрее летит: стрела или ласточка?» Володе казалось, что это случайные встречи, и он сразу забывал про них.

Он ушел от Серафимы, а буквально через пять минут, когда отправился на волейбольную площадку, обнаружил, что Кашка тащится сзади.

— Стой,— строго сказал Володя.— Объясни, зачем ты ходишь за мной, как тень? Чего ты от меня хочешь?

Кашка заморгал и сделал вид, что шел по своим делам.

— Только не ври,— сурово предупредил Володя.

Но Кашка соврал. Он отвел глаза и пробормотал, что идет качаться на качелях, которые рядом с волейбольной площадкой.

Тогда Володя растерялся. Что он мог сделать? Не мог же он запретить Кашке ходить где вздумается. Каждый человек сам выбирает дороги и ходит где

хочет. Да, это так. Но что будет, когда все заметят, какой у Володи появился хвост? Смех будет по всему лагерю. А это штука скверная, когда все над тобой смеются и сделать ничего нельзя.

— Мало тебе других дорог? — сердито сказал Володя.

Но что еще сказать, не придумал. А Кашка, глядя ему в лицо, спросил:

— Во-лодя. Раз турнир кончился, я уже не оруженосец?

●

Потом Володя будет думать, что все началось с собаки. С того момента, когда появилась эта бурая зверюга. Ему будет казаться, что именно тогда он немного иначе взглянул на Кашку.

А на самом деле все началось раньше. Вот сейчас, когда, вдруг потеряв на секунду твердость, Володя не сказал Кашке «нет». Он только пробормотал:

— Иди ты на свои качели!

И Кашка пошел за ним следом.

●

Володя неплохо изучил окрестный лес и часто уходил в него, когда надоедала суета в лагере. Лес был похож на тот, который окружал Белый Ключ. Те же усыпанные пятнами солнца и хвоей бугры, мшистые камни, скалы и родники. И озера с темной водой.

В лагерь Володя возвращался вовремя, и никто не замечал его дальних отлучек.

Володя привык, что никто не следит за ним. И когда он однажды услышал за собой осторожные шаги, вздрогнул от неожиданности. Но это был не шпион и не хищный зверь. Сзади шел Кашка.

Глаза их встретились. Кашка опустился на колено и стал подтягивать ремешок сандалии. Володя медленно подходил. Кашка теребил ремешок и ждал гнева на свою голову.

— Иди домой,— сдержанно сказал Володя. Ему не хотелось ничего выяснять и ругаться тоже не хотелось.

— Куда? — тихо спросил Кашка.

— В лагерь,— отчетливо сказал Володя.

— А куда? — уже громче повторил Кашка и оглянулся.— Я же не помню.

И Володя понял, что Кашка крался по пятам и не запоминал обратную дорогу. Один он теперь очень легко может заблудиться: лагерь далеко.

— Олух ты! Ну что ты за мной, как намагниченный, таскаешься?

Кашка медленно встал. Он смотрел в сторону, и в уголках глаз у него росли слезинки.

— Ну и ходи теперь за мной весь день,— мрачно решил Володя,— а влетит тебе от Серафимы — сам виноват.

— Может, не влетит,— шепотом сказал Кашка и улыбнулся.— Во-лодя... А мы будем ходить весь день?

И тогда Володя подумал: «Пусть. Ведь не мешает».

Они пошли молча. Володя хотел срезать тросточку. Нужна была невысокая, тонкая и с прямой верхушкой сосенка. Такие растут в чаще молодняка.

— Подожди, а то исцарапаешься,— предупредил Володя и нырнул в колючие ветки. Через минуту он выбрался с метровой верхушкой маленькой сосны.

— Пойдем... Хорошая будет палочка.

— Хорошая,— согласился Кашка.

Они шли через солнечный лес, постепенно сворачивая к лагерю, и Кашка смотрел, как ловко Володя срезает на ходу ветки с будущей тросточки. Нож у Володи был маленький, перочинный, но почему-то вспомнились Кашке шумливые кусты у насыпи, пенек, под которым жил Шишан, и Костя, вырезающий альпиниста.

И вдруг испугался Кашка: а где альпинист? Не потерялся ли? Кашка схватился за карман. Альпинист, конечно, был там. Облегченно передохнув, Кашка вытащил его: пусть поглядит на свет.

Володя ненадолго оставил свою работу.

— Кашка, откуда этот человечек? Забавный... Ты его сам вырезал?

— Не, не сам. Это Костин...— Кашка подумал и объяснил: — Костя путешествует на Памире. Он изучает ледники.

— Он твой брат?

— Он мой друг! — с неожиданной резкостью сказал Кашка. И впервые взглянул на Володю, как равный. Даже с вызовом.

Так уж получилось. Вырвались эти слова, и будто сам Костя встал рядом. Да, он был друг. Никто не мог сказать, что Кашка соврал. И Володя, конечно, не мог. Он только подумал, что это очень странно: откуда у Кашки такие друзья?

— Покажи.

Кашка положил альпиниста ему в ладонь. Деревянный путешественник был легонький, как спичка.

Сейчас Володя разглядел, что вырезан альпинист очень аккуратно и точно. Были заметны даже пряжки на лямках рюкзака и рубчики на толстых подошвах ботинок. Маленький покоритель вершин улыбался весело и беззаботно. Однако, приглядевшись, Володя увидел на крошечном коричневом лбу и у рта ниточки-морщинки.

— Ты с ним играешь? — спросил Володя.

— Ага... иногда,— признался Кашка. Он опять притих и сделался прежним малышом-оруженосцем.

— Это хороший путешественник,— серьезно сказал Володя.— С ним хорошо играть. Он может плавать, ходить по лесам, по пустыням, подниматься на вершины...

— Он поднимался,— осторожно вставил Кашка, и в голосе его была боязнь: может быть, Володя смеется?

Но Володя не любил насмешек и редко насмехался сам. Пусть Кашка видит, что он, Володя, хоть и большой, но тоже понимает игры и тайны.

— Можно еще сделать его парашютистом,— сказал он.— С воздуха можно забрасывать его в самые неведомые земли.

— Как парашютистом?

— Да очень просто. Нужен только платок и нитки для парашюта.

Кашка нерешительно вертел в пальцах альпиниста.

— Во-лодя... А он не потеряется?

— Куда он денется? За дерево не зацепится, можно на поляне запускать.

— Платка все равно нет,— сказал Кашка и оттянул пустой кармашек.— И ниток нет.

— Платка нет, это понятно,— снисходительно согласился Володя.— Но ниток... Как же ты живешь без ниток? А если что оторвется, чем пришьешь?

— У Серафимы есть. Она пришивает.

— У Серафимы вас целая птицеферма. Есть ей время возиться!.. Вон у тебя лямка сколько дней уже оторвана. Так и таскаешь. Никто пришить не может...

Они вышли на лужайку, опоясанную кольцом березовой поросли. Лужайка была ровная, с низенькой одинаковой травой, как на стадионе. Только с одного края, у самой тропинки, приподнялся из-под земли серый плоский камень.

— Не дергайся, а то иголка воткнется.

Место для испытаний парашюта было отличное. Володя вынул платок, до сих пор лежавший в кармане без всякого употребления. Платок был слегка помятый и запылившийся на сгибах, но для парашюта вполне годился. Потом Володя вытащил из воротника иголку с намотанной черной ниткой. Кашка следил за ним с радостным интересом.

— Сейчас попробуем,— сказал Володя.— Только сначала лямку тебе пришью. А то ходишь обормотом.

— Лучше ее совсем оборвать,— рассудительно заметил Кашка.— Я пробовал, да она крепко держится. Давай ножиком отрежем.

— Давай отрежем обе,— сказал Володя,— и ходи вообще без штанов... Ну-ка повернись! И не дергайся, а то иголка воткнется!

Он говорил с сердитым удовольствием и удивлялся про себя. Неужели это и вправду может быть приятно? Командовать вот таким мальком, знать, что он тебе послушен, пришивать ему лямки и делать парашюты?.. Ерунда какая-то... И смех... Вот бы кто-нибудь из ребят появился здесь и увидел, как победитель турнира стоит позади Кашки на коленях и чинит ему штаны!

Лагерь недалеко, и черт может занести кого-нибудь сюда.

И занес.

Крадучись, выбрался на лужайку Генка Молоканов.

●

Молоканов был попрошайка и жадина. Это — самое главное, чем он отличался от других. Правда, жадность у него была не на все вещи, а только на мелочи: на разные самоделки, патронные гильзы, стеклянные пузырьки, значки, поплавки и прочую дребедень. Он их выпрашивал. Даже не менялся никогда, а только выпрашивал. Если меняться,— значит, надо что-то отдавать, а это было для Генки горькой мукой.

А выпрашивать он умел, наверно, лучше всех на земном шаре. В голосе у него появлялась такая жалобность и такая убедительность, что камни могли растаять, как мороженое в июльский полдень.

«Ну, послушай,— негромко, проникновенно говорил Молоканов,— тебе эта штука все равно ни к чему. Ну, поиграешь и выбросишь. Или потеряешь. Или надоест она. Понимаешь, она для тебя пустяк, а для меня очень важная... Ну, дай, а? Ну, правда, дай... Я тебе такое спасибо скажу...»

«А на фига мне твое спасибо?» — спрашивал лишенный чувствительности собеседник.

Генка широко раскрывал голубые, как незабудки, глаза и кротко отвечал:

«Не знаю... Но ведь эта штука тебе тоже не нужна. А мне для пользы».

«Для какой пользы?»

«Для коллекции».

Когда Молоканову начинали объяснять, что не бывает коллекций, где вместе собраны жестяные свистки, огрызки цветных карандашей, куклы из еловых шишек и разные пуговицы, Генка тихо говорил:

«Ну и что? А у меня бывает».

И человек сдавался.

«Пусть,— думал он.— Мне эта вещь и в самом деле не очень нужна, а он вон как из-за нее убивается...»

А если попадался мальчишка с сердцем тверже камня, он все равно отступал. Потому что другим путем отвязаться от Генки было нельзя. Даже колотили его, но без всякого толка. Правда, иногда, чтобы досадить Генке, кто-нибудь говорил:

«Даром не отдам. Давай меняться на компот. На три стакана».

И Молоканов погружался в тягостное раздумье. Компот он любил почти так же, как свою коллекцию, и расставался с ним крайне мучительно. Глядя на его страдания, ребята давились от смеха. Однако скоро было решено: на компот не меняться. Дело в том, что, отдав свою порцию, Генка тут же принимался выпрашивать у других и таким образом добывал два или три стакана.

●

Вот такой человек и появился на лужайке, где Володя заканчивал ремонт Кашкиных штанов.

От неожиданности Володя загнал иглу в указательный палец, тихо взвыл и вскочил. Но Молоканов почти не обратил ни на него, ни на Кашку внимания. Глазами хищника он неотрывно смотрел на альпиниста, который лежал на развернутом платке. Нежным голосом Генка сказал:

— Это чей такой, а?

— Тебе чего надо? — невежливо спросил Володя.— Мало тебе места в лесу? Зачем притащился?

— Я голоса услышал и заглянул...

— Заглянул, а теперь мотай обратно!

Молоканов, однако, не спешил.

— А чья эта куколка?

— Не твоя! Сам ты куколка! — сказал Володя и незаметно оторвал нитку с иголкой от Кашкиных штанов.

— Это мой,— почуяв свободу, заявил Кашка, поднял альпиниста и стал заворачивать в платок.

Генка понял, что надо спешить.

— Дай, а? — жалобно начал он.

Кашка оглянулся на Володю и бесстрашно сказал:

— Иди отсюда! Скоро лопнешь от жадности!

— Беги, Кашка!— крикнул Володя

Надо заметить, что Молоканов был невысок и толст. Когда на это намекали, он обижался. Но сейчас он подавил обиду ради добычи.

— Дай, а? — повторил он.

— Пошел вон! — неумолимым, ровным голосом произнес Володя, и Генка понял, что хорошая деревянная куколка, такая нужная для коллекции, потеряна навсегда. Оставалось только одно — отомстить. И, отпрыгнув подальше, Молоканов противно проблеял:

— Жилы! Жадюги! Бэ-э!

А потом так же отвратительно спел:

Есть у Вовочки дружок —
От горшка один вершок!
Вова ходит с ним, как нянька,
Это очень хорошо!

Несмотря на полноту, бегал Молоканов, как заяц. Володя так и не настиг его, только загнал в жесткий низкорослый ельник. С полминуты он стоял и с удовольствием слушал, как жалобно кряхтит среди колючих веток несчастный попрошайка.

Потом Володя зашагал обратно. Он шел и со злостью думал, что глупый Молоканов не сам сочинил эту дразнилку. Значит, она известна не одному Генке. Может быть, ее все уже знают.

А все из-за этого тихони оруженосца.

Нет, пора прекращать такую волынку. Надо подойти и сказать сразу: «Вот что, друг, игрушки кончились. Турниров больше не будет. У меня свои дела, у тебя свое безделье. Топай своей дорогой! Привет». А то в самом деле в няньки запишут.

С этой мыслью, решительный и злой, вернулся Володя на поляну. Кашка сидел у камня и ждал.

— Слушай, ты!.. — начал Володя.

И в ту же секунду увидел собаку.

Это был грязно-бурый, с черными пятнами зверь. Он с коротким рычанием прыгнул из кустов и через поляну скачками бросился к ребятам. Володя знал, что большие псы умнее и добродушнее мелких шавок. Они не нападают зря. Но в этой собаке была злость и тупость. Володя успел заметить желтые зубы под вздернутой слюнявой губой. Нет, собака не собиралась шутить. Видимо, был это сторожевой свирепый пес, ничему не обученный и одичавший на цепи. Теперь каким-то путем он обрел свободу.

Все эти мысли промелькнули мгновенно. И последняя была об оруженосце.

— Беги, Кашка! — крикнул Володя, не отрывая глаз от скачущего пса и отводя назад руку с сосновой тросточкой, чтобы встретить зверя хлестким ударом по морде. Ударить, когда он прыгнет!

А может быть, он волк?

Володя подумал об этом, когда пес был в пяти скачках. А когда он сделал еще скачок, на поляну вышел его хозяин.

Счет № 170064...

ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ЭТО ТАКОЕ! Со всех концов страны по этому расчетному счету идут в Ташкентский банк вклады, денежные переводы. Городу, на который обрушилось страшное бедствие, городу, перенесшему землетрясение, городу, проявившему поразительную стойкость и мужество, СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ ВЕСЬ НАРОД. Отовсюду в Ташкент, где десятки тысяч людей живут в брезентовых палатках, идут поезда со строительными материалами. Отовсюду едут люди, чтобы своими руками строить дома для ташкентцев.

Государство выделило много миллионов рублей для помощи Ташкенту. Но сделать надо очень много, потому и нужна всенародная помощь.

ПОМОЧЬ ТАШКЕНТУ МОЖЕШЬ И ТЫ, ТВОЕ ЗВЕНО, ТВОЙ ОТРЯД. Вклады надо посылать по адресу:

Ташкент, расчетный счет № 170064

Лесник или охотник. В форменной фуражке и кителе, похожем на железнодорожный.

— Рекс! — негромко крикнул он.

Бурый зверь с размаху остановился и присел, будто его ухватила за хвост крепкая рука.

— Назад! — сказал хозяин собаки металлическим голосом. И громадный пес, прижав маленькие уши, побрел назад. На полпути он по-щенячьи лег на брюхо и пополз к человеку, словно просил прощения.

— Не бойтесь,— с короткой усмешкой сказал тот. Повернулся и сразу исчез в кустах. За ним скользнул в березняк понурый Рекс.

А у Володи сразу ослабли руки, и сосновая тросточка показалась тяжелой, как железный дом. Лишь теперь пришел противный, тягучий страх.

— У, зверюга,— пробормотал Володя.

Он медленно повернулся, чтобы уйти и позабыть про свой страх и слабость. Но не ушел. Он увидел Кашку.

Кашка никуда не убегал. Он стоял в двух шагах, прочно расставив ноги и держа наперевес кривую березовую палицу. Глаза у него стали совершенно круглые от отчаянного ужаса или от такой же отчаянной решимости, а рот был приоткрыт, словно Кашка хотел сказать «мама» и остановился на полуслове. Видимо, он еще не понял, что опасность ушла. Несколько секунд Володя смотрел на него с изумлением. Потом сказал:

— Все. Отбой.

Кашка уронил свое оружие. Он хотел улыбнуться, но только сморщился, как котенок, собравшийся чихнуть. И вдруг заплакал. Сначала несильно, а потом безудержными крупными слезами.

— Ты что? — Володя растерялся.— Кашка, слышишь... Ну, перестань!

Кашка попробовал перестать и не сумел. Володя замолчал. Что тут делать? Успокаивать плачущих — нелегкое умение.

— Ну, хватит воду лить! — наконец проговорил он.— Слышишь? Кашка... Перестань выть!

Кашка послушно кивнул и всхлипнул еще несколько раз. Потом виновато улыбнулся щербатой своей улыбкой и сказал, глядя в сторону:

— Я их, проклятых, боюсь... Я когда маленький был, меня собака укусила. Вот!..

Он повернулся и показал сзади, под коленкой, несколько белых бугорочков — следы зубов.

— Ладно уж,— с неумелой ласковостью сказал Володя.— Все уж прошло ведь... Да, а ты почему не убежал? Я тебе крикнул «беги»? Ну?

Кашка поднял еще залитые слезами глаза. И тихонько спросил:

— А ты?

— Ну, я... Что я? От собаки нельзя бегать. Я-то знаю про это. А ты? Ты ведь мог убежать, раз я остался.

— Да, остался...— прошептал Кашка.— Она вон какая! Как волк. А ты с такой палочкой остался!

Они разом взглянули на Володину тросточку и разом перевели глаза на кривую Кашкину дубинку.

И что-то словно сдвинулось в душе у Володи. Растаяла вся его твердость. Захотелось вдруг сделать совершенно непонятное: взять за узенькие плечи этого сероглазого пацаненка, притянуть поближе и сказать: «Эх ты, Кашка, Кашка! Оруженосец!..»

Конечно, ничего такого Володя не сказал. Не умел он так. Девчонки это умеют, а он не может. Только взял он Кашку за руку и сказал:

— Идем... А собака-то трусливая. Хозяин крикнул, а она сразу на пузо...

Кашкины глаза просыхали. Он взглянул на Володю серьезно, почти строго и ответил:

— Он плохой человек. Хороших людей собаки так не боятся. Он, наверно, ее бьет.

— Да? Да, пожалуй...— согласился Володя.— А ты... ты ничего человек, Кашка.

Это все, что он сумел сказать верному оруженосцу. Но и не всегда нужно много слов. Кашке хватило и этих. Радость запела в нем, как серебряная труба. Но чтобы хоть немного походить на сдержанного Володю, Кашка радость спрятал и проговорил:

— Жалко... Сейчас уж, наверно, на обед пора. Так и не доделал ты тросточку.

— Подумаешь, беда! — отмахнулся Володя.— Завтра доделаем.

— Что? — изумленно спросил Кашка.

— Завтра доделаем,— повторил Володя.— А что? Он сказал не «доделаю», а «доделаем»! ДО-ДЕ-ЛА-ЕМ!

Окончание в следующем номере.

БОЛЬШАЯ ПОДСКАЗКА «ПИОНЕРА»

ИХ БЫЛО ПЯТЕРО, НЕ СЧИТАЯ КОТА

— Праздник Большого огня — это вам не просто так,— сказал Шкипер сурово.— Поешь песню — пой до конца. И мотив правильно. А хочешь историю рассказать — не ври нахально, говори дело.

— А врать хочешь, ври весело,— добавила Алешка, и никто с ней не стал спорить. Потому что в самом деле праздник для того и бывает, чтобы веселиться. А что на нем делать — состязаться, кто лучше сочинит смешную историю, исполнять индейский танец бум-тарарам или стрелять из лука,— это дело десятое. И когда К. Иванов вышел из лесу, он нашел друзей на этот раз не по следу, а по шуму: они дружно хлопали в ладоши и громко распевали.

ПОЛЯНА ВЕСЕЛЫХ РЕПЕЙНИКОВ

Идти лучше всего рано утром, пока не жарко. Это знали все и встали рано. Только Охотник не хотел просыпаться и крепко цеплялся за карманы палатки, пока Н. З. и Шкипер тащили его за ноги и щекотали ему пятки. Наконец Охотник поспать открыл один глаз и объявил:

— Без завтрака не пойду.

Он был еще и большой Охотник поесть.

— Будет шашлык,— объявила Алешка и стала нанизывать на гладкую палочку куски колбасы, лука и хлеба. А потом положила будущий шашлык на горячие угли, и над поляной поплыл такой вкусный запах жареного, что К. Иванов отошел подальше, чтобы не портить себе нервы.

А потом они шагали и лесом, и лугом, и полем, и болотом, потому что были они путешественниками, а настоящие путешественники не выбирают себе скатертью дорогу. И однажды к полудню увидели высоко в облаках флаг на мачте.

Из блок-нота Алешки

Мне смешно делается, когда люди, собираясь в лес, берут с собой домино, шахматы или шашки. Разве в лесу нет других занятий?

По дороге в лес можно задать друг другу тысячу хитрых вопросов:

Что там вдалеке — дом или телега с сеном?

Чей это след? Лошади? Коровы? Мотоцикла? Автомобиля?

Куда идет прохожий? Сколько ему лет? Чем он занимается?

Кто первым увидит синицу, ящерицу, жаворонка, кустик брусники, одуванчик?

Сколько шагов до моста, дорожного указателя, первого поворота, телеграфного столба?

А в лесу? По-моему, невежливо называть дерево не по имени (дуб, ясень, клен), просто деревом, а, скажем, дятла, синицу, щегла — просто птицей.

Вот игры, которые помогут завязать знакомство с лесом.

НАЙДИ КЛЕН. «Ищем клен (или сосну, дуб, липу, осину)!» — говорит ведущий. И все тотчас же разбегаются по лесу. Отыскали — становитесь под дерево и громко прокричите свое имя.

Если вы люди тренированные, можно выбрать задание посложнее: кто первым найдет молоденькую елочку или сосенку и определит их возраст.

КАЖДЫЙ К СВОЕМУ ДЕРЕВУ. Ведущий раздает ребятам листья от разных деревьев. Кто раньше всех найдет свое дерево и громко назовет его? Можно по листу разыскивать и цветы и травы.

СОБЕРИ БУКЕТ. Ведущий держит в руках букетик из лесных трав. Все приглядываются к нему в течение минуты, а потом отправляются на поиски. Кто скорее соберет в лесу точно такой же букетик?

КТО БОЛЬШЕ. Можно предложить ребятам в течение пяти минут собрать как можно больше разных видов растений, цветов, листьев. В этой игре два победителя: тот, у кого больше находок, и тот, кто каждую находку сумеет правильно назвать.

КОНКУРС ИСПОЛНИТЕЛЕЙ. Кто первым обнаружит в птичьем хоре голос знакомой пичуги? Кто искуснее повторит ее песенку?

— Лагерь! — закричала Алешка.

— В гости! — закричал Охотник.

— Если пустят,— заметил Н. З.

Это был лагерь, где жили люди, веселые и добрые.

Это сразу было видно: баскетбольная площадка называлась у них Площадь веселых великанов, дорожка к линейке — Аллея серебряной трубы, а зеленая поляна перед лагерем — Поляна веселых репейников. И названия эти они придумали на специальном конкурсе, потому что раз здесь живут люди, значит, это населенный

пункт, а в каждом населенном пункте все должно иметь имена, чтобы все было понятно и ясно.

— А как у вас называется площадка, где эстрада? — спросила Лира.

— Прочти табличку,— сказал мальчишка в зеленой пилотке.— Видишь, Поле горластых петухов. А там, где столовая,— Кисельный проспект. А спальня мальчишек — Дом летающих подушек. Да вы потом сами все увидите. Пошли с нами купаться. Наш отряд вон там собирается, за дубами. Форма одежды — шорты и безрукавка.

— А девочкам? — спросила Лира.

— И девочкам,— отрезал Борька.

— Голые ноги и голые руки, иначе дежурные не выпустят за ворота. Такой у нас порядок. Если нет такой одежды, попроси у наших девчонок, они себе сшили по нескольку пар, это просто, даже я умею.

К. ИВАНОВ — ЕДИНСТВЕННОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ

Купались на большом озере. Оно так и называлось — Большое. И это имя подходило ему: озеро было такое огромное, что другой берег почти не был виден, особенно в туман и если не вглядываться очень уж внимательно. Алешка, Шкипер и Н. З. ныряли с поваленной березы, Охотник вошел в воду по пояс и приседал. Он не хотел, чтобы все поняли, что он, Охотник, не умеет плавать, и делал вид, будто приседает с большим удовольствием. Лира надела темные очки, наклеила на нос листочек и загорала на берегу.

Ребята из лагеря не просто купались: они затеяли игру в «Нептун-салочки».

— А почему никто не суетится на берегу и не кричит: «Выходите, дети, из воды!»? — спросил Н. З. у Борьки.— У нас в лагере всегда суетились и врач и вожатые.

— Зачем? — Борис показал на мальчиков и девочек в голубых пилотках, с голубыми повязками на руке.

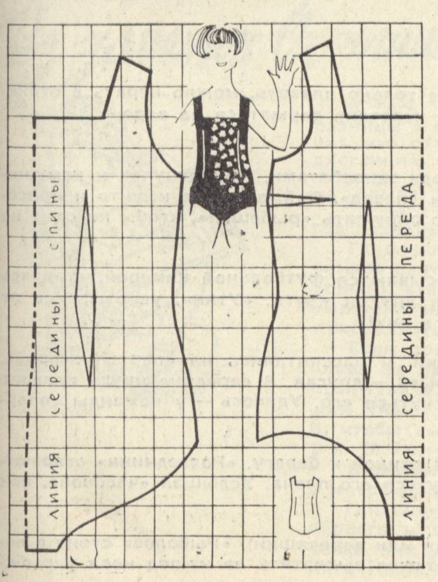
— Вот наши водяные дежурные. Они ответственные за купание, за ныряние и за спасание. Спасать, правда, никого ни разу не приходилось: все наши ребята окончили академию пловцов. Они сами кого хочешь спасут. Хочешь, тебя спасут? — спросил он у Лиры.

Лира независимо отвернулась.

— Ее зовут Балалайка,— сказал Н. З.— Она боится воды, наверное, ее в детстве укусила бешеная собака и у нее водобоязнь.

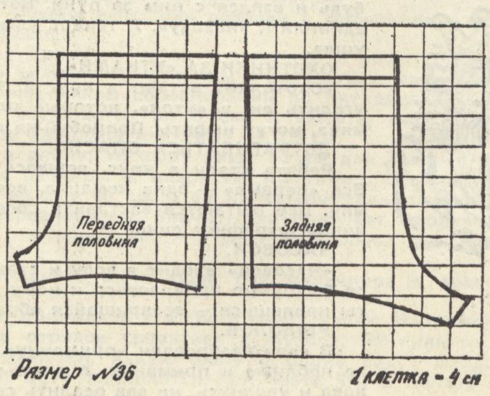
Н. З. и Лира со вчерашнего дня были в ссоре. Они переругались из-за того, что никак не могли решить, кто из них лучше кидает шишки в цель. А судья этого захватывающего соревнования, Охотник, хотел со всеми сохранить хорошие отношения и засчитал ничью. Вот так Лира и Н. З. поссорились на всю жизнь и не разговаривали друг с дружкой уже целые сутки.

— Я не боюсь воды,— сказала Лира Борьке.— И собака меня не кусала. Просто я не уважаю лю-

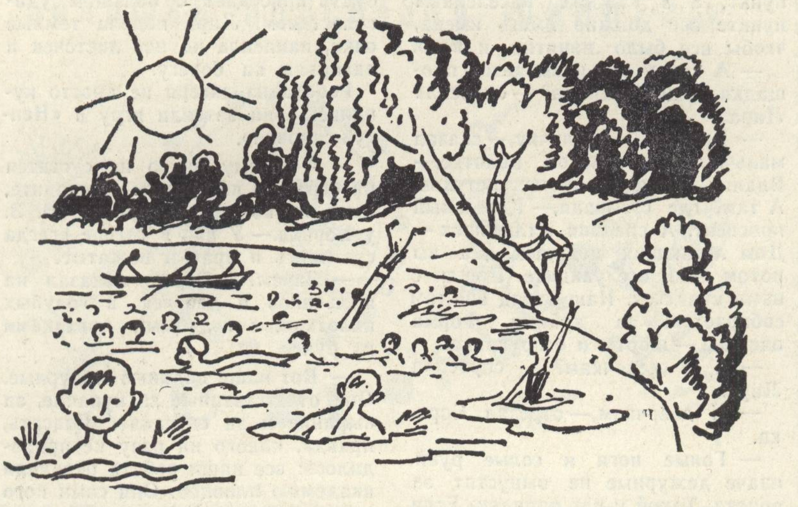

В лагерной мастерской «ХРАБРЫЕ ПОРТНЯЖКИ» всем, кто хочет, дают выкройки. Вот, например, купальник. Одна клетка на чертеже — 4 см. Купальник кроится по долевой нитке. Внизу вдевается резинка, а в боковом шве делается застежка.

Шорты могут носить и мальчики и девочки. Мы с Лирой сшили и себе и мальчишкам.

дей, которые не умеют уступить девочке и еще называют ее Балалайкой.

— Извиняемся, не Балалайка,— сказал Н. З.,— я ошибся. Ее зовут Пианина.

И Н. З. бултыхнулся в воду, потому что увидел, что Лира подняла с земли большую палку.

— Отцепи от носа листок,— сказал Борька,— и пошли купаться. Я поучу тебя плавать. Мне кажется, ты быстро научишься.

— Почему это тебе так кажется? — спросила Лира.

— Ты самолюбивая,— объяснил Борька.— А самолюбивые всему научаются быстрее.

Теперь все были в воде, и только К. Иванов бродил в траве и был похож на тигра в джунглях.

ВСЕ ВЕРЯТ В ПОБЕДУ

В полдень случилась неприятность: К. Иванов забрался в живой уголок и покушался на белых мышей. Хорошо, что мыши оказались проворными. Когда юннатка Марина из младшего отряда пришла кормить своих питомцев и чистить клетки, она увидела, что К. Иванов пытается лапами разогнуть проволоку и пролезть к мышам. Пойманный на месте преступления, Иванов смутился, потом быстро опомнился и хотел скрыться. Но не тут-то было. Маринка догнала его и посадила в мешок. Так, в мешке, она его и принесла к Шкиперу.

— Это что? — спросил Шкипер, глядя на орущий мешок.

— Кот в мешке,— невозмутимо ответила Маринка и рассказала о недостойном поведении К. Иванова в живом уголке.

— До чего нахальный субъект! — огорчился Шкипер.— Вот и пусть сидит в мешке, ворюга и разбойник!

— Жалко животную,— сказала маленькая Маринка,— он больше не будет.

И вытряхнула Иванова на траву. Он встряхнулся и как ни в чем не бывало пошел прогуливаться на пустой Стадион веселых великанов.

А путешественники последовали его примеру, потому что над стадионом поднялся синий флажок с красной молнией, а все уже знали, что этот сигнал означает: «Начинаются соревнования бегунов». Молния — символ стремительности. Поле веселых великанов сразу стало шумным и пестрым.

— А почему на беговую дорожку выходят малыши вместе с боль-

Из заметок Охотника

Я сегодня узнал, что в воде можно не только плавать, можно играть в отличные игры, которые, между прочим, учат человека держаться на воде.

Записываю их в свою книгу.

НЕВОД.

«Рыбак» плетет «невод», гоняясь в воде за ребятами. Прикоснулся к кому-нибудь и взялся с ним за руки. Вот тебе и «невод». Поймали еще кого-то и присоединили к «неводу». А теперь уже можно окружать «рыбешек», чтобы ни одна не ушла.

ОХОТНИКИ ЗА «УТКАМИ».

«Охотники» встают в круг и перебрасываются футбольной камерой, стараясь угодить ею в «уток», которые плещутся внутри круга. «Утки», увертываясь от мяча, могут нырять. Попробуй-ка попади в них!

ДОТРАГИВАТЬСЯ ОПАСНО!

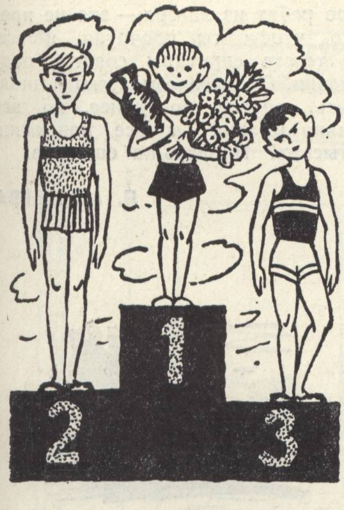
Ребята стали в круг, держась за руки, и рассчитались на «первый-второй». Все «первые» — одна команда, все «вторые» — другая. В середине круга плавает мяч. Все пытаются заставить соседа коснуться его. Удалось — у команды соперников штрафное очко!

ЧАСОВОЙ.

«Часовой» входит в воду и становится спиной к берегу. «Разведчики» стараются бесшумно прокрасться к нему и коснуться его плеча. Услышал «часовой», как ты крадешься,— возвращайся обратно.

РЫБОЛОВ.

В воде разбросали «приманку» (шишки или деревяшки). «Рыболов» стоит в воде поближе к приманке. А «рыбы» стараются выхватить ее из-под носа у рыболова и улизнуть, не дав осалить себя.

шими? — спросила Алешка. — Не могут же они соревноваться на равных!

— Они у нас во всем участвуют, — подошел Борька. — По системе «гандикап».

— А что это? — спросил Охотник.

— Очень просто. Одному четырнадцать, другому десять. Разница четыре года. Каждый год — столько-то очков. И можно соревноваться. И все справедливо. И малыши у нас не только «болеют», они тоже участвуют в спартакиадах. Вот смотрите.

По беговой дорожке мчался длинноногий мальчишка из первого отряда, а за ним, отстав на десяток метров, поторапливался коротенький октябренок. И никому не было известно, кто из них победит: судя по тому, как энергично бежал малыш, он тоже верил в победу.

ШКИПЕР КРИЧИТ ПЕТУХОМ

— Если бы это был не такой лагерь, — сказал Шкипер, — мы бы сегодня же ушли дальше. А здесь мы останемся еще на день.

И никто не спорил. Потому что надо совсем ничего не понимать в жизни, чтобы не захотеть пожить хотя бы денек в таком веселом лагере.

Радио передавало концерт по заявкам третьего отряда. Вместо обычной стенгазеты на лагерном щите висели еще не просохшие фотографии тех, кто в чем-нибудь отличился вчера. Это была работа лагерных фотокорреспондентов, которых посылали туда, где происходило что-нибудь интересное. И на прополку колхозной свеклы, где лучше всех работал третий отряд, и за кухню, где ни из-за чего подрались двое мальчишек. И на футбольное поле, где вратарь Ким Акимов взял такой мяч, какой и Лев Яшин не всегда возьмет.

А еще в этом лагере устраивались конкурсы на лучший букет, на самый большой улов, на самую веселую историю. А еще ребята из лагеря дружили с ребятами из соседних деревень. И как раз сегодня после полдника пионерская агитбригада выступала в клубе колхоза «Рассвет». Шкипер, Лира и Алешка тоже попросились выступать, и их приняли. Лира играла на рояле. У Алешки особых талантов не было. Но она была девчонка компанейская, умела быстро подружиться с кем угодно. В лагере она уже стала своим человеком и в деревне тоже. Шкипер здорово подражал голосам всяких животных, и когда он во время концерта кричал петухом, то куры со всей деревни сбежались к клубу посмотреть, что случилось.

РОСА НА КАРАБИНЕ

Утром перед линейкой путешественники уходили из лагеря. Им подарили на память зеленые пилотки, а Лира несла большой букет ромашек, который собрал для нее Борька, и была грустная. Не утешало ее даже то, что вчера вечером она помирилась с Н. З.

На привале Шкипер предложил игру: кто знает больше лесных названий на букву «С»?

— Сосна, — сказала Лира.

Из заметок Охотника

Гандикап — это, по-моему, очень интересно!

В беге на 60 метров младшие получают фору по 2 метра за каждый год разницы в возрасте соревнующихся. Для мальчиков и девочек одинаково. Это значит, что самый старший, допустим, пятнадцатилетний мальчишка, пробежит всю дистанцию полностью, а тот, кто на год младше, будет стартовать на два метра впереди и пробежит уже не 60, а 58 метров. Тринадцатилетние получат фору на четыре, а двенадцатилетние — на шесть метров.

В беге на 100 метров фора для девочек и мальчиков — три метра за один год разницы в возрасте.

Гандикап может применяться и в прыжках в высоту. Девочки имеют фору четыре сантиметра за один год разницы в возрасте, а мальчики — пять. Если, например, старшим участникам соревнований по пятнадцать лет, то результат четырнадцатилетних улучшается на 5 см. К высоте, взятой тринадцатилетними, прибавляется 10 см, двенадцатилетними — 15 см.

Если прыгают в длину, то фору дают 15 см для девочек и 20 см для мальчиков за один год разницы в возрасте. Например, одиннадцатилетняя девочка прыгнула в длину на 2 м 60 см, а ей на четыре года меньше, чем самым старшим участницам соревнований. Значит, она получает «фору» 15 см × 4 = 60 см. И, чтобы выиграть, пятнадцатилетние девочки должны прыгнуть дальше чем на 3 м 20 см.

В метании теннисного мяча фора для мальчиков и девочек одинаковая — 2 метра за один год.

Гандикап можно применять и в спортивных играх. Например, захотели ребята первого и третьего отрядов сразиться в футбол, но силы-то у них неравные. Тогда они договариваются, какую фору старшие дадут младшим. Ну, скажем, пять голов. Значит, матч начинается при счете 5:0, в пользу команды третьего отряда.

— Соловей! — прибавил Охотник.

— Сорока!

— Соболь!

Так перекрикивались минут двадцать, пока Шкипер не сказал «Сойка». После этого никто ничего не смог придумать, и Шкипер стал победителем. На другом привале соревновались, кто быстрее влезет на дерево. И тут, бесспорно, победила Алешка. Она лазила лучше всех, если не считать К. Иванова.

После обеда друзья выспались, а ночью решили продолжать путь. Шли по шоссе.

— Всем идти по левой стороне дороги! — скомандовал Шкипер.— Если вдруг машина, мы сразу ее увидим.

— А еще надо, чтобы каждый привязал на щиколотку белый платок,— добавил Н. З.— Тогда водители заметят нас даже в полной темноте.

Они шагали по темному шоссе и пели вполголоса:

Сырая тяжесть сапога,
Роса на карабине.
Кругом тайга, кругом тайга,
А мы посередине.

И хотя никакой тяжести сапог не было, а была тяжесть кедов, и тайги не было, и росы на карабине не было тоже, потому что не было и карабина, все равно всем казалось, что песня про них. Так всегда бывает, когда песня нравится.

* * *

Все, что здесь рассказано про пятерых друзей, про К. Иванова, про ребят из лагеря,— это не просто, чтобы ты прочитал, и все. В тексте спрятаны советы, подсказки. Одни совсем легко выполнить, другие потруднее, но все равно можно. Ты все подсказки отыскал? Проверь-ка еще раз.

Л. МАТВЕЕВА

Из заметок Охотника

«Едва ты двинулся в поход и сделал первый шаг, как сразу на плечи тебе навалится рюкзак...» Так поется в одной туристской песне.

А как же иначе? Все, что нужно туристу в походе, он укладывает в рюкзак. Нужна крыша над головой — и в рюкзак идет палатка. Нужна постель — туда же спальный мешок. И запас продуктов. И посуда. Топоры и аптечка, запасная одежда и спички — все должно быть в рюкзаке у туриста. И притом рюкзак не должен весить слишком много. Хитрая задача? Не очень, если знать несколько секретов.

Выбирай рюкзак со вшитым дном: он вместительнее и удобнее при переноске. Обрати внимание на то, чтобы у него были широкие лямки.

Теперь о том, как уложить рюкзак. Прежде всего все вещи должны быть в рюкзаке. Руки надо освободить от груза.

Почти все понимают, что, собирая рюкзак, надо прежде всего уложить к спине мягкие вещи: одеяло, куртку, свитер,— но мало расстелить их вдоль всей спины. Надо, чтобы внизу спины образовался небольшой мягкий валик. Тогда вес груза распределится между плечами и поясницей, рюкзак не будет сильно оттягивать плечи.

Иногда ребята набивают рюкзак так, что он становится похожим на шар. Нести такой рюкзак очень неудобно.

Надо стараться, чтобы рюкзак широко прилегал к спине. Достаточно немного примять его коленом или побить рукой.

Много неудобств в пути могут доставить неправильно подогнанные лямки. Слишком короткие врежутся в плечи, да и рюкзак могут поднять так, что он лишится опоры на пояснице. Слишком длинные опустят рюкзак вниз, а это опять же неудобно.

Тяжелые вещи лучше класть вниз, а не сверху и ближе к спине (конечно, не забывая про мягкую прокладку, чтобы не набить спину).

Рюкзак надо заполнять, укладывая вещи друг на друга, так, чтобы он «рос» вверх, а не в ширину.

Если в рюкзаке не хватает места и приходится некоторые вещи привязывать снаружи, то их лучше укрепить поверх рюкзака, скажем, под клапаном, либо снизу, под дном рюкзака. Многие ребята стараются прицепить их к клапанам и застежкам наружных карманов. В таком положении даже пустое ведро станет сильно оттягивать рюкзак, и он будет казаться намного тяжелее, чем на самом деле.

Кстати, некоторые туристы считают, что удобнее нести рюкзак, заложив руки на плечи под лямки или сзади под рюкзак. Если приходится прибегать к этому, значит, твой рюкзак плохо уложен. Помни: руки у туриста должны быть свободны.

Теперь несколько слов о том, как упаковать продукты перед походом. Надо помнить, что это совсем другое дело, чем донести их из магазина до дома. Бумажные пакеты для похода не годятся. Все продукты нужно уложить в матерчатые мешочки.

Очень часто, разложив все продукты по мешочкам, ребята заталкивают батоны и буханки хлеба прямо в рюкзак. Между тем хлеб в рюкзаке легко крошится и ломается, и уж он-то обязательно должен быть уложен в мешочки, если вы не хотите вытрясать изо всех вещей хлебные крошки.

Особенно тщательно нужно упаковывать масло, так, чтобы, подтаяв, оно не перепачкало остальных вещей. При этом имей в виду, что стеклянная тара и посуда непригодны для похода: они тяжелы и легко могут побиться.

Наконец, последнее: смотри, чтобы при укладке рюкзака хлеб не лежал рядом с носками, зубная щетка — с кедами, мокрое полотенце — с сахаром.

М. ТАРЛОВСКИЙ

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

На последнем уроке

Там, на улице, солнце. Упругий ветер весело раскачивает потемневшие от воды деревья.

А в классе последний урок, самый длинный, самый трудный. На доске еще с утра полустертые слова: «Задание на дом, упр...». И когда смотришь на них, еще больше устаешь.

Из старого парка, что напротив школы, доносится неясный шум, хлопанье крыльев. Толик и Сашка поворачиваются к окну.

— Грачи прилетели,—шепчет Толик.

— Здо́рово!

И они смотрят, не отрываясь, на большую черную стаю. Видно, что грачи прилетели совсем недавно и теперь отдыхают. Рассевшись на ветвях высокого дерева, они устало расправляют крылья, по-хозяйски осматривают размокшую землю...

И только один грач сидит чуть в стороне, на соседнем дереве. Он заметно крупнее остальных да и ведет себя иначе. Сашка и Толик сразу обращают на него внимание. Грач с любопытством вертит во все стороны головой, то и дело снисходительно поглядывая на стаю.

— Вожак,—решают ребята.

И вдруг грач взмахивает крыльями и оглушительно каркает.

Сашка и Толик беззвучно трясутся от смеха. Да это же ворона!..

— Яблочкин и Карасев!.. Перестаньте смеяться!.

Ребята вздрагивают. Но уже через мгновение

снова смеются. Склонив голову набок, Толик важно крутит глазом, передразнивая ворону.

— Яблочкин и Карасев!..

Ребята покорно складывают руки, пригибаются к парте.

— Хватит,— шепчет Сашка,— а то Галина Васильевна заметит.

— Хватит,— соглашается Толик и смеется еще сильнее.

Они зажимают рты, ерзают на скамейке...

— Завтра, наверное, контрольная,— прерывисто шепчет Толик,— в пятом «Г» уже вчера была.

— В пятом «Г» была?..— Сашка закусывает весело дергающуюся нижнюю губу и испуганно расширяет глаза.

— Да,— продолжает Толик,— девять двоек получили.

— Девять двоек!..— хватается за голову Сашка и вдруг фыркает на весь класс.

— Встаньте! — доносится грозный голос Галины Васильевны.

Сашка и Толик виновато вытягиваются у парты. С минуту они стоят неподвижно, потом украдкой смотрят друг на друга и тут же отворачиваются. Чуть-чуть не засмеялись... Сашка делает плачущее лицо и принимается читать уцелевшие на доске слова. Толик сосредоточенно смотрит на лампочку.

«...Девять двоек... Да... Скоро и диктант... Что-то давно родительского собрания не было...»

— Ха-ха-ха!..— хохочет Сашка. И, испуганно глядя на Толика, бормочет: — Ты чего?.. Чего ты?

Галина Васильевна поднимается со стула.

— Яблочкин и Карасев! Немедленно уходите из класса! С портфелями...

Сашка и Толик застывают.

— Яблочкин и Карасев, вы слышали, что я сказала?

Ребята садятся за парту и медленно собираются. Учительница говорит:

— Комаров, продолжай свой ответ.

Класс успокаивается, все поворачиваются к Комарову. Сашка и Толик осторожно задвигают портфели в парту и тоже внимательно слушают.

— ...Перистые облака,— рассказывает Комаров,— находятся на высоте десяти километров над землей...

Сашка и Толик, удивленно качая головами, переглядываются: десять километров!

— Яблочкин и Карасев!..— напоминает учительница.

И снова томительные сборы. Медленно складываются в портфели учебники, тетради. Затем Сашка и Толик начинают шарить в парте: не забыли ли чего... Но там пусто. А если еще раз проверить?.. Они снова заглядывают в парту, наконец, поднимаются и плетутся в другой конец класса, к вешалке.

Они надевают шапки, пальто, застегивают друг другу крючки у воротника. Потом берут портфели и, поглядывая на учительницу, идут к дверям.

В коридоре одиноко и пусто. В углу на табуретке стоит бачок с водой, от крашеных стен веет холодом.

— И чего ты смеялся? — тоскливо спрашивает Толик.

— Не знаю... Терпел, терпел... А ты чего смеялся?..

— Я тоже терпел...

Приглушенно доносятся голоса из классов. Сашка прикладывает ухо к двери.

— ...Ну... облака бывают кучевые, волнистые, перистые...

— Зинка Белякова отвечает,— шепчет он.

Голос у Зинки высокий, тонкий, и перед каждой фразой она говорит «ну»... Это она всегда так, когда отвечает.

— ...Щеглов, когда ты перестанешь вертеться?!

— Это Димка,— грустно улыбается Сашка.

— Да, Димка,— вздыхает Толик и тоже прикладывает ухо к двери.

Скрипят парты, шелестят страницы... Изредка кое-кто покашливает. Как хорошо там! Скоро окончится урок, и все пойдут домой.

А в классе и впрямь было неплохо. Зина Белякова рассказывала про облака, все слушали, а за окном как раз проплывали пухлые кучевые облака.

— Посмотрите на небо,— сказала Галина Васильевна,— какие облака вы видите?

— Кучевые! — хором ответили ребята.

В это время дверь тихо отворилась, и в класс, опустив головы, проскользнули Сашка и Толик. Они посмотрели на кучевые облака в окне и снова опустили головы.

Все ребята повернулись к двери, потом посмотрели на Галину Васильевну... А Галина Васильевна поставила Зине Беляковой отметку и сказала:

— Слушайте внимательно. Сегодня мы начинаем новую тему. Материал трудный, но интересный.

И стала объяснять. А все ребята тихо сидели за партами и внимательно слушали. Толик и Сашка держали в руках шапки и тоже слушали, у дверей. Слушали и смотрели на свою пустую, одинокую парту... Когда-то они сидели там... Да...

Так они постояли немножко, а потом Сашка сказал:

— Галина Васильевна...

Но Галина Васильевна продолжала объяснять урок.

— Галина Васильевна! — произнес Сашка погромче.

Галина Васильевна обернулась.

— Да?

— Галина Васильевна,— забормотал Сашка,— извините нас, мы не хотели...

— Не хотели? — строго спросила Галина Васильевна.— Чего не хотели?

— Смеяться не хотели,— уныло объяснил Сашка.

— Нет,— покачал головой Толик,— не хотели...

— Вот как!.. Не хотели?.. А сколько замечаний я вам сделала: Яблочкин и Карасев!.. Яблочкин и Карасев!

Сашка и Толик молчат.

— Не хотели в классе сидеть, идите домой!

— Мы хотели в классе сидеть...

— Очень хотели...

Сашка и Толик ждут еще немного (может, учительница что-нибудь скажет), медленно обводят глазами парты, стены. Потом надевают шапки.

— Галина Васильевна,— робко говорит Сашка и останавливается.— Галина Васильевна... Можно, мы тут постоим... послушаем?

— Очень интересный урок,— еле слышно добавляет Толик.

Галина Васильевна задумчиво смотрит на ребят, вздыхает.

— Опять поверить?

Сашка и Толик тоже вздыхают.

— А завтра все снова пойдет по-старому?

— Нет,— восклицает Сашка,— по-новому!

— По-новому! — подтверждает Толик.

— По-новому?..— Галина Васильевна улыбается.— И что мне только с вами делать?.. Ну, ладно, садитесь. Только побыстрей, мы и так уже много времени потеряли.

Толик и Сашка бросаются к вешалке.

— Сейчас, сейчас...

— Мы быстро,— кряхтит Толик, отстегивая крючок у воротника.

Они торопливо вешают пальто, хватают портфели и спешат к своей парте.

А на доске висит карта частей света. Здесь и Азия, и Европа, и Австралия... А Антарктида вся белая... Ну и холодно же там!.. До чего же интересная эта география!.. Страшно интересная!..

Витька Лапкин, который сидит впереди, что-то шепчет соседу.

И Сашка сердито толкает его:

— Тихо!..

— Тихо!..— грозит Толик.

А счастье было так близко...

Я не часто бывал в кино и давно уже ждал сегодняшнего дня. И вот он настал, но денег у меня не было.

Я очень верил, что сегодня, в воскресенье, обязательно попаду в кино. Я радовался этому событию всю неделю... Я радовался утру того дня, когда пойду в кино. И тому, как буду идти. И как загляну в кассу. И даже когда мне оторвут билет, даже тогда мое счастье останется нетронутым...

Все рухнуло. Одиноко я бродил по безлюдному двору. Домá вокруг постарели и съежились, стыдливо предлагал свои услуги самодельный турник. Мне ничего не хотелось, мне было очень горько, и я не знал, куда деваться.

А рядом, на улице, грохотали трамваи, стремительно и плавно проносились легковые машины, по широким тротуарам воскресного города разливался густой людской поток. И у всех были веселые, светлые лица, люди говорили, смеялись, шутили. И они спешили.

Они обгоняли друг друга, сталкивались, уступали дорогу, перебегали через улицу. И мне казалось, что все они спешат в кино...

Я долго смотрел на праздничную толпу, а потом шагнул за ворота и пошел вместе со всеми. Я шел по такому знакомому тротуару, мимо тонко побеленных деревьев, мимо все тех же кирпичных домов и грустно радовался: я шел в кино.

Еще издали я увидел большие круглые часы — они висели на углу, у самого входа в кинотеатр. А еще через несколько шагов по краям асфальтированной площадки показались зеленые лавочки. Сколько раз мы сидели на них!..

У дверей кинотеатра толпился народ. Мальчики и девочки, мужчины, женщины, большие и маленькие — всех радушно принимала широкая дверь. А рядом, на стене, висела огромная яркая афиша. На гладком, туго натянутом полотне еще издали был виден корабль с тройным рядом белоснежных парусов, с высоко взлетевшим над морским пенистым валом носом.

Я подбежал к афише и замер. В изумрудно-прозрачной воде горели золотые буквы: «Остров Сокровищ». Мерцающими

каплями стекала с них густая пена, и буквы ярко вспыхивали, подрагивая под набегавшей волной.

Как зачарованный, смотрел я на корабль, на море, буквы... Остров Сокровищ... Остров Сокровищ... Но я же читал эту книжку! Да, да! Это про пиратов! Неужели это то же самое?!

Внизу, под афишей, были наклеены кадры из фильма. Я подошел еще ближе и увидел просоленные, потемневшие от ветров лица, тяжелые, крупные серьги в ушах и туго закрученные на головах повязки. Сомнений не было — пираты...

«Ну, а теперь уходи,— говорил я себе,— посмотрел и хватит... Тебе здесь нечего делать. Это не для тебя...»

Я постоял еще немного и отвернулся. Со всех сторон шли люди. Они останавливались у афиш и говорили: «Остров Сокровищ»... Наверное, хороший фильм».

«Да! — хотелось крикнуть мне.— Да! Это очень хороший фильм. Это замечательный фильм! Но я... я его не увижу...»

«Иди, иди,— говорил я себе,— никто тебя не позовет. Иди домой, скорее домой... Там ждет тебя заржавленный турник... Ты сможешь даже поболтаться на нем, если высоко подпрыгнешь».

Но я не мог уйти. Неудержимая сила тянула меня к дверям, туда, в этот волшебный мир. Я робко поднялся по высоким каменным ступенькам и вошел... как нищий во дворец. Вошедшие следом спешили к кассе, в очередь. И я тоже занял очередь...

Очень скоро и за мной заняли очередь. Значит, кто-то верит, что и я иду в кино... Так мы двигались все вместе, покачиваясь от счастья, прямо к кассе. А когда какой-то взъерошенный мальчишка хотел взять билет без очереди и ему сделали замечание, я тихо сказал:

— Становись в очередь... Мы все тут торопимся...

Очередь двигалась быстро, и чем ближе становилась касса, тем яснее и громче раздавались голоса: «Мне, пожалуйста, пятнадцатый ряд... Будьте добры, девятый...»

«А какой же мне взять ряд? — думал я.— Десятый? Слишком далеко... Лучше третий или второй, оттуда мне будет виднее... Хорошо бы, конечно, первый, но это, если очень повезет...»

Когда до заветного окошечка осталось совсем мало, я потихоньку выбрался из очереди и спрятался за толстую массивную колонну. Здесь я переждал, пока все мои соседи купили себе билеты, и только тогда осторожно приблизился к фойе.

Мне был уже знаком этот высокий, светлый зал, но никогда еще он не был так красив, как сегодня. С полированных, светло-голубых стен смотрели прекрасные картины в узорчатых рамах, тяжелыми струями ниспадали на паркет бархатные портьеры, а в центре зала свисала с потолка огромная хрустальная люстра. Она сверкала мне всеми сокровищами неведомого острова.

Внизу, под нею, неторопливо прогуливались люди. Они не были похожи на остальных людей, на тех, которые еще не попали в зал. Они были совсем другие. В каждом их движении сквозила какая-то затаенная радость, доброта, и когда они встречались друг с другом глазами, то словно говорили: «И вы тоже здесь? Ах, как хорошо!..» Вот какие были эти люди.

А я все стоял и стоял у дверей фойе, как голодный, что пришел подышать запахом кухни. По залу взад и вперед ходили мальчики и девочки, они пили сладкую газированную воду и жмурились от наслаждения, они громко хрустели вафлями мороженого, облизывая липкие губы. Если бы я там был!.. Мне не нужны были бы мороженое и газированная вода...

Я вспомнил, как мы с ребятами в последний раз ходили в кино, как мы купили билеты и вошли в фойе. Мы сидели вон в том углу, возле сцены, и Витька Шишкин звал нас всех после кино к себе домой играть в шахматы.

И мне вдруг нестерпимо захотелось очутиться в зрительном зале, залитом тем особенным тусклым электрическим светом, что бывает только там, увидеть, как медленно гаснет этот свет и слепой, безмолвный экран вдруг вспыхивает ослепительно белым светом. И тогда...

Я украдкой посмотрел на контролершу: а вдруг она пожалеет меня?.. Это была полная, уже пожилая тетя. Как старый и неподкупный страж, стояла она у входа, и никто еще не отваживался пройти мимо нее без билета. Она быстро и ловко отрывала билеты, отталкивая время от времени закрывающуюся половинку двери. И тогда я стал придерживать дверь, чтобы она не закрывалась. Я придерживал дверь и думал: «Наверное, она заметила меня, но ей пока неудобно пропустить без билета. Какая добрая и умная тетя!.. Вот пройдут все, тогда...»

Но шло время, и ничего не менялось.

Появились, правда, какие-то мальчишки. Они суетились около дверей, что-то оживленно и деловито обсуждая. И вдруг один из них рванулся к контролерше и, низко пригнувшись под ее вытянутыми руками, юркнул в зал. Мальчишки радостно загалдели. Контролерша закричала, и в зале поднялся шум. Слышался отдаленный топот, чьи-то удивленные возгласы. Потом все стихло, и я почувствовал смутную радость: один из нас все же попал туда...

Но грянула музыка (это заиграл в фойе оркестр), и под звуки марша из зала вышел разрумянившийся дядя — он вел мальчишку за ухо. На лице у дяди было торжество победителя, у мальчишки — жестокое разочарование.

Теперь мне было все равно: и гул веселой публики, и синие билеты, и белый экран. Я совсем уже собрался домой, но тут двери широко распахнулись, и все хлынули из фойе в зрительный зал.

Как я верил... даже сейчас...

Первый звонок. За ним последовал второй... Я ждал безропотно, как обреченный... Третий... Все было кончено.

Прошло добрых десять минут, прежде чем я осмыслил случившееся. В зале уже давно было темно, фойе стало пустым и скучным, а контролерша захлопнула передо мной дверь. Но когда я окончательно понял, что все потеряно, что не видать мне ни корабля, ни моря, ни сокровищ, тогда я бросился вон из кинотеатра и помчался к двери, боковой двери, откуда выходили на улицу после кино. Я подбежал к ней, я припал всем телом и принялся слушать.

Я услышал шум океана, и крики чаек, и хлопанье парусов, и чьи-то голоса, протяжные и зычные, теряющиеся в шуме прибоя. Наверное, это пираты... Наверное, корабль уже вышел из Бристоля и они плывут к острову, где Флинт зарыл свои несметные сокровища. А может быть, на корабле вот-вот вспыхнет бунт или, может, они уже приплыли. Нет, нет... Еще слишком рано. Они не успели бы... Наверное, Джим сидит под бочкой и подслушивает...

Оглушительно грохнул пушечный выстрел, и чей-то хриплый, зловещий голос рявкнул на весь зал:

— Три тысячи чертей!..

Да это Сильвер! Страшный одноногий Сильвер!.. Я узнал его по голосу...

Я прижался к двери еще теснее, я затаил дыхание. Из узкой дверной щели пахнуло в лицо свежей прохладой.

Это дул муссон...

О тяжелом чемодане

Шла старушка
С чемоданом,
Очень старым,
Даже рваным,
С тяжеленным
Чемоданом
Шла старушка
В дождь.
Перешла
Через дорогу,
Не надеясь
На подмогу,
Глянула
На дом,
Скрылась
За углом.
Лучше я бы
С чемоданом,
Очень старым,
Даже рваным,
С тяжеленным
Чемоданом
Шел бы в дождь.
Так же шел
Через дорогу,
Не надеясь
На подмогу,
Глянул бы
На дом,
Скрылся
За углом.
А старушка бы
Одна
У окна
В тепле сидела,
На меня б
В окно глядела
И, как я
Точь-в-точь,
Пусть бы
Очень захотела
Мне помочь.

Пони

Пони возят
Ребятишек,
И девчонок
И мальчишек.
Деревянные
Тележки
Разгоняются
Легко.
Пони бегают
По кругу.
Очень жалко,
Но по кругу,
Никогда
Никто
По кругу
Не уехал
Далеко.

Стихи
Людмилы
НИКОЛАЕНКО

Рисунки
Ф. ЛЕМКУЛЯ

Комсомол глазами друзей

Пять дней мая в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, шло самое большое комсомольское собрание страны — XV съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Почти четыре тысячи делегатов двадцатитрехмиллионного комсомольского племени напряженно работали, коллективно думали, сообща решали, как поскорее выполнить великие планы партии, ведущие нашу страну к новым успехам, к коммунизму.

Делегации восьмидесяти двух союзов молодежи из разных стран с огромным вниманием следили за работой съезда.

В словах зарубежных друзей на съезде — высокая оценка дум и дел нашего Ленинского комсомола.

Бодрость, вера, сила — вот как можно определить съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

Г. АТАНАСОВ,
Первый секретарь ЦК Дмитровского коммунистического союза молодежи Болгарии

Ваша твердая воля и верность делу пролетариата и советского народа наполняют нас радостью и энтузиазмом, вдохновляя на новую революционную борьбу.

В. ДЖАННОТИ,
член ЦК Итальянской федерации коммунистической молодежи

Мы приветствуем сегодняшнюю советскую молодежь, которая, следуя героическим традициям своих отцов, строит весело, с задором, умно, строит новый мир.

Э. САНТОРЕН,
генеральный секретарь федерации коммунистической молодежи Аргентины

Для тех, кто знаком с вашей прошлой и настоящей деятельностью, нет никакого сомнения в том, что этот съезд будет трамплином для нового прыжка на пути триумфального шествия вашего мужественного народа к светлому завтра, к светлому будущему коммунизма!

М. КЕЙТА,
верховный комиссар по делам молодежи и спорта Республики Мали

Вы, советская молодежь, являетесь для нас образцом. Ваши успехи в различных отраслях науки и техники вдохновляют нас на еще более решительную борьбу против режима нищеты и рабства, против правительства Франко.

Э. КАНЬЯС,
член Секретариата Союза коммунистической молодежи Испании

Мы черпаем вдохновение в работе советской молодежи, которая вот уже почти полвека идет рука об руку с рабочим классом своей страны.

Р. ХАЙСЛЕР,
представитель молодежной секции Коммунистической партии США

Мы поняли, что молодежь и народ Советского Союза — наши искренние друзья, всегда стоящие плечом к плечу с молодежью и народом Южного Вьетнама.

ЛЕ ФЫОНГ,
член ЦК Федерации молодежи за освобождение Южного Вьетнама

Мы привезли на съезд чувство любви, понимания и уважения, которые питает к вам молодежь ОАР. Мы приехали сюда, чтобы познакомиться с вашим опытом.

М. ШИХАБ,
заместитель секретаря молодежи Арабского социалистического союза ОАР

МЫ С КОЛЬКОЙ

Мы с Колькой, сцепившись, целый день катались в пыли. Наконец я сказал:

— Сейчас я позову брата — и он задаст тебе перцу!

Колька говорит:

— А я позову отца — и он задаст тебе и брату.

А я говорю:

— А я позову своего дядю капитана, он приведет своих матросов и задаст тебе и твоему папе!

Колька в ответ:

— А я позову деда, он полковник. И от твоих матросов ничего не останется.

Дело дошло до крупных самолетных и танковых соединений. В воздухе запахло войной. Но вот появился мой брат и в ответ на мою просьбу отшлепал меня. Потом пришел Колькин отец и отшлепал Кольку. Угроза войны была ликвидирована.

С тех пор мы с Колькой никогда не обращаемся к родителям за боевой поддержкой.

Толя ВЛАСОВ, 10 лет.
г. Курган.

СПЯЩИЙ МАК

У дороги, под кручей,
Подогнув кулак,
На ножке гнучей
Спит усталый мак.

Саша ОВЕЧКИН, 14 лет.
г. Москва.

* * *

День. Таежная река
хоть мала,
но глубока.
Щепки с берега смела,
чуть лизнула бугорок,
переход толкнула в бок.

Не река — речушка.
Чистою водой
я наполнил кружку
и пошел домой.

Виктор МУХА, 13 лет.
Прииск «Октябрьский»,
Амурская область.

Журнал в журнале

КОРАБЛИК

печатает только тебя

ЗВЕЗДЫ

Я звезды люблю за дальность,
Рассыпанные в бесконечность,
Я звезды люблю за тайны,
Не отданные человечеству.
Манят звезды романтиков,
Это вовсе не странности,
Им подавай галактики,
Им подавай туманности.
У телескопов — ученые,
Как на посту часовые,
Страстью своей увлеченные
Что-то открыть впервые.
Светятся звезды, светятся,
Светятся звезды нетленные.
Даже порой не верится,
Что так велика вселенная.
В небо смолисто-черное
Гляжу, все забыв на свете...
А все-таки это здорово,
Что ночью нам звезды светят!

Володя ЛОШАДКИН.
г. Москва.

СКАЗКА О ТОМ, КАК МУРАВЬИ СЕБЕ ДОМ СТРОИЛИ

В густом лесочке, под зеленым кусточком, на большой кочке вздумал Муравей дом себе построить. Бился-бился Муравей, да в одиночку что сделаешь? Взял он в рот трубку, сел на пенек и стал думать, как ему дом построить. Думал-думал и придумал...

Встал он на свою кочку да как крикнет:

— Эй, братишки-муравьишки! Кому нужен дом? Кто хочет жить в нем? Приходи ко мне!

Собрались муравьи, старые да малые.

— Ну так слушайте! Где вам лучше жить: в доме или на улице?

— В доме, в доме! — закричали муравьи.

Тут сказал им старый Муравей:

— Берите-ка вы по листочку от цветочка, по иголке от елки и несите сюда!

Разбежались муравьи, принес каждый по листочку от цветочка, по иголке от елки. Получилась большая куча.

— Ну, а теперь делайте коридоры!..

Сделали муравьи себе дом — довольны. Старый Муравей тоже доволен.

И по сей день стоит дом в лесочке, на большой кочке, под зеленым кусточком.

Дом муравьев можно увидеть и в нашем лесу.

Таня МАЛЫГИНА, 13 лет.
Деревня Пиренемь. Архангельская область.

Кораблик

«Кораблик» взял курс на Страну Картинок. Приглашаем тебя в наше путешествие.

НАС ВОДИЛА МОЛОДОСТЬ В САБЕЛЬНЫЙ ПОХОД...

Леня Обольский. Ленинград, Дворец пионеров

НА ВОКЗАЛЕ

Наташа Балашова. Москва

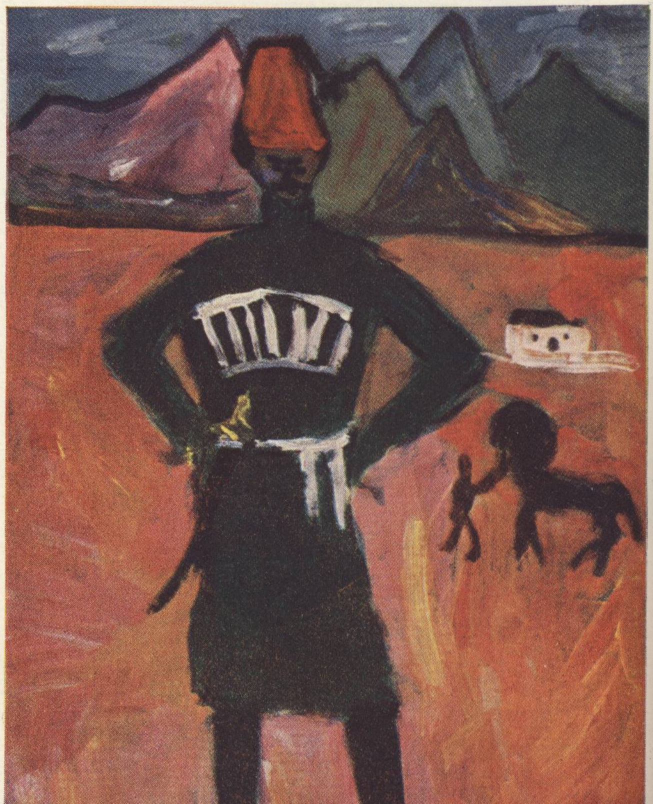
ВСАДНИКИ

Миша Яхилевич. Москва

ДВОРНИК

Миша Яхилевич

КАВКАЗЕЦ

Миша Яхилевич

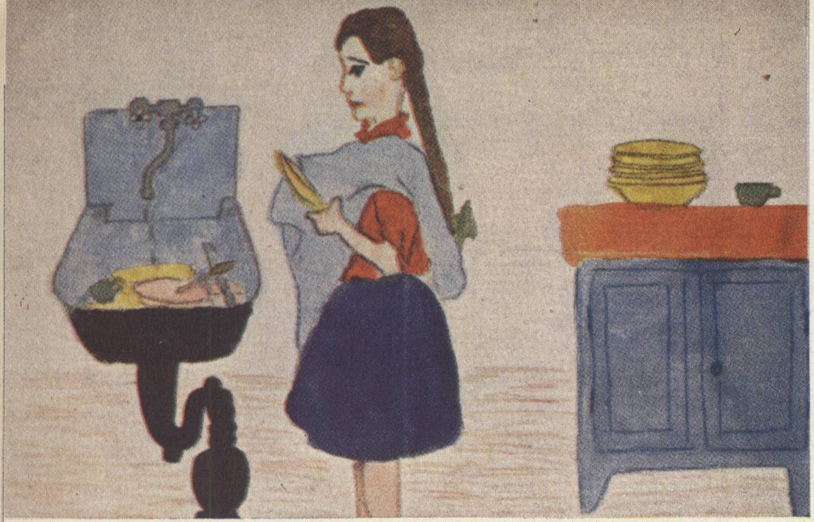
ОСЕНЬ Наташа Балашова

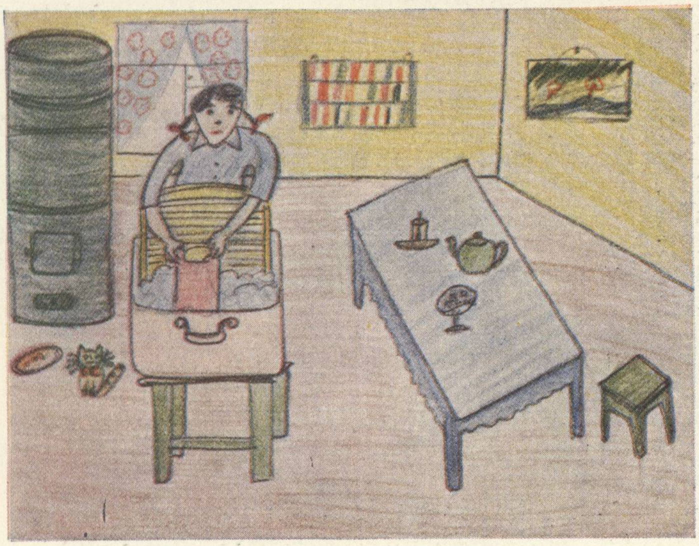
НА ПРИЕМЕ У ВРАЧА Наташа Балашова

В ЗООПАРКЕ Оля Винарская. Москва

На рисунках сверху вниз:

Я УМЕЮ МЫТЬ ПОСУДУ — **Оля Лукьянова**

ЛЮБЛЮ ВЯЗАТЬ — **Маша Волкова**

СТИРКА — **Наташа Санюк**

— Послушай, читатель, давай дружить!

— С кем?

— Со мной...

— Да я тебя не знаю, как же я буду с тобой дружить!

— Ах, да, забыл представиться, я — Художник. Давай вместе думать, рисовать, рассказывать друг другу разные истории, фантазировать.

— А я не умею, у меня способностей нет.

— Каких способностей?

— Да вот рисовать, выдумывать...

ХОЧЕШЬ

— Ты, наверно, просто не пробовал. От своих друзей я никогда не слышал слов «не умею». Вот посмотри, как маленькая дошкольница **Наташа Бычкова** из города Лыткарино нарисовала, что она умеет делать: мыть посуду, убирать кровать, ухаживать за котом и многое-многое другое, и рисовать она умеет.

Посмотрим на рисунок москвички **Оли Лукьяновой.** Она не только умеет мыть посуду, но и очень внимательна ко всему, что видит. Как подробно разглядела она простую водопроводную раковину, а потом сумела ее красиво нарисовать! **Маша Волкова**

ВОТ ЧТО Я УМЕЮ — **Наташа Бычкова**

очень любит вязать, и для того, чтобы ты смог хорошенько разглядеть, какие вещи лежали на столе, она нарисовала стол с верхней точки. Вся картинка Маши похожа на яркий орнамент. Есть у меня приятель в

поселке Купавна, его зовут Матершев Вова. Так вот, он очень любит шить на маминой машинке и рисовать.

А если ты внимательно посмотришь на рисунки Наташи Санюк и Сергея Сухарева из города Бердичева, то мне ничего не придется рассказывать. Они сами очень подробно рассказали о себе в своих рисунках,— как живут, чем занимаются, что умеют делать.

Ну что, понравились тебе мои друзья?

У меня их много, и все любят что-нибудь

ДРУЖИТЬ

делать, чем-нибудь интересным заниматься и, конечно, рисовать!

— А у меня тоже много друзей! Мы и в лес ходим, и книжки интересные читаем, и марки собираем, а однажды один мой самый близкий друг...

— Подожди! Мне хочется, чтобы о твоем самом близком друге узнали все ребята, читатели журнала «Пионер». Нарисуй нам его портрет и напиши, за что ты его любишь больше всех других товарищей. Нарисуй, что вы вместе с ним делаете. Вот и будет у нас в журнале выставка закадычных друзей и подруг. По-моему, это интересно.

— Интересно. Только как же я нарисую своего друга, когда у меня способностей к рисованию нет?

— Не верю! Ты, наверно, что-нибудь не так делал. Давай попробуем вместе. Возьми бумагу.

— Взял...

— Да не эту, кто же рисует на тетрадочном листе в клеточку и в полоску! Нужно взять бумагу из альбома для рисования, она плотная и слегка шершавая, на ней хорошо задерживается краска и карандаш. Нельзя рисовать на глянцевой бумаге. Вот проведи по ней карандашом и посмотри. Видишь?

— Бумага мнется. Рисунок очень бледный...

— Правильно. А каким карандашом ты рисуешь? Нет, этим не надо: он слишком твердый. Видишь, на нем стоит буква «Т». Возьми лучше карандаш с буквой «2М», он мягкий.

Никогда не рисуй чернильным карандашом — он твердый и пачкает рисунок.

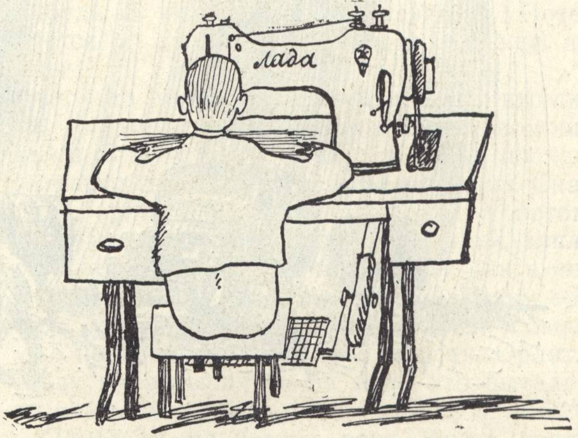
На цветные карандаши нажимай сильнее, не стесняйся. Рисунок будет ярче.

Если рисуешь акварельными красками, бери кисточку потолще и мягкую. Такая кисточка удерживает больше воды, рисунок будет мягче и живописнее.

И еще один совет: как можно меньше пользуйся резинкой. Лучше еще раз перерисовать все.

Ну вот, кажется, на первый раз все советы. Начинай. Я жду, мне ведь очень хочется познакомиться с твоим самым закадычным другом...

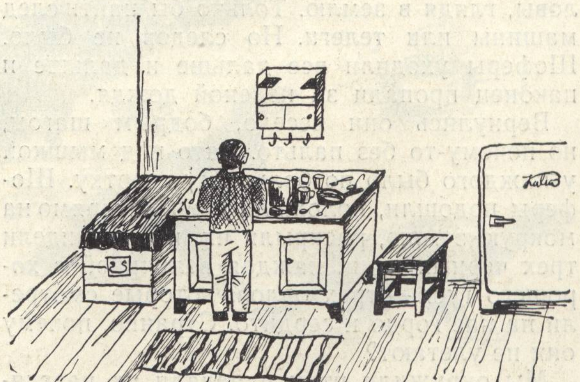
Постой, постой! Почему ты рисуешь на

Я умею шить. *Вова Матершев.*

уголке. Ты слышал такое слово — «композиция»? Это — красивое и умное размещение рисунка на всем листе.

Не забывай об этом.

Я помогаю маме. *Сережа Сухарев.*

Желаю успеха.

Читатель, редакция ждет писем и рисунков о твоем верном друге.

Вадим КУРЧЕВСКИЙ

Орлята

Валентин БЕРЕСТОВ

Рисунки Н. УСТИНОВА.

Мы ехали по степи. Пошел дождь, в степи стало неуютно. След чьей-то машины, который вел нас на юг, вдруг исчез, словно его смыло. Мы заблудились. Пришлось остановить машины.

Три наших шофера отправились искать дорогу. Они шли под дождем, опустив головы, глядя в землю. Только бы найти след машины или телеги. Но следов не было. Шоферы уходили все дальше и дальше и наконец пропали за пеленой дождя.

Вернулись они весело, бодрым шагом, но почему-то без пальто. Зато под мышкой у каждого было по большому свертку. Шоферы подошли, положили свертки прямо на мокрую землю, раскрыли их, и мы увидели трех черных птиц, каждая величиной с хорошего гуся — трех орлов, которые смотрели на нас гордо и сердито. Странно, почему они не улетают?

Мы окружили птиц и начали их разглядывать. Птицы раскрыли желтые клювы и запищали: пи-пи-пи. Тоненько-тоненько, совсем как цыплята. Такая величина, такой гордый вид, а на самом деле еще совсем беспомощные птенчики!

Ища дорогу, шоферы наткнулись на груду черных прутиков. Они приняли их за остатки костра, но это было орлиное гнездо.

— Что вы собираетесь с ними делать? — спросил начальник.

— Возьмем с собой, — ответили шоферы, — отвезем в Южный Казахстан и продадим охотникам. Они же беркуты, ловчие птицы. Казахи воспитают их, и беркуты будут охотиться на волков и на лисиц.

— А как отнесется к этому их мать-орлица? — поинтересовался начальник отряда.

Вместо ответа шоферы подняли головы к небу. Уж если птенцы так велики и сердиты, то какова их мать?

— Они сиротки, — сказал шофер Коля Горин.

— Когда мы подошли к гнезду, они жалобно пищали. Видно, улетела куда-то мать и пропала. Если мы о них не позаботимся, они погибнут. А мы уж как-нибудь прокормим их, товарищ начальник. Будем для них охотиться, лисиц, сусликов стрелять.

Птенцов положили в машину, укрыли брезентом и поехали дальше.

Под вечер мы встретили автомобильный след. Он привел нас в совхоз.

Шоферы принесли орлятам мяса и попытались их накормить. Но птицы отшатывались от мяса и ни за что не хотели раскрывать клювы. Коля Горин сумел открыть им

клювы только с помощью перочинного ножа. Но не тут-то было: птенцы выплевывали мясо.

— Что делать? — волновались шоферы.— Если они сейчас же не поедят, они погибнут!

— Постойте,— сообразил Коля Горин,— давайте вспомним, как их кормит мать-орлица. Они же еще не могут сами клевать. Орлица вкладывает им мясную кашицу из своего клюва. Я где-то читал об этом.

— Ну, что ж,— сказали другие шоферы,— жуй для них мясо, замени им мать родную.

— И жевать не надо,— сказал Горин,— есть у нас такая мясная кашица. А это что? — И достал из кармана банку консервов. Он раскрыл ее перочинным ножом, потом тем же ножом раскрыл клюв одному из орлят и вложил туда немножко консервов. Орленок глотнул, дело пошло веселее.

— Теперь их нужно напоить,— сказал Горин и опустил голову орленка в кружку с водой. Пить орленок не пожелал.

— Видно, и поит его мать из собственного клюва,— предположил Горин. Он извлек откуда-то черную грушу спринцовки, наполнил ее водой, снова раскрыл ножиком клюв орленка, просунул туда конец спринцовки и начал поить насильно.

После ужина орлята немного приободрились. Головы их держались прямо. Горин удовлетворенно оглядел их и сказал:

— Ну вот, проблема решена. Теперь они не пропадут.

Утром Горин раздобыл пустой ящик, обвил его веревками, и получилось что-то вроде клетки. Горин посадил орлят в ящик так, чтобы их головы высовывались из веревок, взобрался на зеленый фургон своей машины и приладил ящик наверху.

— Поехали!—Горин сел в кабину.

Орлята вместе с нами отправились в далекий путь.

Стояла жара. Засыхали, чернели от зноя пучки степных растений, пересыхали, не доходя до моря, степные речки, ослепительно сверкали солончаки. Мы старались их обходить. Никакая жара не могла высушить эти топкие соленые болота.

Орлята прекрасно переносили жару и крепли день ото дня. Теперь они уже питались не только консервами. Они с жадностью клевали мясо и кусочки рыбы. Давно прошло время, когда приходилось раскрывать им клювы перочинным ножиком. Но летать еще они не могли, а ходили по земле вперевалку, как гуси. На стоянках их вынимали из ящика, и шоферы вместе с дежурным (он оставался в лагере, чтобы приготовить обед на костре) приглядывали за орлятами: не дай бог, забредет какой-нибудь из них в степь и потеряется. Потеряется и погибнет. Летать-то он еще не умеет.

Орлята по-прежнему пищали, как цыплята, но уже не выглядели такими беспомощными. В этом мы убеждались, когда ловили их перед тем, как отправиться дальше. Сначала орленок пытался убежать, а потом останавливался, раскидывал крылья, злился и норовил клюнуть вас в руку или в ногу. Иногда ему это удавалось. А потом орлята перестали убегать от дежурных, и было уже непонятно, кто за кем гонится. Орлята сразу набрасывались на того, кто пытался их поймать.

Однажды на берегу реки Эмбы орлят пришлось ловить мне, я был дежурным. Двоих я усадил в клетку без особого труда, но с третьим пришлось повозиться. Кончилось дело тем, что орленок выгнал меня из

лагеря. Теперь я надеялся только на то, что он устанет быстрее, чем я, и тогда я его схвачу. Вместо писка из горла орленка впервые вырвался клекот.

Вдруг он махнул крылом, что-то задел, и из-под крыла выскочил голубоватый камешек. Я поднял камешек: кремневая ножевидная пластинка — орудие первобытного

человека! Я настолько обрадовался находке, что позволил орленку клюнуть себя в ногу. Рядом с нашей стоянкой оказалась стоянка людей каменного века. Мы нашли здесь много интересного.

— Смотрите! — радовался Коля Горин.— Птенчики-то не просто пассажиры. Не будь орленка, разве бы мы нашли здесь стоянку!

Но вот наступил день, когда мы не встретили ни одного человека, не увидели ни одной юрты, ни одной вышки на горизонте. И другой день, когда увидели всадника, и то в бинокль. И третий — опять без людей. Впереди была пустыня.

Наши пассажиры еще больше окрепли. С каждым днем аппетит у них становился все лучше и лучше.

— Странная вещь,— удивлялся Горин.— Про человека, который мало ест, говорят: ест, как птичка. А птичка склевывает за день столько, сколько весит сама, даже больше. Если бы я ел, как птичка, представляете себе, что было бы с нашими припасами?

Иногда орлята, работая крыльями, как плечами, раздвигали веревки и вылезали из своей клетки. Двое научились летать. Они кружились над нашими машинами, но далеко не залетали. То и дело приходилось останавливаться и подбирать их. Но с каждым днем они стали улетать все дальше и дальше. Нужно было гоняться за ними по степи.

Однажды орленок подлетел к одинокому казахскому мавзолею и уселся на его краю, прямо над куполом. Мы так и ахнули! На вершине белоснежного мавзолея сидел царственный черный орел. Мы решили его сфотографировать. Но орленок забрался в тень купола. Как выгнать его оттуда? Мы подобрались к нему из тени и стали гнать орленка на солнце. Не тут-то было! Разъяренный орленок бросался на нас и еще глубже уходил в тень.

— Ах, вот что,— догадался фотограф.— А ну-ка, гоните его в тень, тогда он обязательно выскочит на солнце.

Так оно и случилось. Снимка я не видел, но до сих пор в моей памяти встает этот белый мавзолей, а на его краю, рядом с куполом, огромный, величественный черный орел, царь птиц. Вот уж никак не подумаешь, что это всего лишь желторотый птенец, который совсем недавно пищал, как цыпленок.

Мы ехали все дальше и дальше, встречали следы древних людей, но зато следов современных людей почти не попадалось.

И вот на горизонте перед нами постепенно стала вырисовываться не то длинная синяя туча, не то гигантская стена. Мы ехали, а туча не исчезала, и стена почти не приближалась. Это вставал перед нами чинк — двухсотметровой высоты обрыв плато Устюрта.

Устюрт в те времена был почти безлюден. Впереди неизведанная дорога. Мы проверили, много ли у нас бензина, хватит ли воды, достаточно ли припасов. Мясных консервов оставалось немного: орлята оказались хорошими едоками. Что же касается охоты на лисиц и сусликов, то лучше было бы взяться за нее самим орлятам, а не нашим шоферам.

Глядя на синюю стену чинка, шоферы посоветовались и решили выпустить орлят: пусть кормятся сами, мы свое дело сделали.

Горин залез на крышу фургона, освободил ящик от опутавших его веревок, поднял первого орленка и подбросил его в воздух. Орленок сделал круг над нами так, что было видно каждое перышко его крыльев, плавно взмыл в высоту и исчез. То же самое случилось со вторым орленком. А третий покружился, покружился и сел. С крыши фургона он казался черной курицей среди серых кустиков полыни. Мы даже обрадовались, что он не улетел. Ведь мы привыкли к орлятам.

Ладно, возьмем его с собой на Устюрт, одного-то мы уж как-нибудь прокормим.

Мы побежали ловить орленка. Он позволил приблизиться к себе, но вместо того, чтобы броситься на нас, чуть-чуть разбежался и взлетел. Взлетел, расправил большие крылья и бесшумно скрылся там, куда улетели его братья.

Мы еще долго стояли возле машин и смотрели в ту сторону: а вдруг орлята вернутся. Мы глядели в белесое, ослепительное небо, пока не устали глаза. А потом все вместе обернулись туда, где вставала синяя, такая манящая стена таинственного Устюрта.

Януш КОРЧАК

Король Матиуш Первый

(Продолжение)

Перевела с польского
Муза Павлова

Рисунки
Ю. ВЛАДИМИРОВА
и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО

Смертельно обиженный, вернулся Матиуш во дворец. Никогда, никогда ноги его не будет в детском сейме.

Какая неблагодарность! Вот награда за его работу, за его добрые намерения, его путешествия, в которых он чуть не лишился жизни, за его героическую защиту страны.

Волшебниками их сделай, куклы им дай до самого неба, таким глупым! Жаль, что он все это начал. Крыша у них протекала, еда нехорошая была, игр не было! А в каком государстве у детей есть такой зоологический сад? А мало было фейерверков, военной музыки? Газету для них издают. Не стоило! Эта же самая газета завтра оповестит на весь мир, что его назвали Котом-Муркой и Матиушем-Канарейкой. Нет, не стоило!..

И Матиуш велел сказать, что и писем детей он не будет читать, и послеобеденных аудиенций не будет. Хватит! Он не хочет больше давать подарков.

Матиуш позвонил по телефону.

— Пожалуйста, соедините меня с квартирой старшего министра.

— А кто говорит?

— Король.

— Старшего министра нет дома, — сказал старший министр, не подозревая, что Матиуш узнал его по голосу.

— Но ведь вы же со мной говорите! — сказал Матиуш.

— Ах, это ваше королевское величество, ах, очень извиняюсь, но я не могу прийти, потому что я болен и сейчас лягу в постель. Потому и говорю, что меня нет дома.

Матиуш положил трубку.

— Врет,— сказал он, расхаживая в волнении по кабинету.— Не хочет прийти потому, что уже обо всем знает. Меня никто теперь не будет уважать, все будут надо мной смеяться.

Лакей доложил о приходе Фелека и журналиста.

— Просите! — приказал Матиуш.

— Я пришел спросить ваше королевское величество, как мне написать в газете о сегодняшнем заседании сейма. Можно ничего об этом не писать, но пойдут сплетни. Так что, может быть, написать, что заседание было бурное, что барон фон Раух подал в отставку. Это значит, что он обиделся и не захотел больше быть министром. Но король не принял отставки, и барон Раух остается министром, и король дает ему орден.

— А обо мне что вы напишете?

— Ничего. О таких вещах не пишут, это нехорошо. Самое трудное—это что сделать с Антеком? Антек — депутат, так что выпороть его нельзя. Депутаты могут подраться между собой, но правительство ничего не может им сделать, так как они неприкосновенны. Вообще ему уже досталось от Клю-Клю, и он может успокоиться.

Матиуш был доволен, что не будет написано в газете, как Антек над ним смеялся, и охотно все ему простил.

— Завтра заседание начнется в двенадцать.

— Это меня совсем не интересует, я не приду.

— Это плохо,— сказал журналист.— Могут подумать, что ваше величество боится.

— Что же делать? Ведь я обижен,— сказал Матиуш со слезами на глазах.

— Пусть делегация депутатов придет просить прощения у вашего величества.

— Хорошо,— согласился Матиуш.

Журналист ушел, он должен был немедленно писать в газету.

А Фелек остался.

— Я ведь говорил тебе, чтобы ты перестал называться Матиушем.

— Ну и что? — раздраженно прервал его Матиуш.— Ты назвался бароном фон Раухом, а тебя назвали бараном. Это еще хуже, чем меня. Кот — это еще ничего.

— Хорошо. Но я только министр, а ты король, и хуже, чтобы король был Котом-Муркой, чем министр — бараном.

Клю-Клю не пошла на заседание, но Матиушу пришлось пойти. Сначала ему было неприятно, но все так тихо сидели, и речи были такие интересные, что Матиуш в конце концов забыл о вчерашнем.

Депутаты сегодня говорили о красных чернилах и о том, чтобы над детьми не смеялись.

— Когда учителя исправляют тетради, они

— Старшего министра нет дома,— сказал он, не подозревая, что Матиуш узнал его.

Детская забастовка в государстве королевы Кампанеллы.

пишут красными чернилами, а мы должны писать черными. Красные чернила красивее, мы хотим тоже красиво писать.

— Да, — сказала девочка-депутатка, — и к тетрадям в школе должны давать бумагу на обертку. Потому что обложка может испачкаться. И какие-нибудь картинки, какие-нибудь цветочки или что-нибудь, чем можно украсить тетрадь.

Когда девочка кончила говорить, раздались аплодисменты. Этим мальчики хотели показать, что они вовсе не сердятся на девочек, а вчерашний скандал устроили только несколько сорванцов. А если на несколько сот депутатов есть горсточка оболтусов, то это совсем не так уж много.

Говорили и о том, что взрослые смеются над детьми.

— Если их о чем-нибудь спросить или что-нибудь сделать, то они или кричат на нас, или сердятся, или над нами смеются. Так не должно быть. Взрослые думают, что все знают, а это вовсе не так. Мой отец не мог сосчитать, сколько мысов в Австралии и сколько всех рек в Америке; не знал, из какого озера вытекает Нил.

— Нил не в Америке, а в Африке! — крикнул с места другой депутат.

— Знаю лучше тебя. Только так сказал, для примера. Взрослые ничего не понимают в почтовых марках, не умеют свистеть и поэтому говорят, что свистеть некрасиво.

— Мой дядя умеет свистеть.

— Но не в пальцы.

— А может, и в пальцы! Ты откуда знаешь?

— Глупый ты.

Опять вспыхнула бы ссора, но председатель позвонил в колокольчик и сказал, что депутатов нельзя называть глупыми. За это будут исключать из заседания.

— А что значит «исключать из заседания»?

— Это — парламентское выражение. В школе говорят: выставить за дверь.

Под конец заседания вошел один опоздавший депутат.

— Извините, что я опоздал,— сказал он,— но меня мама не пускала, потому что вчера мне поцарапали нос и набили шишку.

— Это — злоупотребление. Депутат неприкосновенен, и дома ему не могут запретить идти на заседание.

Так начался спор между детьми и взрослыми, и это было только начало...

Нужно сказать — и об этом ни Матиуш, ни депутаты еще не знали,— что за границей о детском парламенте начали писать в газетах и тамошние дети стали все чаще разговаривать об этом в школах и дома. А когда им ставили плохую отметку или на них сердились, они говорили:

— Если бы и у нас были свои депутаты, этого бы не было.

В маленьком государстве королевы Кампанеллы в Южной Европе дети устроили забастовку.

Взрослые сердились:

— Новое дело! Мало у нас хлопот, так теперь еще начнутся истории с детьми! Этого только не хватало.

Матиуша это известие обрадовало. В газете была напечатана большая статья под заголовком **«Движение начинается»**.

Там писалось, что в государстве королевы Кампанеллы теплый климат и дети там более горячие. Поэтому они стали требовать для себя новые права.

«Недалек тот день, когда зеленое знамя будет принято для детей всего мира. И тогда дети поймут, что они не должны драться, и будет порядок. И все люди будут любить друг друга. И совсем не будет войн. Потому что, если научатся не драться, пока они маленькие, не будут драться и когда вырастут.

Король Матиуш,— писалось в газете,— первый сказал, чтобы у детей было зеленое знамя. Король Матиуш это придумал, и сейчас он может стать королем детей не только своего государства, но и всего мира».

«Королева Клю-Клю поедет в Африку и там все объяснит негритянским детям. Будет хорошо. Дети будут иметь такие же права, как взрослые, и будут гражданами.

Дети будут слушаться не потому, что они боятся, а потому, что сами захотят порядка».

Много еще интересных вещей было в газете. Но Матиуш думал:

«Почему же грустный король говорил, что трудно быть реформатором, и реформаторы чаще всего плохо кончают, и только после их смерти люди видят, как хорошо они управляли, и ставят им памятники?

А у меня все идет хорошо, никакая опасность мне не угрожает. Было, правда, и у меня много неприятностей и хлопот, но к этому должен быть готов каждый, кто управляет целым народом».

Как-то раз собралась молодежь, то есть те, которым исполнилось пятнадцать лет. Собрались, кто-то влез на фонарь и кричит:

— О нас-то совсем забыли! Мы тоже хотим иметь депутатов. У взрослых свой сейм, у детей свой, а мы что, хуже? Мы не позволим, чтобы такие щенки нами распоряжались. Если малышам дают шоколад, пускай нам дают папиросы!

Депутаты как раз шли на заседание, и эти парни стали их дразнить...

— Хороши депутаты, не знают таблицы умножения!

— А некоторые совсем не умеют писать.

— И они будут управлять?

— Долой такое правительство!

Префект полиции просил Матиуша сидеть дома, потому что в городе беспорядки, а тем временем пустил конную полицию разгонять толпу. Но парни не хотели расходиться, стали кидать в полицию что попало: книжки, завтраки, некоторые уже начали выворачивать камни из мостовой. Тогда префект полиции вышел на балкон и закричал:

— Если не разойдетесь, я вызову войска! А если кто-нибудь бросит камень в солдат, то на первый раз выстрелю в воздух, а не поможет, будут стрелять в вас.

Ничего не помогло, бунтари еще больше разозлились, выломали двери и ворвались в зал заседаний.

— Не уйдем отсюда, пока не получим такие же права, как у детей.

Все потеряли голову, не знали, что делать. И тут вдруг в королевской ложе появился Матиуш, который не послушался префекта полиции и приехал сам узнать, что происходит.

Стоит Матиуш — и ни слова. Ждет. Бунтари поняли: от крика никакого толка не будет — и сами начали шикать:

— Тихо, хватит, перестаньте!

Наконец кто-то крикнул:

— Король хочет говорить!

И воцарилась тишина.

Матиуш говорил долго и умно. Он признал, что эти парни правы.

— Граждане, — сказал Матиуш, — вам полагаются права, это так. Но вы скоро уже станете взрослыми и войдете в сейм для взрослых. Я начал с детей потому, что я сам еще маленький и лучше знаю, что нужно детям. Сразу всего сделать нельзя. И так у меня много работы. Когда я вырасту, и мне исполнится пятнадцать лет, и у детей уже будет порядок, я возьмусь за вас.

— А нам тогда не нужна будет эта милость, мы уже будем в парламенте для взрослых.

Матиуш понял, что получается нехорошо, и сказал:

— А, собственно, почему вы к нам придираетесь? У вас уже усы выросли, и вы курите папиросы. Так идите в тот парламент.

Самые старшие, у которых уже действительно начинали пробиваться усы, подумали:

«В самом деле. Зачем нам этот сопливый сейм? Мы уже можем быть в настоящем парламенте».

А те, кто помоложе, стыдились сознаться, что они еще не курят, и тоже сказали:

— Ладно.

И ушли.

Вечером пригласили короля на заседание министров.

— Плохи дела, — говорит министр просвещения. — Дети не хотят учиться. Когда им учитель что-нибудь велит сделать, они смеются: «А что вы нам сделаете? Мы не хотим! И мы пожалуемся королю. Или скажем нашим депутатам». Учителя говорят, что будут ждать еще две недели: если ребята не успокоятся, они учить отказываются. Уж и так двое ушли. Один открыл ларек, торгует содовой водой, а другой открыл фабрику пуговиц.

— Вообще взрослые очень недовольны, — сказал министр внутренних дел. — Вчера один господин в кафе сказал, что у детей в головах помутилось. Им кажется, что они могут делать все, что хотят, и так шумят, что можно обалдеть. Скачут по диванам, в комнате играют в мяч, шатаются без разрешения по улицам и ужасно рвут одежду.

— Я знаю, что делать, — сказал Матиуш. — Сделаю так: пусть все, кто учится, будут служащими. Они так же пишут, считают и ходят в школу, как служащие ходят в свои конторы и там работают. Так что за их работу им следует плата. Будем им платить. Нам все равно, даем ли мы шоколад, коньки, кукол или деньги. А дети будут знать, что они должны делать то, что им надлежит, иначе не получат жалованья.

— Можно попробовать, — согласились министры.

Матиуш совсем забыл, что теперь управляет уже не он, а парламент, и приказал написать такой указ и расклеить его на углах улиц.

Рано утром прибежал журналист, он был страшно сердит.

— Если ваше величество будет все важные сведения расклеивать, для чего тогда газета?

А за ним Фелек.

— Если ваше величество сам издает новые законы, для чего тогда депутаты?

Подростки, у которых своего сейма не было, собрались однажды и давай шуметь...

— Да, — подтвердил журналист. — Барон фон Раух прав. Король может только сказать, что хочет сделать так, а потом уж депутаты скажут, разрешают ли они так сделать. А может быть, они придумают что-нибудь лучше?

Матиуш понял, что поспешил.

— Пусть ваше величество позвонит по телефону, чтобы давали шоколад, а то может быть восстание. А мы сегодня же обсудим это дело на заседании с депутатами.

У Матиуша было плохое предчувствие, и случилось действительно нечто очень плохое. Сперва решили все дело отдать на обсуждение комиссии. Но Матиуш не согласился.

— Когда комиссия должна что-нибудь сделать, приходится долго ждать. А учителя сказали, что будут ждать только две недели, после чего уйдут — и конец.

Журналист подошел к Фелеку и сказал ему что-то на ухо. Фелек улыбнулся, очень довольный, и, когда Матиуш кончил, попросил слова.

— Господа депутаты, — сказал Фелек. — Я ходил в школу и знаю, что там творится. В течение одного года я стоял за партой несправедливо семьдесят раз, в углу стоял несправедливо сто пять раз, за двери был выставлен несправедливо сто двадцать раз. И вы думаете, так в одной моей школе? Ничего подобного. Я учился в шести разных школах, и везде было то же самое. Взрослые не ходят в школу, они не знают, как там все несправедливо. Я думаю, если учителя не хотят ждать, не хотят учить детей, то можно издать закон, пусть они учат взрослых. Когда взрослые увидят, как это приятно, они перестанут все время сажать нас за книжки. А учителя увидят, что со взрослыми еще хуже, чем с нами.

И посыпались жалобы на школу и учителей. Этот несправедливо остался на второй год, тот сделал только две ошибки, а получил плохую отметку, третий опоздал и был поставлен в угол. Еще кто-то не выучил стихотворение, потому что младший брат вырвал как раз ту самую страницу, а учительница сказала, что он просто выкручивается.

Когда депутаты устали и проголодались, Фелек поставил проект на голосование:

— Комиссия обдумает, как сделать, чтобы в школе все было справедливо, и платить ли детям за занятия, как служащим. А тем временем в школы будут ходить взрослые. Кто согласен, пусть поднимет руку.

Несколько депутатов хотели что-то к этому добавить, но большинство присутствующих подняло руки, и Фелек сказал:

— Сейм закон принял.

Невозможно описать, что творилось в государстве Матиуша, когда люди узнали о постановлении детского сейма.

— Что это за новые порядки! — сердились взрослые.— Пускай их сейм решает, что должны делать дети, а указывать, что делать нам, он не имеет права.

— Ну, хорошо, мы будем ходить в школы, а кто будет работать? — спрашивали другие.

— Посмотрим,— говорили более спокойные.— Может быть, даже все к лучшему. Когда дети убедятся, что они ничего не умеют и без нас обойтись не могут, они станут нас уважать.

А безработные даже радовались. Вышел закон: за учение выплачивать жалованье, ибо учение — это тоже работа. И еще закон: дети будут работать, а взрослые ходить в школу.

Было очень много волнений, потому что мальчики в большинстве хотели стать пожарниками и шоферами, а девочки — продавщицами в магазинах игрушек и в кондитерских. Некоторые, как это всегда бывает, говорили глупости: один мальчик хотел быть индейцем, другой — сумасшедшим.

И в семьях было много споров, когда дети отдавали родителям свои книжки и тетради.

— Вы испортили книжки и испачкали тетради, а теперь станут на нас кричать, будто это мы неряхи,— говорит мама.

— Ты потерял карандаш, мне нечем рисовать, и учительница будет сердиться,— говорит отец.

— Завтрак не готов, напиши мне сейчас же записку, что я опоздаю в школу из-за завтрака,— говорит бабушка.

А учителя радовались: хоть немножко отдохнут, взрослые ведь спокойнее.

— Напиши, что я опоздала из-за завтрака!

Очень странно выглядел город, когда взрослые шли с книжками в школы, а дети шли в конторы, на фабрики и в магазины. Кое-кто из взрослых стыдился, другие радовались:

— Ну так что? Мы снова дети. А разве плохо быть ребенком?

Припоминали прежние времена, даже встречались товарищи, которые сидели когда-то на одной парте. Припоминали старых учителей, разные игры и шалости.

— Помнишь нашего латиниста? — спрашивает у товарища инженер с фабрики.

— А помнишь, как мы раз подрались? Я купил перочинный нож, а ты сказал, что он не стальной, а железный.

— И мы попали в карцер.

Один доктор и один адвокат так увлеклись подобными разговорами, что совсем забыли, маленькие они или нет, и начали толкать друг друга в канаву, гоняться друг за другом, и учительница должна была обратить их внимание на то, что на улице надо вести себя прилично, потому что прохожие смотрят...

— Хулиганы!

Но кое-кто все-таки был страшно недоволен. Одна очень толстая дама, хозяйка ресторана, тоже пошла в школу, ее узнал один механик и сказал товарищу:

— Смотри, идет эта наседка. Помнишь, как она нас всегда обманы-

вала: доливала в вино воды, а кусочек селедки считала за целую селедку? Давай-ка подставим ей ножку, уж раз мы дети, так дети. Верно?

Он подставил ей ножку, и она чуть не упала. Тетради ее рассыпались...

— Хулиганы! — закричала толстая дама.

— Я нечаянно...

— Погодите, скажу учительнице, что не даете спокойно пройти по улице...

Зато дети шли очень спокойно и серьезно, и в девять часов все конторы и все магазины были открыты.

А в школах сидели взрослые. Старички на последних партах, поближе к печке, надеясь, что во время уроков можно будет немного вздремнуть.

Ну, читают, пишут, считают... Все хорошо. Учителя экзаменуют: многое ли забыли? И сердятся, что взрослые невнимательны. Действительно, трудно быть внимательным, если каждый думал о том, что делается дома, на фабрике, в магазине, как там хозяйничают дети.

Девочки хотели показать, что умеют хозяйничать, и решили, что первый обед должен быть такой вкусный, как никогда. Но сделать это нелегко, и девочки думали:

«Может быть, вместо супа дать варенье?»

Шли в магазин за продуктами.

— Ах, как дорого! Ни в одном магазине нет таких цен.

— Пойду куплю где-нибудь в другом месте.

Они торговались, а те, кто продавал, хотели побольше наторговать, и дело шло на славу.

тенько слышались такие выражения, как, например: «Глупый! Врешь! Убирайся! Нет так нет! Не важничай. Смотрите, чего захотела! Отвяжись!» и так далее.

И часто слышалось:

— Погоди, вот мама вернется из школы...

Или:

— Погоди, все скажу папе, уроки ведь скоро кончатся!

Больше всего мешали беспризорные: вбегали в магазины, ели и не желали платить.

Полиция? Стояли мальчики на углах улиц, но не знали, что им делать.

— Ну что ты за полицейский? Воры вбежали в магазин, схватили горсть чернослива и убежали.

— Куда убежали?

— А я почем знаю, куда.

— Ну, если ты не знаешь, так чем я тебе могу помочь?

— Если ты полицейский, ты должен смотреть.

— Интересно! У тебя один магазин — и то не

— Ну что же ты за полицейский?

А в школе сидели взрослые.

— Пожалуйста, еще десять апельсинов!.. И фунт изюму... и швейцарского сыра. Только мне хорошего, а то верну.

— Мой сыр самого лучшего качества, а у апельсинов тонкая кожа.

— Это хорошо. Сколько с меня?

Продавец как будто бы считает, но у него не очень-то получается...

— А сколько у тебя денег?

— Сто.

— Слишком мало!

— Так я потом принесу.

— Ну, хорошо.

— Но, пожалуйста, дай мне сдачи.

— Глупая! Даешь меньше, чем надо, а еще хочешь сдачи.

Нужно признать, что в магазинах и в учреждениях обходились не очень-то вежливо, и час-

можешь доглядеть, а у меня пять — десять магазинов, и за всеми надо смотреть.

— Дурак!

— Ну и дурак. А если тебе не нравится, так не зови меня!

Возвращаются родители из школы, дети открывают им двери и спрашивают:

— Ну, что, мамочка, тебя вызывали?

— Папа, ты написал контрольную?

— А с кем ты, бабушка, сидишь на парте?

Некоторые дети, возвращаясь из контор, заходили в школу, чтобы проводить отца или маму домой.

— Ну, что ты делал в конторе? — спрашивал отец.

— А ничего. Сидел за столом, потом немножко смотрел в окно, потому что кого-то хоронили, по-

том начал курить папиросу, но очень была горькая. Потом, там лежали какие-то бумаги, так я на всех подписал свою фамилию. Потом пришли какие-то три господина, но говорили не то по-французски, не то по-английски, так я им сказал, что не понимаю. Потом должен был быть чай, но не было, и я съел сахар. Еще я звонил по телефону товарищам узнать, что они делают, но телефоны перепутались, и один только мне ответил, что работает на почте и там очень много писем с заграничными марками...

Обеды в некоторых домах были хорошие, но в других все подгорело или вообще так и не разожгли огня.

— Ой, а мне надо спешить,— воскликнула одна мама,— нам на завтра задали много уроков! Учительница сказала, что взрослым надо больше задавать. Это несправедливо!.. В других школах задают меньше.

— А кого-нибудь ставили в угол?

Мама немножко смутилась, но сказала, что ставили.

— А за что?

— На четвертой парте сидели две дамы, говорят, они когда-то были знакомы, жили вместе на даче или что-то вроде этого, и весь урок они разговаривали. Тогда их поставили в угол.

— Они плакали?

— Одна еще смеялась, а у другой были на глазах слезы.

— А мальчики вас не задирают?

— Так, немного.

— Совсем как у нас,— радовались дети.

Сидит Матиуш в кабинете и читает газету, в которой написано, как прошел первый день. Нет порядка, телефоны очень плохо действуют, письма на почте не уложены, как нужно, вчера один поезд сошел с рельсов, а сколько раненых, неизвестно, потому что телеграфы неисправны. Что поделаешь, дети еще не привыкли. Каждая реформа требует времени.

Вдруг вбегает обрадованная Клю-Клю, хлопает в ладоши и подпрыгивает.

— Новость! Угадай, какая?

— Что такое? — спрашивает Матиуш.

— Приехало пятьсот черных детей.

Матиуш даже забыл, что в свое время послал по телеграфу королю Бум-Друму приглашение для пятидесяти детей. Но случилось так, что в дороге попугай или кто-нибудь другой стукнул клювом и дописал еще один ноль. Вышло, что Матиуш приглашает не пятьдесят детей, а пятьсот.

Матиуш оторопел, но Клю-Клю была счастлива.

— Это еще лучше! Если больше детей сразу всему научатся, можно будет навести порядок во всей Африке.

И все было бы хорошо. Но однажды во дворец влетает верховой гонец с известием, что дети по неосторожности открыли в зоологическом саду клетку с волками и все волки убежали. В городе жители так напуганы, что никто не выходит на улицу.

— А зачем понадобилось выпускать волков?

— Дети не виноваты,— сказал гонец.— Сторожа пошли в школу и не сказали детям, которые должны были их заменить, что клетки открываются механически. Они не знали и открыли.

— А сколько было волков?

— Двенадцать. Самый опасный один. Совершенно не знаю, как его теперь поймать.

— А где эти волки?

— Неизвестно. Они убежали. Люди говорят, что видали их в городе, что они бегают по улицам. Но нельзя этому верить. Все так перепуганы, каждую собаку принимают за волка. Уже пустили слух, будто все звери убежали из клеток. Одна женщина клялась, что за ней гнался тигр, гиппопотам и две очкастые змеи.

Клю-Клю тотчас же спросила, что это за звери — волки, так как в Африке нет волков и она их не знает.

— Они рычат, перед тем как напасть? Прыгают? Хватают зубами или рвут когтями? Всегда нападают или только, когда голодны? Храбрые они или трусливые? Хороший у них слух? А нюх? А зрение?

Матиушу даже стыдно стало, что он знает так мало, но все, что знал, он объяснил.

— Я думаю,— сказала Клю-Клю,— они спрятались в самом саду. Пойду и моментально их отыщу. Ах, какая жалость, что не убежали также львы и тигры! Это была бы охота получше!

Били в котлы, дули в пищалки, стреляли из луков...

Пошли Матиуш, Клю-Клю и еще десять негров. А люди стоят в окнах и смотрят. На улице ни души. Пусто. Магазины закрыты. Город точно вымер.

Дошли до сада и стали бить в котлы и дуть в пищалки. Шум такой, как будто целое войско тут.

— Стой! — вскричала Клю-Клю.— Приготовить луки! Там что-то шевелится.

Клю-Клю хотела выбежать вперед, но скорей вскарабкалась на дерево: к ней бросился громадный волчище. Уперся в дерево, царапает когтями ствол и воет, а остальные ему подвывают.

— Это их вожак! — кричит Клю-Клю.— Обойдите кусты и с той стороны их пугните!

Так и сделали. Волки, перепуганные, убегают во всю прыть, в них стреляют из луков, а барабанщики изо всех сил бьют в барабаны. Не прошло и пяти минут, как одиннадцать волков сиде-

ли в клетках. А двенадцатый, увидев, что остался один, дал деру и куда-то скрылся.

Клю-Клю спрыгнула с дерева.

— Скорей! Не давать ему убежать из сада!

Но было уже слишком поздно. Волк выбежал в город. И теперь жители действительно видели: волк бежит по улице, а за ним Клю-Клю и десять негров. Позади всех плелся Матиуш. Разве мог он угнаться? Вспотевший, измученный, он еле держался на ногах. Какая-то сердобольная старушка пригласила его к себе и дала молока с булкой.

— Кушай, король Матиуш,— сказала она,— хороший ты король! Мне восемьдесят лет, я разных видала королей. Были похуже, были получше, а такого, как ты, не было. И о нас, стариках, подумал, дал нам школу, такое добро сделал да еще платишь нам за учение. У меня сын в далеких странах, он пишет мне каждые полгода, и я получаю письма, а прочитать их не умею. А давать чужим людям, чтоб прочитали, не хочу: может, там есть какой-нибудь секрет и, может, меня обманут, скажут что-нибудь другое. Но теперь я смогу узнать, что с ним. Учительница сказала, что если я буду стараться, то через два месяца сама смогу ему написать. Вот обрадуется мой парень!

Матиуш выпил молоко, поцеловал старушке руку, поблагодарил и пошел.

Тем временем волк прыгнул в люк водостока и там скрылся. И Клю-Клю решила туда влезть.

Волк схватил ее зубами за руку...

— Что? Не разрешу! — крикнул Матиуш.— Это подземный канал, там темно. Ты там задохнешься! Или волк тебя растерзает.

Но Клю-Клю взяла в зубы охотничий нож и прыгнула вслед за волком.

Матиуш постоял-постоял и вдруг вспомнил, что у него с собой электрический фонарик. Недолго думая, и он прыгнул в люк.

— Клю-Клю! — крикнул Матиуш, и эхо ответило со всех сторон, потому что каналы проходят под всем городом.

Но вдруг в одном проходе, стоя по колено в воде, Матиуш услыхал шум и снова зажег фонарик. Вот они—Клю-Клю и волк. Клю-Клю ударила волка ножом в горло, а волк схватил ее зубами за руку. Клю-Клю быстро переложила нож в другую руку и снова бросилась на волка. А он отпустил ее руку, нагнул морду и уже готов был вцепиться зубами ей в живот. И тогда все было бы кончено.

Матиуш бросился на волка, даже дотронулся фонариком до его морды. В другой его руке был револьвер. Волк ощерился, его ослепил свет. И тут Матиуш всадил ему пулю между глаз.

Перепуганные волки убегали во всю прыть.

Окончание в следующем номере.

а у нас...

В НАШЕЙ КВАРТИРЕ

У меня есть подруга Таня. Нам с ней очень весело вместе.

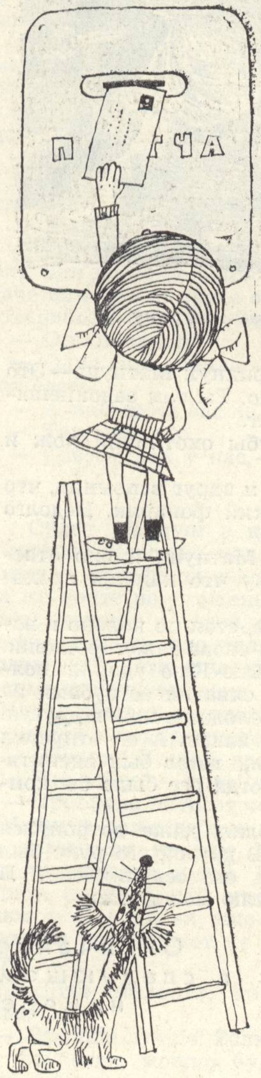
То сами придумаем и сыграем сценки без слов, то проводим конкурсы и состязания. Мы уже провели конкурс песен, конкурс «Танцы народов мира» и соревнование по художественной гимнастике.

Число «участников» конкурса достигает шестнадцати человек, и за всех выступаем мы вдвоем. Делаем костюмы из бумаги, оформляем «сцену».

А зрители — это наши папы, мамы и бабушки. Они собираются в нашей квартире и смотрят наши представления.

А каждую субботу мы выпускаем домашний сатирический журнал «Репейник». У нас всегда весело.

Наташа Богданова,
г. Похвистнево,
Куйбышевская область.

Прыгунчик

Однажды летним утром к нам пришел наш друг шофер дядя Ваня. В руках он держал небольшой ящик. Дядя Ваня заговорщицки подмигнул нам и поставил ящик на стол. Мы с братом подошли ближе и стали заглядывать в щелки. В ящике сидела белочка.

Не успели мы снять с ящика крышку, как зверек выскочил во двор. Пробежал немного по земле и взобрался на вишню. Я полезла за белкой. А она взбиралась все выше и выше, и, когда она оказалась на другом дереве, я подумала, что нам вряд ли удастся ее поймать.

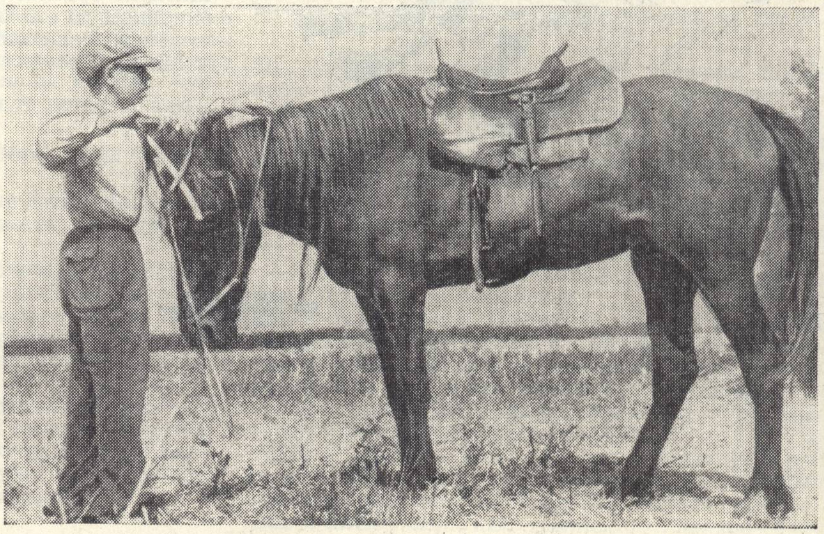
Пока я слезала с дерева, белка решила полакомиться вишнями. Она зацепилась задней лапкой за ветку и повисла, стараясь достать передними лапками крупную ягоду. Я снова полезла на дерево. Белка заметила меня и перескочила на небольшую яблоню, а с яблони — на пятнадцатиметровую телевизионную антенну. Забралась на самый верх и сидит, вертит во все стороны головой. Тогда папа взял молоток и постучал по антенне. В ту же секунду белка сорвалась вниз. Мы испугались: думали, разобьется. Но она, расставив в стороны лапки и распушив хвост, плавно спланировала на землю, как на парашюте. Мы раньше не знали, что белки умеют так летать.

Вечером мы все-таки поймали белку. Назвали ее Прыгунчиком.

Почти все время я проводила теперь около клетки. Прыгунчик ел ягоды, фрукты, зерна, семена, сухие хлебные корочки. Особенно интересно было смотреть, как белка ест семечки, выбирая лапками зерна и аккуратно складывая шелуху. Спала она в углу, зарывшись в сено.

А потом мы выпустили нашего Прыгунчика в лес.

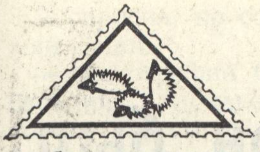
Лена Куц,
г. Новоград-Волынский,
Житомирская область.

Старые знакомые.

Фото Бориса Скачкова.

г. Гуново,
Ростовская область.

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Тихо ступая по зеленой траве, я брел по лесу. Вышел на небольшую поляну, остановился и услышал шорох. Подошел к кустам, из которых он послышался, заглянул в них: там играли ежата. Я не успел их как следует рассмотреть. Они, увидев меня, тотчас же разбежались, но от прогулки по лесу и от встречи с маленькими ежатами у меня осталось хорошее настроение.

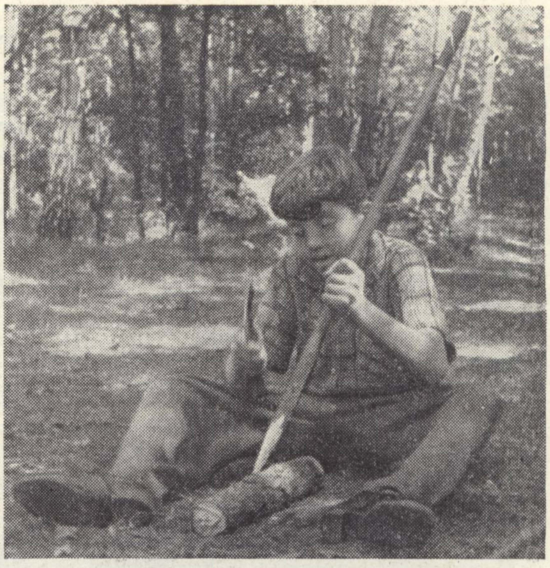
Виктор Митюков,
Омская область.

ДОЖДЬ

Тихо дует ветер. Мы сидим с удочками на берегу лесного озера и молчим. В ведерке у нас плещутся три десятка окуней. Темнеет небо, облака закрывают солнце, и их тяжелая тень падает на лес и озеро. Ветер усиливается. Озеро покрывается рябью. Скоро пойдет дождь. Мы торопливо собираем удочки и бежим домой. Высоко над нами пролетели утки и сели на ближнее озеро. Дождь настигает нас у леса. Мы забегаем под густую ель, чтобы спрятаться.

Сергей Племяков,
г. Прокопьевск,
Кемеровская область.

У каждого свои заботы.

Фото Виктора БЕЛЯКОВА
г. Калуга.

КЕШКА

Ох, уж этот Кешка! Не человек, а заноза. Везде хочет показать свое превосходство. Мы-де, мальчишки, будущие космонавты, капитаны морских кораблей! А нас, девчонок, ни во что не ставит.

Но вот закончился учебный год, наступили летние каникулы. Прибежала я домой, сумку в сторону. Вольная жизнь до осени! Но прошло немного времени, и меня потянуло в школу. Прихожу, смотрю, а там Люська, моя подружка.

— Намечается поход на Мусерское озеро...

И вот мы шагаем по зеленой летней тропинке. Песни поем. Устали. Сняли тапки. Босиком пошли по лужку. Вскоре увидели голубую гладь озера.

Причалили к берегу две моторные лодки. Люська села в одну, я—в другую. Смотрю, Кешка рядом со мной. Кричит, бахвалится, раскачивает лодку. Мы его просим угомониться: баловство до добра не доведет. Он и слушать не хочет. И зачерпнули мы полную лодку воды. Пришлось прыгать всем в озеро.

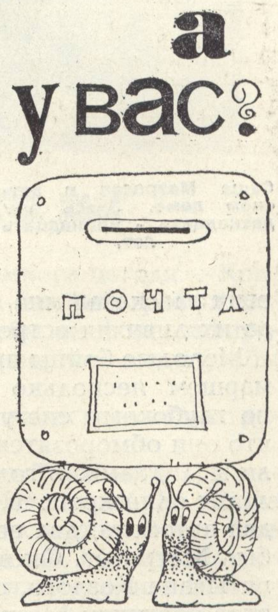
Хоть и страшно, но плыву к берегу. И вдруг слышу крик:

— Мамочка родная, помогите!

Кто же это кричит? Прислушалась — голос знакомый. Да это же Кешка наш! Оказалось, он и плавать даже не умеет. Хорошо, что ребята пришли на помощь.

Вот тут мы и поняли: пустая бочка всегда громче гудит.

Валя Медведева,
г. Санчурск.

МОРЕ

Я живу в селе Новоалексеевка, на берегу Черного моря. Часто я хожу к морю. Летом оно тихое, прозрачное. Маленькие волны медленно выбегают на берег, шуршат песком, ракушками и уходят обратно.

Зимой море суровое, темное, с белыми верхушками на острых волнах.

В бурю море совсем иное. Волны-громадины грохочут, выбегая на берег, и исчезают в пучине морской.

Я очень люблю свое море и счастлива, что живу около него.

Ира Гаран,
с. Новоалексеевка,
Херсонская область.

Саша Матросов, каким он был

Перед вами две редкие фотографии. На них — Александр Матросов. Вы, наверно, еще не видели этих фотографий. Как они попали в журнал?

Все началось два года тому назад. Я узнал, что в Челябинске живет парторг полка, в котором сражался Матросов. Зовут его Василий Васильевич Замахов, он теперь подполковник в отставке.

Вскоре мы встретились. Василий Васильевич рассказал мне, как в феврале 1943 года их дивизия встречала пополнение.

Молодые бойцы прошли форсированным маршем несколько десятков километров по глубокому снегу. Командиры боялись, что они обморозятся. Но солдаты выглядели молодцами. В головной колонне выделялся один крепыш. На его плечах висели два автомата, два вещмешка и гитара. Это был Матросов. Он взял на себя ношу бойца Ивана Козлова, ослабевшего в пути. За этот поступок Матросов получил от командования благодарность. Первую благодарность на фронте.

Вечером командир полка ходил по землянкам, смотрел, как устроилось пополнение. В одной землянке солдат, одетый в тельняшку, пел «Раскинулось море широко», аккомпанируя себе на гитаре.

— Почему в тельняшке? — спросил командир.

— Рядовой Матросов! — вскочил солдат и потише добавил: — Я, товарищ командир, после войны плавать буду. С тельняшкой и гитарой никогда не расстаюсь.

Саша Матросов в детском доме. Здесь ему двенадцать - тринадцать лет.

Василий Васильевич — он был тогда начальником клуба дивизии — попросил командира:

— Разрешите взять этого бойца в концертную бригаду.

Но боец тут же сделал шаг вперед и сказал:

— Не разрешайте, товарищ командир. Я драться хочу. А петь и на привалах можно.

Казалось бы, незаметные случаи. Но разве они не рисуют характер героя?

Я спросил, не сохранилось ли фотографий Саши.

— Фотографий Сашиных нет,— ответил Василий Васильевич.— Самый первый портрет сделан художником нашего клуба по памяти.

Друзья Матросова помогали художнику, а когда работа была закончена, портрет отправили в роту автоматчиков, где воевал Саша.

— Мы даже на представление к званию Героя карточку с того портрета переснимали,— сказал Замахов.— Потом размножили ее и вручали лучшим бойцам перед решающей атакой.

«А что, если все-таки поискать фотографии?» — подумалось мне. Я стал встречаться с товарищами Матросова. Одни знали Сашу в детстве, другие — по училищу, третьи — по войне. Каких только рассказов я не услышал! И в каждом из них Саша вставал человеком смелым, искренним, решительным и прямым.

Бывшая учительница колонии, где воспитывался Матросов, вспоминает, как Саша-дежурный задержал ее с охапкой дров.

— Вы уж извините, но так нельзя!

В тот же день он записал опоздавшего из увольнения воспитанника Абдурахманова. Тот долго дулся на Сашу. А однажды Абдурахманов чуть не утонул в реке Уфимке. Спас его Матросов.

Обижались на Сашу и другие воспитанники, пока наконец не поняли: иначе он не может. Он стал как бы совестью всей колонии, образцом справедливости. И уже никто не удивился, когда Лиду Курганову, с которой Саша дружил, вызвали за проступок на комиссию, где Матросов был председателем.

— Не юли, Лида. Сознайся, что была неправа,— требовал Саша.

Да, это тоже мужество — быть всегда прямым, принципиальным.

В Уральском военном округе служит майор Иван Сергеевич Токарев. Он был в пехотном училище и на фронте вместе с Александром Матросовым. Вместе они и в комсомол вступали. Вместе сражались в том последнем бою за деревню Чернушки.

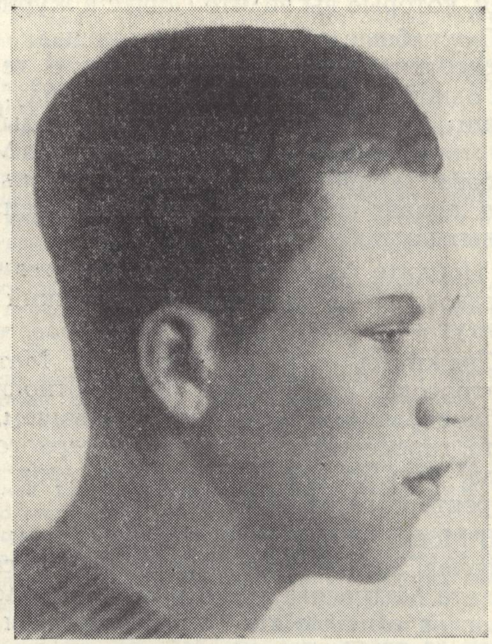
Когда деревня была уже взята, комбат послал Токарева на поле боя собрать комсомольские билеты убитых.

Именно Токарев снял тело Матросова с дзота, выкопал могилу и, завернув друга в плащ-палатку, похоронил его в земле, за которую Саша отдал свою жизнь.

— Вы уж так и пишите,— говорил поседевший майор.— А то иногда читаю, что у того проклятого дзота был митинг над телом героя. Нет, был бой. Тяжелый, долгий. Умирали десятки бойцов. Мы находились в мешке. Отойти назад, обойти противника нельзя. Он только и ждал этого, чтобы потопить нас в Ловати. Поэтому, когда Саша бросился на амбразуру и заглушил пулемет, все кинулись вперед. Врага надо было смять, не дать ему опомниться. Не до митингов было...

Иван Сергеевич помолчал.

— В бумажнике Саши снимков не на-

А этот снимок сделан на несколько лет позже.

шлось,— сказал он немного погодя.— Комсомольский билет был без фотографии. Вообще я не помню, чтобы он фотографировался в армии. А мы с первого дня службы были вместе.

Значит, мне оставалось искать только доармейские снимки.

В Уфе я нашел тетю Таню — сестру матери Александра Матросова. Ей Саша писал письмо перед последним боем. Она рассказала, что отец Саши, Матвей Матросов, убит кулаками и нэпманами в 1924 году в Днепропетровске. А фотографировался Саша, как ей помнится, дважды (не любил очень). Один снимок должен быть

в колонии. Еще три, что сделаны для паспорта, были у нее. Но один из них увезла Лида Курганова, другой взял художник Сергеев, а третий сгорел, когда на квартире тети Тани случился пожар.

Сергеева мне удалось разыскать в городе Симе, Челябинской области. Да, он рисовал портрет Александра Матросова с фотографии. К тому же знал Сашу, был его учителем живописи в колонии. Но самой фотографии у Сергеева не сохранилось. Ведь над портретом он работал давно, двадцать три года назад!

И вот я снова в колонии имени Александра Матросова. Здесь бережно собраны документы о Саше. И среди них — фотографии, которые вы видите сейчас в журнале.

Служебные обязанности помешали мне продолжить поиски документов о герое. Да одному человеку это и не под силу. И я решил обратиться, ребята, к вам. Разыщите людей, которые знали Александра Матросова, запишите их рассказы. Жизнь героя, подвиг его хранят еще много неизвестных подробностей.

Найдите Лиду Курганову. Говорят, она воевала, затем окончила медицинский институт.

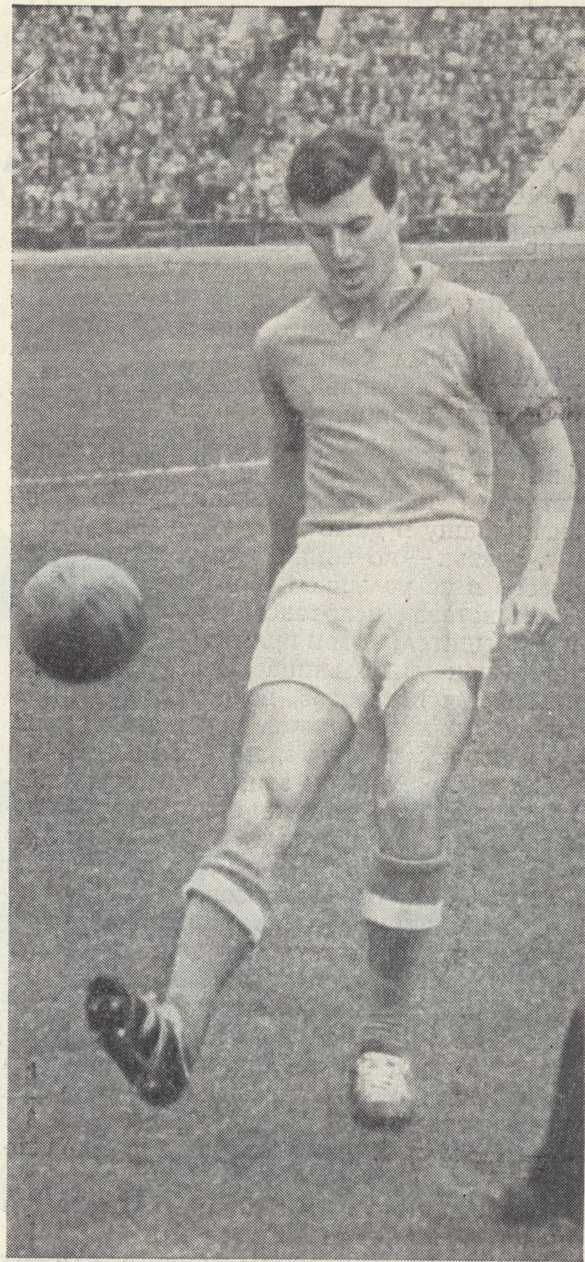
Свяжитесь с теми, кто знал Матвея Матросова. Это прежде всего относится к пионерам Днепропетровска. В вашем, ребята, городе живут ветераны сахарного завода. Есть сведения, что отец героя был директором этого завода.

В Москве живет майор запаса Иван Ноздрачев. Это он написал на комсомольском билете Матросова известные всем слова: «Лег на огневую точку противника и заглушил ее. Проявил геройство».

Недавно солдат Мухарямов сообщил мне, что в Башкирской АССР, в деревне Грем-ключ, живет друг Матросова (фамилии его Мухарямов не помнит), у которого есть рисунки Саши и даже автопортрет. Интересно? Очень! Пионеры Башкирии, побывайте там!

И еще один факт. С первого дня войны Матросов завел альбом. Он вырезал из газет снимки героев и вклеивал их туда. Уходя в армию, он подарил альбом младшим воспитанникам. На первых листах были фотографии Зои Космодемьянской и Виктора Талалихина. Получилось так, что на последнюю страницу воспитанники вклеили портрет Саши...

В. КИРЬЯЗОВ

КЛУБ ФОРВАРДОВ

КЛУБ ФОРВАРДОВ

Здесь перед вами дверь в клуб форвардов. Она открыта с этого номера журнала. Кто может войти в нее? Каждый мальчишка, который любит футбол.

В ком из ребят не живет мечта стать нападающим? Хорошим нападающим! Быстрым, техничным, результативным форвардом. Бомбардиром! Само слово «форвард» означает «вперед». Есть ли лучший девиз для мальчишки, одержимого стремлением принести победу своей команде, забить гол?

Вот мы и будем в нашем клубе учиться, как забивать голы. Не думайте, что это просто! Для того, чтобы метко и точно нанести решающий удар, гол, надо овладеть многими футбольными премудростями.

Ну, что ж, вам есть у кого учиться! Вашими тренерами будут заслуженные мастера спорта Всеволод Бобров, Никита Симонян, Алексей Хомич, Александр Пономарев, Анатолий Ильин; своими секретами с вами поделятся самые известные форварды мира — Пеле́ и Эйсебио, Лоу и Аспарухов, Копа и Маццола, Бесков и Чарльтон.

Редакция ждет ваших писем — ваших вопросов, ваших советов, пожеланий: каким должен быть клуб форвардов, что хотели бы вы узнать от своих замечательных наставников, чему научиться...

Возьмите мяч в товарищи и — вперед!

А теперь—слово председателю клуба заслуженному мастеру спорта ВСЕВОЛОДУ БОБРОВУ

В добрый час, ребята! И в нелегкий путь. Я согласился быть председателем клуба, надеясь, что вы не подведете нас, старую гвардию. Наш клуб рассчитан на тех, для кого не хватило футбольных секций и школ. Вы будете заниматься самостоятельно, а мы заочно будем руководить вашими занятиями.

Футбол — игра коллективная, и потому лучше собрать ребят с одного двора, с одной улицы, из одного пионерского отряда или звена. А если вас только двое, но у вас есть мяч, не горюйте: двое — тоже коллектив. Подыщите постоянное место для тренировок, чтобы вы никому не мешали и вам никто не мешал. Не обязательно это должен быть стадион — подойдет и зеленая лужайка, и пустырь за домом, и тихий угол двора где-нибудь у забора. Забор может иной раз заменить партнера. Договоримся: тренироваться не более трех-четырех раз в неделю. Если тренироваться до одури, вы никогда не постигнете всех секретов мастерства нападающего. Это вам серьезный совет на первый раз.

Первую тренировку проводит заслуженный мастер спорта АЛЕКСАНДР ПОНОМАРЕВ

Я счастливчик. Не всем мальчишкам в детстве улыбалось футбольное счастье, как мне. Начать с того, что родился я в спортивной семье. Отец увлекался популярнейшим тогда гиревым спортом, занимался, для себя, гимнастикой, а главное, был страстным болельщиком да к тому же возглавлял бюро футбольной секции в Горловке, где мы тогда жили. Мне исполнилось шесть лет, когда он впервые повел меня на футбол. Игра эта оставила след в памяти на всю жизнь. Даже сейчас помню: играла наша сборная металлистов с рабочей командой из Германии. Я навсегда заболел футболом. Эта любовь не остыла и посейчас, а мне скоро пятьдесят.

На нашей улице подобрались очень дружные мальчишки. Мы живо сбили команду, приобрели (не без помощи отца) мяч и стали играть с другими уличными командами: с «Треугольником» (ребята этой команды жили в квартале, дома которого располагались треугольником), с командой мальчишек из кирпичных домов, со школой № 2.

Пустырь метров 60 на 40 мы превратили в удобную площадку. Вот только учить нас было некому. И тут помог случай. В нашем доме поселился Валя Ливинцев, старший брат которого, Леонид, играл в первой команде машиностроительного. Это был популярный футболист очень сильной команды. Он охотно взялся помогать нам. Теперь мы уже не просто гоняли мяч. Мы отрабатывали удары по мячу, учились правильно его останавливать. Глухая цементная стена старой кузницы служила нам отличной «стенкой».

Леонид придумывал занимательные игры-соревнования. Вот, например, одна из них. Кирпичами размечали кряду шесть ворот, в них становилось шесть вратарей, а я, скажем, должен был вывести их из игры. Для этого в каждые ворота надо было забить по три мяча, причем если я бил по неподвижному мячу, гол не засчитывался. Представляете, какая это была тренировка точности и силы ударов, и ловкости, и воли!

Сознательные тренировки дали свои плоды. Году в 1932 нашу «дикую» команду приняли в клуб машиностроительного завода, который носит теперь имя С. М. Кирова. Нам дали форму и даже настоящие бутсы, а в то время о бутсах мальчишки только мечтали. С нами занимался опытный инструктор, окончивший ленинградский институт. Он дал нам разностороннюю подготовку — мы бегали, прыгали, играли в волейбол, теннис, ручной мяч, занимались гимнастикой. Я в то время был пареньком довольно-таки хлипким, и все это ой как помогло мне! Но в беки (так называли тогда защитников) я не годился да и мечтал о другом. Во мне жила неуемная жажда забивать голы, поэтому в команде я определился сразу—играл в нападении. А занятия разными видами спорта помогли стать быстрым и ловким.

Был со мной такой случай. В игре на первенство города я, вместо того чтобы передать мяч товарищу, который находился в очень выгодной позиции,

КЛУБ ФОРВАРДОВ

ударил сам по воротам под острым углом. (Не удержался — очень уж ладно пришелся мяч на ногу!). Удар получился хороший, но вратарь без труда отбил мяч. И мы проиграли эту встречу со счетом 1 : 0. Я напустился на товарищей с упреками, а Леонид Ливинцев очень тихо, но веско сказал: «Зря ругаешься — игру ведь проиграл ты...» Я смолк. А много лет спустя неожиданно вспомнил этот случай вот при каких обстоятельствах.

Играл я тогда уже в московском «Торпедо». Шел матч на Кубок СССР с командой ЦДКА. Выскочил я на ворота, передо мной — только вратарь Никаноров. Ситуация была точно такая же, как в той давней игре. «Угол острый, возьмет Никаноров...» — подумал я и откинул мяч влево набегавшему Василию Жаркову, который легко забил гол. Мы выиграли — 1 : 0. Я сперва и не очень-то большое значение придал происшедшему, только удивлялся, как это вдруг в игре вспомнилось такое давнее. Но когда на следующий день все газеты дружно похвалили меня за этот пас и писали, что он принес нам победу, я окончательно понял: футбол — игра коллективная, злоупотреблять индивидуальной игрой в нем нельзя, один в поле не воин.

Не сразу и не все в детстве было гладко. Сильный и точный удар пришел не вдруг. Опять помог случай. Впрочем, этот «случай» имел имя и фамилию. Однако расскажу по порядку. Меня уже приняли (едва исполнилось 17 лет) в команду мастеров сталинградского «Трактора». Мы готовились к спартакиаде Поволжья, было это на весеннем сборе в Батуми, кажется, в 1936 году. На стадионе «Динамо» я отрабатывал удар у «стенки». Подходит ко мне здоровенный дяденька (я даже испугался) и говорит: «Ты не так бьешь, у тебя удар идет от колена, а бедро не работает, ты замах бедром не делаешь, давай покажу...» И показал. Это были удары! А на следующий день я увидел его на тренировке. «Это же Михаил Бутусов!» — сказали мне. Бутусовские удары я освоил.

У другого футболиста — знаменитого в Донбассе Григория Гунаса — я научился трудному удару с носка, «пыром», как его называют. Тут самое главное — нанести удар носком в самую середину мяча, ну максимум на сантиметр выше или ниже. Тогда мяч полетит правильно и сильно. Сперва я ставил мяч и с места несильно учился попадать носком в нужную точку, потом отходил все дальше, разбегался под углом. Потом бил по уходящему мячу, по катящемуся навстречу, сбоку. Теперь я могу точно пробить «пыром» даже по быстро летящему мячу, но на то, чтобы научиться этому, у меня уходили часы.

Каждому, кто хочет стать хорошим мастером, могу посоветовать только одно: будьте настойчивы, закаляйте волю. Не идет — скажите: а вот все равно добьюсь!

Все мальчишки грешат тем, что стараются бить по мячу одной ногой, сильнейшей. В нынешнем футболе «одноногому» футболисту делать нечего. Современный футбол требует, чтобы у игрока были сильны обе ноги и в ударе, и в остановках мяча, и в передаче. Не бойтесь, если кто-то будет подтрунивать или даже смеяться, когда не сразу получится удар левой ногой.

На тренировке (это вам мое домашнее задание, для самостоятельной работы) пробуйте бить правой и левой, скажем, по 60 раз. По 20 раз — с носка, по 20 раз — подъемом, столько же внутренней стороной стопы, или, как говорят, «щечкой».

Чтобы стать ловким и обращаться с мячом на «ты», учитесь жонглировать им: подбивать его ногой (правой и левой), головой, грудью, плечами, бедром. Научитесь делать это для начала пять раз правой ногой, по три раза головой, по стольку же левой ногой. Это вам на первый месяц. Желаю успехов!

Репортаж ведет... Хоттабыч

Мы долго колебались, кого из героев ваших любимых книг пригласить сотрудничать в нашем отделе. Сначала вопрос стоял об Иванушке-дурачке, однако оказалось, что он имеет обыкновение все мячи посылать в небо, за жар-птицей.

Отпала кандидатура и бабы-яги. Она регулярно прибегала к неспортивным приемам, поворачивая ворота задом наперед.

Перебрав еще с десяток кандидатов, мы вспомнили про старого джина Гассана Абдуррахмана ибн-Хоттаба. Во-первых, Хоттабыч — большой любитель футбола. Помните, он даже принял участие (правда, несколько своеобразное) в известном футбольном матче «Шайба» — «Зубило»? Во-вторых, Хоттабыч — пенсионер, у него много свободного времени, и он, конечно, не откажется поделиться с юными футболистами своим опытом. В-третьих...

Впрочем, решили мы, первых двух причин совершенно достаточно. Долго уговаривать старика не пришлось. Гассан Хоттабович сразу согласился регулярно выступать в клубе форвардов.

Итак, у нас в гостях старик Хоттабыч. Предоставляем ему слово.

ПОЧЕМУ ПРОИГРАЛИ ДЖИНЫ?

О мои юные друзья, ворота моей души! Известно ли вам, как я, несчастный, в гордыне своей решил создать футбольную команду из джинов? И вызвали мы на соревнование команду Волькиного двора. И было это соревнование очень трудным для меня, ибо все джины бросились сразу в нападение, как будто их только что выпустили из кувшинов, и ни

один из них не хотел быть в защите или стоять в воротах. И пришлось мне одного из джинов загнать обратно в кувшин и положить этот кувшин перед нашими воротами. И когда один из нападающих Волькиной команды ударил по воротам, кувшин подпрыгнул и отбил мяч. И в другой раз кувшин снова подскочил и опять отразил угрозу. Но в третий раз ударил сам Волька (он одним из первых записался в школу юных форвардов и выполнял все советы заслуженных джинов спорта), удар был такой силы, что кувшин разлетелся вдребезги. И джин, выскочивший из кувшина, моментально помчался в атаку, оставив ворота пустыми. И проиграли мы эту встречу с позорным счетом 0 : 11.

О одиннадцатиметровый удар моего сердца, — сказал я Вольке после игры, — скажи мне, почему так получилось? Ведь каждый из моих джинов обладает высокой техникой. Почему же они не могли забить вам ни одного мяча?

— Это очень просто, — объяснил мне Волька. — Эти твои джины играли каждый за себя и даже друг у друга мяч отнимали, чтобы только забить гол. Пасовать нужно. Разве ж так играют: кто в лес, кто по дрова!

— Какой лес? — рассердился я. — Значит, вместо игры эти неверные ходили за какими-то дровами?! Но скажи прежде: зачем им эти дрова и много ли они их наломали?

— Очень много, — засмеялся Волька.

Я не стал обижаться на Вольку за его смех, но про себя подумал, что в следующий раз я всех джинов заранее посажу сразу по двое или по трое. Пусть привыкают к коллективной игре.

Записали В. и М. Кашаевы.

ЭТО НАДО УМЕТЬ

Кто это? Прыгун в воду или цирковой гимнаст? Это правый крайний нападения киевского «Динамо» Олег Базилевич. Теперь он играет в одесском «Черноморце». Вот в таком великолепном прыжке, которому позавидует любой акробат, Олег Базилевич забил гол (головой!) московскому «Спартаку» два года назад. Этот гол был отмечен призом газеты «Московский комсомолец» как самый красивый гол сезона на московских стадионах.

7 чемпионатов — 4 чемпиона

Первый чемпионат мира по футболу был проведен в 1930 году в Уругвае. Футболисты этой маленькой южноамериканской страны дважды — в 1924 и 1928 годах — выигрывали олимпийское первенство. В 1930 году страна праздновала столетие независимости. Поэтому Уругваю и поручили организацию первого чемпионата мира.

Большинство европейских стран испугалось огромных расходов, необходимых для поездки в Монтевидео. Европу представляли на чемпионате мира только Франция, Югославия, Румыния и Бельгия.

13 июля 1930 года матчем Франция — Мексика открылся первый всемирный турнир футболистов. А 30 июля футбольный мир чествовал первого чемпиона. Им стала команда Уругвая.

Любопытно, что на чемпионате мира 1966 года, который скоро начнется в Англии, французы по жребию проведут свой первый матч 13 июля с мексиканцами, а чемпион мира снова определится 30 июля.

На второй чемпионат мира, проходивший в 1934 году в Италии, уругвайцы не поехали.

Успех снова сопутствовал хозяевам чемпионата: первенство выиграли футболисты Италии. На финальный матч Италия — Чехословакия команды вывели на поле вратари. Капитанами сборных были знаменитый чехословацкий голкипер Планичка и итальянец Комби. Лишь в дополнительное время хозяева поля забили решающий, победив со счетом 2 : 1.

Третье первенство мира было проведено в 1938 году во Франции. Что же, снова решающую роль сыграют «родные стены» и чемпионами мира станут французы? Нет, в полуфинале они уступили итальянцам. А в решающем матче с командой Венгрии итальянцы отстояли свой титул, выиграв со счетом 4 : 2.

Четвертый чемпионат мира проходил в 1950 году в Бразилии. И неистовые болельщики Рио-де-Жанейро, переполнившие трибуны двухсоттысячного стадиона «Маракана», были уверены в победе своей команды в решающем матче с Уругваем.

Но победил Уругвай.

В пятом чемпионате мира, устроенном в 1954 году в Швейцарии, к финалу триумфально шествовали венгры. В финале им предстояла встреча с командой ФРГ, которую венгерские футболисты разгромили в предварительных играх со счетом 8 : 3.

Забив в первом тайме два «сухих» мяча, венгры в перерыве финального матча уже принимали поздравления. Но... во втором тайме соперники забили им один за другим три безответных мяча. Первенство мира досталось команде ФРГ.

В шестом чемпионате мира, проходившем в 1958 году в Швеции, дебютировала сборная команда Советского Союза. Ей удалось дойти до четвертьфинала.

Чемпионами мира стали великолепно выступившие футболисты Бразилии, впервые продемонстрировавшие прогрессивную систему игры с четырьмя защитниками.

Отлично сыграл на чемпионате мира советский полузащитник Юрий Войнов, который вошел в символическую сборную мира, составленную форумом специалистов после окончания турнира.

Седьмой чемпионат мира, проведенный в 1962 году в Чили, стал в какой-то мере повторением пройденного. Снова советская команда в четвертьфинальном матче проиграла хозяевам поля. Снова чемпионами мира стали бразильцы. На сей раз в финале они выиграли у сборной Чехословакии со счетом 3 : 1.

Семь чемпионатов — четыре чемпиона. А после восьмого турнира объявится пятый победитель. Или золотая богиня после недавних потрясений отправится в путь по уже известному маршруту? Подождем до 30 июля — узнаем.

Турнир знатоков

1. Более шестидесяти официальных матчей сыграл за сборную СССР прославленный вратарь Лев Яшин. А знаете ли вы, какой из этих матчей был первым в его футбольной биографии? Когда и где это было? Этот матч наша сборная выиграла с крупным счетом. Кто был ее соперником и кто забил голы?

2. В одном из матчей первенства СССР по футболу 1940 года было забито 13 мячей. Причем обе команды отличились умением распечатывать ворота. Какой это матч и с каким счетом он закончился?

3. Как должен поступить судья, если мяч от его ноги случайно влетит в чьи-либо ворота?

4. Вратарь выбивает мяч в поле. Нападающий команды соперников стоит на линии штрафной площадки ближе всех к воротам, то есть в офсайде. Он перехватывает мячи и забивает гол. Что бы вы сделали на месте судьи? Припомните похожий случай, который произошел недавно в одном из матчей нашей сборной. Что это за матч и кто забил мяч в ворота соперников?

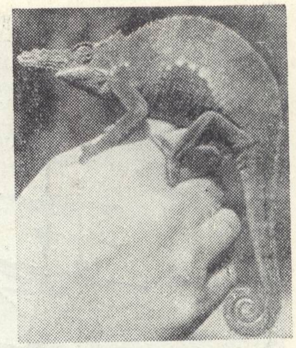
ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО

Дорогой «Пионер»! Напиши, пожалуйста, каким образом хамелеон меняет свой цвет?

Люда Бакланская,
Озерский с/с,
Новосибирская область.

Секрет хамелеона

Секрет удивительной окраски хамелеона — в устройстве его кожи. Под тонким, почти прозрачным верхним слоем кожи у него находятся особые клетки, хроматофоры. Они устроены очень интересно: внутри каждой клетки — пигментные пятнышки, которые и дают окраску. А пленка, окружающая пигмент, непрозрачная. Она может сокращаться и раздвигаться, закрывать красочное пятно и открывать его. В естественных условиях хамелеоны зеленовато-бурые, под цвет листьев. При возбуждении они темнеют, некоторые виды покрываются по бокам ярко-розовыми пятнами. А если очень сильно раздражены чем-то,— становятся почти черными. Зато спящие хамелеоны мертвенно-бледны.

С. ОШАНИН

Правда ли это, что наша Земля с каждым веком становится все теплее, то есть климат на ней все улучшается? Если правда, то почему?

Евгений Громов,
Кожановская школа,
Брянская область.

Теплеет ли на Земле

Ты спрашиваешь, дорогой Женя, изменяется ли на Земле климат. Давай разберемся. Дело в том, что не всякое изменение погоды означает перемену климата. Бывает даже наоборот: погода меняется очень часто и резко, а климат считается сравнительно постоянным.

Чтобы заметить изменение самого климата, надо проследить, как менялась погода за тысячи и сотни тысяч лет — в промежутки времени, равные геологическим эпохам.

Около миллиона лет тому назад на Земле было несколько ледниковых и межледниковых эпох. Советский ученый академик Берг считает, что последнее оледенение окончилось в Европе около десяти тысяч лет назад. Льды отступили в Арктику, переместилась ближе к северу граница вечной мерзлоты, и с тех пор климат менялся очень незначительно.

Заметное потепление в Арктике и на всем Европейском континенте началось с 1915—1920 годов и продолжалось до 1939 года. В арктических морях поредели льды. Морские суда и ледоколы стали проникать значительно дальше на север. Сейчас это потепление приостановилось, но средняя температура за последние десять лет все же выше нормы. До сих пор неизвестны истинные причины этих явлений, но все больше укрепляется мнение, что дело здесь в изменении солнечного излучения.

Л. МИНИНА,
старший научный сотрудник
Центрального института прогнозов

Дорогая редакция «Пионера»!

Недавно мы ходили в лес. Мы видели там осину. Ее листья все время колыхались, как будто дрожали, но в это время ветра не было.

Ответьте, пожалуйста, почему дрожат листья осины даже в безветренную погоду?

Эмма Кролова,
г. Москва.

Как осиновый лист

Полного безветрия в природе не бывает. Возьми, например, пушинку от одуванчика или какого-нибудь другого цветка и выпусти ее из пальцев в лесу рядом с осинкой. Она начнет опускаться, но не по прямой, как было бы при полном безветрии, а легко кружась в воздухе. Если мы не чувствуем сильных порывов ветра,— это еще не значит, что воздух неподвижен. Снизу вверх, например, поднимается нагретый воздух — образуются восходящие и боковые потоки воздуха. А у осинки и лист особый, с очень длинным тонким черешком и большой пластинкой,— он и отзывается на малейшее колебание воздуха.

В. БОРИСОВ

Операция «Черная гевея»

В. АЗЕРНИКОВ

История каучука — это история случайных находок и неслучайных потерь, легкомысленных авантюр и настойчивых поисков.

Эта история могла бы начаться еще в 1493 году, после второго путешествия знаменитого генуэзского мореплавателя Христофора Колумба. На острове Гаити он видел, как туземцы играли в мяч, сделанный из какой-то упругой древесной смолы. Он не знал, что это вещество через четыреста лет станет одним из самых необходимых. Он привез его в Европу, предоставив решать его судьбу испанскому королевскому двору. Но новый удивительный материал не заинтересовал алчных вельмож: им нужно было только золото и драгоценности; и открытие каучука не состоялось.

Эта история могла бы начаться в 1533 году, после экспедиции в Перу испанского завоевателя Франциско Писарро. Жалкие остатки отряда под командой его помощника Орельяны вновь привезли в числе заморских трофеев образцы и описание каучука, но придворные алхимики похоронили его в недрах Мадридского архива.

Открытие каучука европейцами состоялось лишь в 1735 году, после возвращения из Южной Америки французского путешественника, ученого-математика и астронома Шарля Мари де ля Кондамина.

Он был настоящий ученый, а не жадный завоеватель, и он оказался прозорливее своих предшественников. Он привез в Европу образцы каучука и сделал все от него зависящее, чтобы заинтересовать новым, необычным веществом французских химиков.

И уже вскоре каучук стал важнейшим материалом. Его добывали в диких лесах Южной Америки из коры тропического дерева — гевеи. Древесный сок сгущали, и желтые упругие караваи везли через океан в Европу на резиновые заводы, где каучук превращался в десятки изделий...

Но еще немало драматических событий произошло в его истории. С одним из наиболее драматических я и познакомлю вас в этом номере.

Начну я свой рассказ с детали, которая вроде бы не имеет никакой зримой связи со всеми дальнейшими событиями. Я приведу отрывок из справочной таблицы. Она показывает потребление каучука во всем мире в разные годы. Вы, наверное, поморщитесь: таблицы, сухие цифры,— что они могут рассказать?

Очень многое.

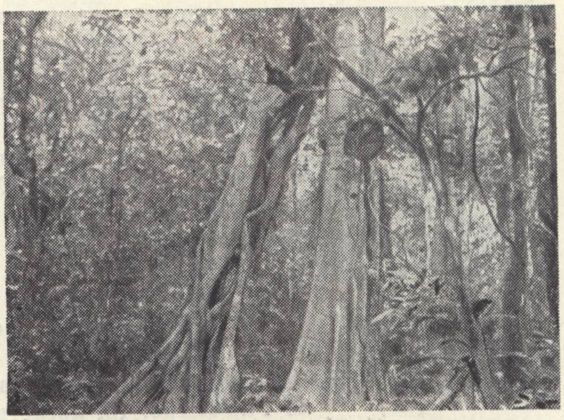
Только для этого надо суметь включить свое воображение. И тогда за цифрами статистических отчетов можно рассмотреть судьбы целых государств, тайные пружины политики, причины войн.

Вот смотрите. Я списываю из старого справочника. Потребление каучука: 1827 год — 3 тонны, 1840-й — 370 тонн, 1870-й — 3 600 тонн, 1890-й — 13 тысяч тонн, 1900-й — 53 890 тонн, 1913-й — 108 440 тонн. И еще: средняя годовая добыча бразильского каучука — 30—40 тысяч тонн.

Давайте попробуем расшифровать эти строки. Проведем дедуктивный анализ, как это делал Шерлок Холмс. Что можно сказать, сравнивая эти цифры?

Прежде всего то, что до конца 20-х годов прошлого века резиновой промышленности как таковой не существовало. Три тонны — это не промышленность.

Второе. С начала 40-х годов выпуск изделий из каучука резко возрастает. Значит, должно было произойти какое-то событие, подхлестнувшее инициативу промышленников. Это было открытие вулканизации, с помощью которой нестойкий к жаре и холоду каучук превращался в упругую и прочную резину.

Тропические леса Бразилии... Здесь растет это удивительное дерево — бразильская гевея.

И третье. Начиная с конца 19-го века потребление каучука превышает его добычу в лесах Южной Америки. Следовательно, в это время должен был появиться какой-то новый источник каучука. И действительно, именно в это время начинают разводить каучук искусственно...

В 1861 году Лесное управление Голландии заложило первую в мире плантацию каучука на западной части острова Ява. Были посеяны саженцы одной из разновидностей фикуса, способного давать каучуковый латекс. Но это растение намного уступало бразильской гевее, и проблема с повестки дня не снялась.

Гевея

Вскоре мировой каучуковый рынок начинает лихорадить. Южноамериканские компании мобилизуют все средства, все дальше уходят в джунгли сборщики каучука, но положение не улучшается. Наоборот, появляется новая опасность — опасность истребления бразильской гевеи.

Наконец спохватывается и английское правительство. В 1870 году вопрос выносят на заседание парламента. Обсудив его, парламент поручает генеральному консулу в Рио-де-Жанейро договориться с правительством Бразилии о вывозе семян гевеи.

Но поздно.

Правительство Бразилии издает закон, запрещающий вывоз семян и саженцев гевеи. Нарушителей государственной монополии ожидает длительное тюремное заключение.

Бразильские власти прекрасно понимают, что Англия не смирится с отказом. Она будет пытаться всеми правдами и неправдами, вернее, теперь уже только неправдами, вырвать из рук Бразилии монополию на каучук.

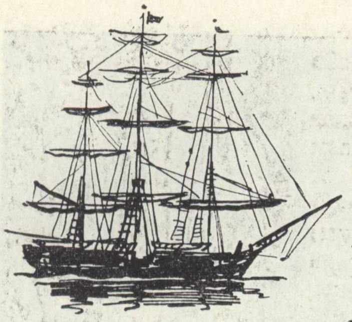
В таможни направляют войска. Каждое английское судно перед уходом из Бразилии тщательно обыскивают. Ни один трюм, ни один мешок не остаются без досмотра.

Английские капитаны возмущены. Но приказ есть приказ. И они вынуждены открывать все двери перед таможенными чиновниками, развязывать для них все тюки, отдавать на анализ любые зерна, мало-мальски похожие на семена гевеи.

Англия не на шутку обеспокоена.

Когда семена можно было свободно вывозить и когда они практически ничего не стоили, они никого не интересовали. Теперь, когда они стоят свободы, за них готовы уплатить любые деньги.

В частности, готова рискнуть Ливерпульская торговая палата. Условия такие: человек, оценивший свою жизнь в фунтах стерлингов, должен доставить семена в любой порт Англии. Остальное не его забота.

остальное забота сэра Джозефа Хукера.

Хукер — директор знаменитого Ботанического сада в Кью, близ Лондона. Он согласен предоставить под семена гевеи лучшую теплицу, согласен сопровождать саженцы в южноазиатские колонии Великобритании. Все продумано до деталей.

Нет только одного — самих семян.

И Джозеф Хукер ищет человека, готового послужить во славу Англии.

В 1873 году он находит его — первого.

Знаменитый охотник Джон Форрис, объездивший весь мир, согласен рискнуть. Ему предстоит необычная охота. Он привык к поединку с хищниками, теперь его противником будет бразильская таможенная служба.

Форрис прибывает в Бразилию. Его путь — вверх по Амазонке, потом по Рио-Негро. На лесистых берегах он собирает семена гевеи и укладывает их вместе с землей в железные банки. Когда собрано пять тысяч семян, Форрис поворачивает обратно.

Остается самое главное. Таможня.

Форрис решает испытать судьбу в ближайшей же гавани — Манаусе, на слиянии Рио-Негро и Амазонки. Судьба оказывается к нему благосклонной. Ему дважды везет. Дважды он уходит от тюрьмы.

Ему удается обмануть таможенную охрану и пронести больше половины банок на английское судно. И еще ему удается замаскировать эти банки так, что их не могут найти чиновники, осматривающие корабль.

Пока судно плывет по Амазонке, Форрис напряжен: ему не верится, что все позади. И, даже когда вода за бортом теряет свою желтизну, когда судно выходит в экстерриториальные воды, Форрис долго еще не может выйти из своего состояния: он сжат, как стальная пружина.

Но надо действовать: впереди еще недели пути, океанский простор, частые смены температуры. А семена привыкли к тропической жаре.

И Форрис решает устроить тропики у себя в каюте.

Пассажиры изумлены: знаменитый охотник, оказывается, еще и большой чудак. В теплую погоду, когда так приятно впустить в иллюминаторы ласковый морской ветерок, он, как одержимый, топит свою каюту и, не переставая, таскает в нее воду. Один из пассажиров, пытавшийся под каким-то предлогом войти туда, самым невежливым образом выдворяется. Обиженный, он рассказывает в салоне, что сквозь приоткрытую дверь на него дохнуло как из бани. «Может быть, мистер Форрис собирается продавать билеты в свою баню?» — насмешливо вопрошает он.

Форрис молчит. Ему не до шуток. Он вел крупную игру. Он выиграл первый кон. Но игра еще не кончена. Ему еще надо доставить семена в Кью. Все семена.

Форрис пока не знает, что ставка в игре вновь повышена. В тот момент, когда он подплывает к белым берегам Англии, правительство Бразилии усиливает закон: отныне за одно-единственное семя — смертная казнь.

В Кью Форриса встречает Хукер. Он благодарит его от имени нации, от имени многих поколений англичан, которые будут пользоваться каучуковыми изделиями. Отныне Англия не будет зависеть от импорта каучука. Вскоре она будет иметь собственный. А мистер Форрис отныне не зависит от случайной удачи — в банке его ожидает круглая сумма денег.

Хукер говорит торжественно, подчеркивая всю значительность этого момента. Он и не подозревает, что эти слова сказаны напрасно и что вскоре ему придется вновь повторить их по точно такому же поводу...

Из трех тысяч семян, посаженных в теплицах Кью, взошли

лишь тринадцать. А из тринадцати в Калькутту не попало ни одно: все погибли в пути.

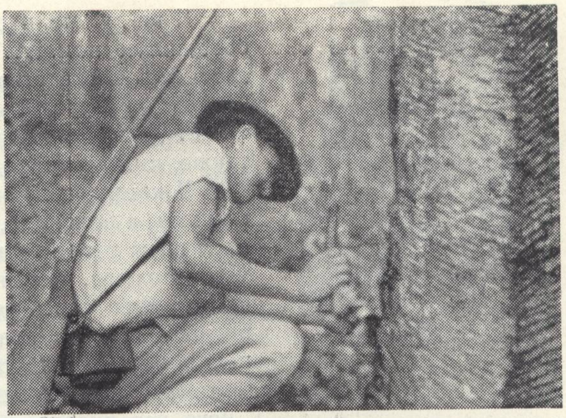
Путешествие Бразилия — Англия — Индия оказалось им не под силу.

Форрис напрасно рисковал жизнью.

Хукер зря приветствовал новую эру.

Ливерпульские толстосумы зря выбросили на ветер огромные деньги. Больше эта авантюра их не интересует. Пусть сэр Хукер поищет других простачков.

Что ж, Хукер и не собирается отступать. Не повезло один раз — повезет другой. Он научен горьким опытом и больше не повторит ошибки. Ему теперь нужен человек, который не только захочет рисковать своей жизнью, но который знает все сорта гевеи и сумеет выбрать из них самый устойчивый к перемене места жительства.

На стволе гевеи столько зарубок, сколько раз приходил к нему серингейро — добытчик каучука. Еще одна зарубка, и через пять часов чашечка наполнится белым соком. Снимок этот сделан недавно — с 19-го века мало что изменилось.

И Хукер садится писать письмо Генри Уикхэму.

Имя этого человека еще никому не известно. Да и сам Хукер знает о нем не так уж много. Он знает, что Генри родился на севере Англии, что в Бразилии живет уже пять лет и имеет собственную плантацию, что еще до того, как стать плантатором, он много путешествовал по Гондурасу и Бразилии. И даже когда он наконец осел в Сантарене — там, где Тапажос впадает в Амазонку,— даже и тогда страсть к лесоводству не раз влекла его в глубь бразильских джунглей. Хукер читал записки об этих путешествиях — они были напечатаны в Англии — и, когда прочел их, понял: вот человек, который ему нужен.

Вскоре из Сантарена приходит ответ. В весьма туманных выражениях — на тот случай, если письмо попадет в руки властей,— Генри Уикхэм дает понять, что он согласен послужить отечеству.

Остается уточнить детали. Доверять их почте слишком рискованно. Поэтому в Бразилию отправляется нарочный.

Он навещает Уикхэма в его поместье и сообщает условия. В том случае, если Уикхэм сумеет контрабандой вывезти из Бразилии семена гевеи и доставить их в Англию, его, Уикхэма, ожидает слава человека, рисковавшего жизнью ради интересов Великой Британии. И еще его ожидает, добавляет посланник, чек на десять тысяч фунтов стерлингов.

Уикхэм понимает, что, если он решится на это безумное предприятие — закон о смертной казни уже введен,— ему никогда не придется вернуться сюда. Все его труды по созданию замечательной плантации пропадут тогда впустую.

Однако и это предусмотрено Хукером: плантацию покупает Британское географическое общество.

Предусмотрен даже тот крайний случай, о котором Генри старается не думать. Если операция провалится и Уикхэм попадет в руки бразильских властей, он должен помнить, что действовал по собственной инициативе. Английское правительство никакого отношения к этому не имеет.

Хукер не сообщает, правда, что это последнее условие поставлено не им, а самим премьер-министром Дизраэли. Хукер, наоборот, надеялся, что Уикхэм в случае чего может рассчитывать на поддержку британской короны, но ему дали понять, что Англия всегда — во всяком случае, официально — уважала чужие законы и на этот раз не собирается оказывать поддержку человеку, попавшемуся с поличным. Вот если он не попадется, тогда другое дело: не пойман — не вор. Тогда он может рассчитывать на благодарность отечества.

Уикхэм еще раз взвешивает все «за» и «против». Собственно, «против» лишь одно — риск попасться в таможне. «За» — гораздо больше.

Я не думаю, чтобы Уикхэмом руководило только желание получить обещанную помощь. Он был вполне обеспечен, после смерти отца ему досталось наследство, да и плантация давала доход. Скорее всего он — человек образованный и знающий лесоводство — понимал, как много может дать его стране культивирование гевеи. Несомненно, он видел также, к чему приводит интенсивная добыча лесного каучука.

И когда он произносит: «Хорошо, я согласен»,— это ответ не авантюриста, а британца, понимающего всю необходимость такого рискованного шага и понимающего вместе с тем, что никто не имеет шансов на успех больше, чем он. Он знает джунгли, знает, где сейчас можно найти семена того сорта гевеи, который лучше других перенесет длительное путешествие; он знает, как выращивать гевею, какая нужна для нее почва, как ухаживать за ней. Наконец, он знает, что у него достаточно смелости и выдержки для проведения этой дерзкой операции.

У него нет ничего, кроме денег,— их прислали из Лондона с разрешением не скупиться. Несомненно, они пригодятся, но пока этого мало. Пока что надо ехать вверх по Тапажосу, туда, где во время одного из путешествий он видел черную гевею. Но что делать с семенами? Как их переправить в Англию? Открыть карты капитану какого-нибудь судна? Но он наверняка не согласится: кому охота рисковать своей головой... Скрыть, что в мешках? Тогда не удастся спрятать их на корабле...

Но Уикхэм — счастливчик. Не иначе он родился в рубашке. Как только он столкнулся с первой трудностью, на помощь ему пришел случай.

В одном из кабачков Сантарена он узнает, что в порту стоит небольшое английское судно «Амазонка». Стоит потому, что не обеспечено грузом для обратного рейса. Его капитан шестой день пьет виски и шестой день на чем свет стоит ругает судьбу, затащившую его в эту дыру.

Уикхэм знакомится с капитаном Вильсоном. Правда, я не уверен, что его звали именно Вильсон: на этот счет в литературе я обнаружил расхождения. Автор немецкой книги называет его Вильсоном, автор английской — Мурреем. Будем считать, что его звали Вильсон, хотя, честно говоря, для истории каучука это не имеет никакого значения. Значение имеет лишь то, что Вильсон, или Муррей, если хотите, готов на что угодно, лишь бы найти приличного клиента.

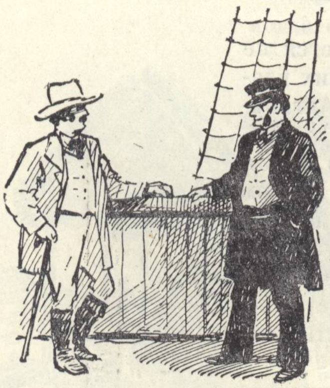
«На что угодно» — это еще не значит на то, что нужно Уикхэму. Когда Уикхэм признается, какой груз ему надо переправить в Англию, капитан, поеживаясь, потирает шею: он уже словно чувствует на ней веревку палача. Нет уж, десять мешков семян не стоят его головы.

А если за каждый мешок сверх обычной стоимости фрахта еще по сотне фунтов стерлингов — за риск? И по пятьдесят помощнику?

Вильсон прикидывает: это тысяча фунтов.

Что ж, в этом случае игра стоит свеч.

Сделка состоится. Сделка на перевозку десяти мешков семян, которых еще нет и в помине. Мешки еще шьются, а семена растут на деревьях. Как реальность они существуют лишь в воображении капитана и Уикхэма. Капитан не знает, что их нет; Уикхэм уверен, что они скоро будут.

И он назначает Вильсону встречу через две недели около одной из деревень выше по течению Тапажоса.

Две недели Уикхэму нужны, чтобы успеть собрать семена.

Через четырнадцать дней, каждый из которых мог стать его последним днем, Генри Уикхэм причаливает на своей лодке к борту «Амазонки».

На палубу поднимают десять туго набитых мешков. В них крупные, с голубиное яйцо, серо-желтые зерна. Они тщательно уложены и укутаны в мох.

Мешки опускают в трюм, прячут в самый дальний конец, заваливают мешками с кофе.

Вильсон отдает команду поднять якоря. Теперь осталось самое главное испытание — таможня Пары.

Пара — столица бразильского штата и мировая столица каучуковой торговой империи. Отсюда вывозится практически весь бразильский каучук. Он стекается по Амазонке и ее притокам, по реке Таконтинис со всей Бразилии. Здесь его перегружают на суда Англии, Португалии, США, Франции. Отсюда начинается его путь к потребителям всего мира.

Отсюда выходит на каучуковый рынок один из лучших бразильских сортов — каучук пара. Он назван так в честь штата и его столицы. Однако сам город в официальных документах называется не Пара, а Белен. Если вы посмотрите на карту Бразилии, вы найдете это название в ста двадцати километрах от Атлантического океана, на берегу реки Пара.

К этому городу в июне 1876 года подходит английское судно «Амазонка», зафрахтованное ливерпульской торговой палатой для перевозки кофе, бананов, орехов. В этом могут убедиться и офицеры бразильской таможни, прибывшие для осмотра судна.

Осмотр длится недолго.

Через некоторое время офицеры поднимаются из трюма на палубу. Уикхэм из каюты видит, как они вежливо козыряют капитану и сходят на берег. Внешне в таможенниках незаметно никакой перемены, но каждый из них стал богаче на сотню фунтов.

«Амазонка» выходит из порта.

Когда берег Бразилии становится почти невидим, десять мешков с очень странным сортом кофе — серо-желтым, пятнистым — переносят в натопленную каюту. Здесь им предстоит пролежать три недели. До того момента, когда «Амазонка» пришвартуется у причалов Темзы.

Джозеф Хукер лично прибывает встретить Уикхэма. Вернее, его груз. И, приветствуя его на британской земле, он вновь произносит те же слова, что три года назад, при встрече Форриса. Но теперь эти слова вещие. В истории каучука действительно наступила новая эра.

Семена, привезенные Уикхэмом, дали всходы в Кью. Три тысячи молодых саженцев стали готовить в дальнюю дорогу. Теперь им предстоит путешествие на Цейлон. Они поедут под надежной охраной того же Генри Уикхэма, нет, простите, уже не того же,— под охраной члена английского Королевского общества Уикхэма — человека, чьи заслуги перед Англией признаны несомненными.

Необычным пассажирам предоставлены лучшие каюты «Герцога Девонширского». О них заботятся так, словно это отпрыски королевской семьи. Что ж, в них вложено столько труда и риска, столько надежд и столько денег, что каждый из трех тысяч саженцев воистину кажется не зеленым, а золотым.

Еще три недели океанской качки, и «Герцог Девонширский» подходит к острову Цейлон — новой родине бразильской гевеи.

В глубине Цейлона в Ботаническом саду Уикхэм руководит акклиматизацией зеленых переселенцев. Вскоре он посылает Хукеру письмо: можете считать, что две тысячи саженцев получили «цейлонскую прописку».

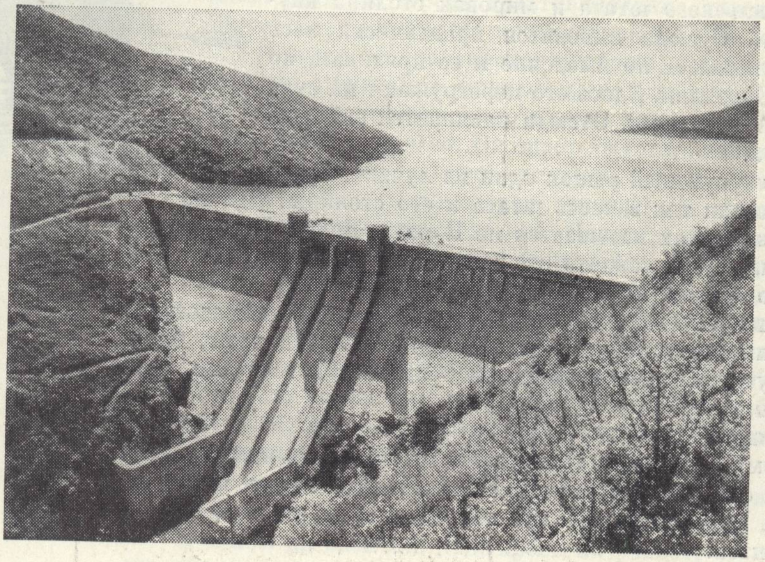

Эти две тысячи становятся родоначальниками огромной каучуковой плантации.

Разумеется, пока это еще только символ будущих сотен и тысяч тонн каучука, это первые ростки надежды на скорое освобождение от необходимости платить Бразилии золото за упругие янтарные кипы каучука. Но этой надежде суждено скоро сбыться.

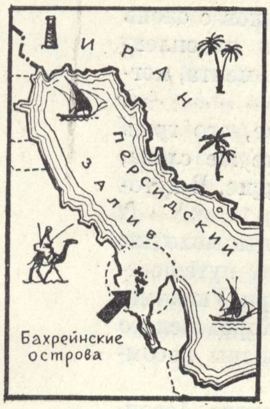
И тогда лишатся своей вековой монополии бразильские каучуковые магнаты, добывавшие богатства в глубине джунглей каторжным трудом индейских сборщиков.

КРУГОСВЕТКА

ТРУДОЛЮБИВЫЙ ИСКЫР

Перед вами самое крупное в Болгарии водохранилище и плотина на реке Искыр — правом притоке Дуная. Искыр усердно служит социалистическому хозяйству. На реке выросло несколько электростанций и систем оросительных каналов. Из ее хранилищ берет питьевую воду София. По живописному Искырскому ущелью проходят шоссейная и железная дороги, которые соединяют болгарскую столицу с Дунаем.

Где жил Синдбад-мореход

Вы помните сказку про удивительные приключения славного Синдбада-морехода? Жил этот Синдбад в Бахрейне — так называются маленькие арабские острова в Персидском заливе.

Они издавна славились жемчужным промыслом. Недавно датский археолог Глобе обнаружил в Бахрейне более двадцати древних поселений искателей жемчуга. Самому древнейшему из них — пятьдесят тысяч лет! Нашли мастерскую, где обрабатывались жемчужины. Стены мастерской были испещрены таинственными надписями. Археологи их расшифровали и узнали, что шесть тысяч лет назад на этом месте находился большой город. Судя по всему, очень крупный культурный центр той эпохи.

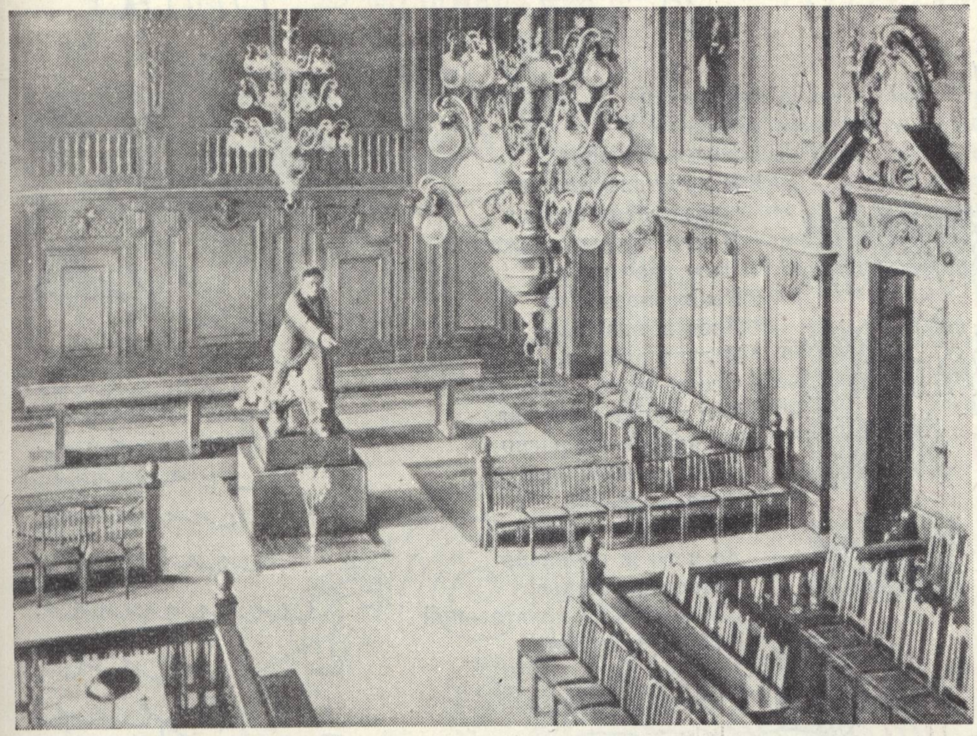
И лишь много столетий спустя, в легендарные Синдбадовы времена, здесь по пути в Европу стали останавливаться караваны купеческих судов, груженные пряностями и шелком...

В ГОРОДЕ ШЕКСПИРА

В английском городе Стратфорде, где родился Вильям Шекспир, много интересных, не совсем обычных памятников. Все они посвящены героям произведений драматурга. Вот так выглядит памятник Гамлету.

Музей Димитрова

Это было в 1933 году. Только что придя к власти, немецкие фашисты подожгли рейхстаг. В поджоге они обвинили коммунистов и устроили над ними в Лейпциге крикливый судебный процесс. Главным обвиняемым на процессе был арестованный гитлеровцами вождь болгарских коммунистов Георгий Димитров. Но когда Димитров поднялся на трибуну и во весь голос смело, гневно разоблачил провокации и преступления нацистов, гитлеровский суд провалился.

Протест рабочих всех стран, и особенно СССР, заставил фашистов освободить Димитрова. Сейчас в здании Лейпцигского суда, где 16 декабря 1933 года Георгий Димитров произнес свою знаменитую антифашистскую речь, открыт музей.

Дом в триста пятьдесят шесть этажей

Один немецкий архитектор придумал дом высотою в... километр с четвертью. У дома триста пятьдесят шесть этажей. На них расположатся двадцать пять тысяч жильцов, шестнадцать школ, два санатория, несколько гостиниц, стадионов с бассейнами, кинотеатров.

Тридцать шесть этажей займут одни магазины.

Главный транспорт в доме-городе — лифты: полторы тысячи обычных, семьдесят два скоростных с остановками через двадцать этажей и два сверхскоростных, за три минуты пролетающих сразу до самого верха.

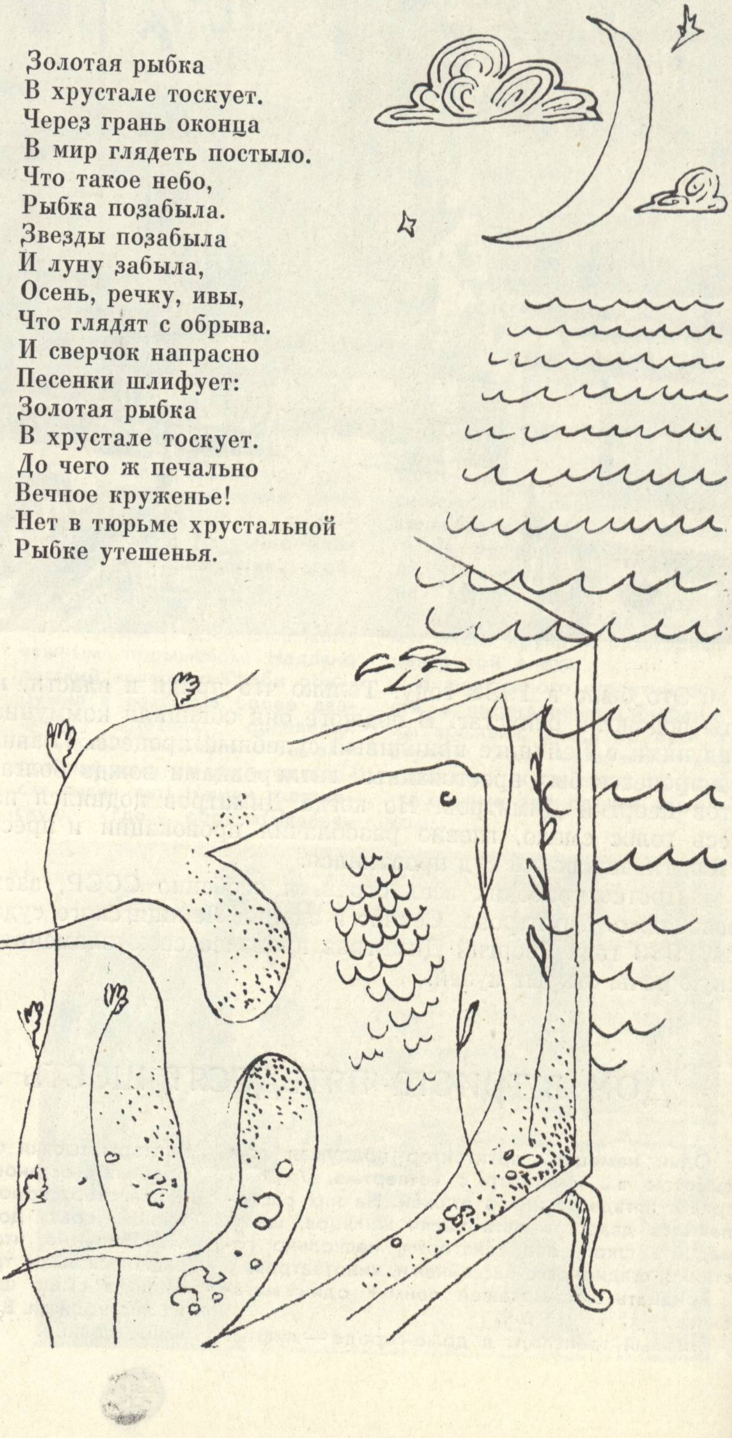
Любопытно, что жильцы небоскреба, поселившиеся выше трехсот метров, не будут знать пыли, а выше шестисот — никогда не увидят из окон дождя. В них каждый день будет сиять ясное солнце.

Стихи аргентинских поэтов

Альфредо Валлини

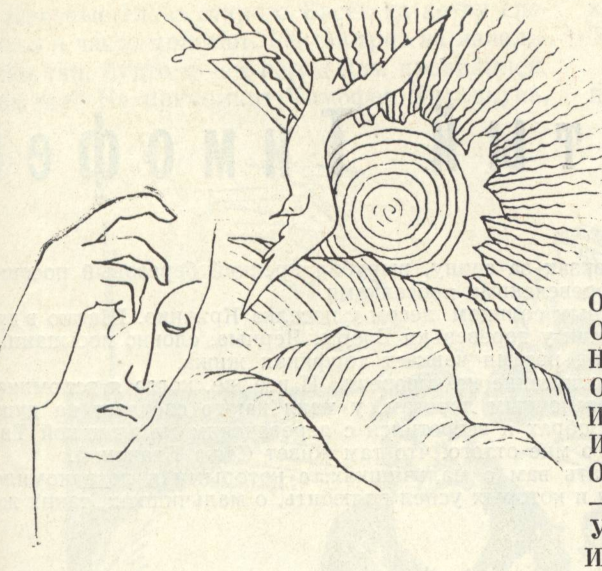
Маленький романс о золотой рыбке

Золотая рыбка
В хрустале тоскует.
Через грань оконца
В мир глядеть постыло.
Что такое небо,
Рыбка позабыла.
Звезды позабыла
И луну забыла,
Осень, речку, ивы,
Что глядят с обрыва.
И сверчок напрасно
Песенки шлифует:
Золотая рыбка
В хрустале тоскует.
До чего ж печально
Вечное круженье!
Нет в тюрьме хрустальной
Рыбке утешенья.

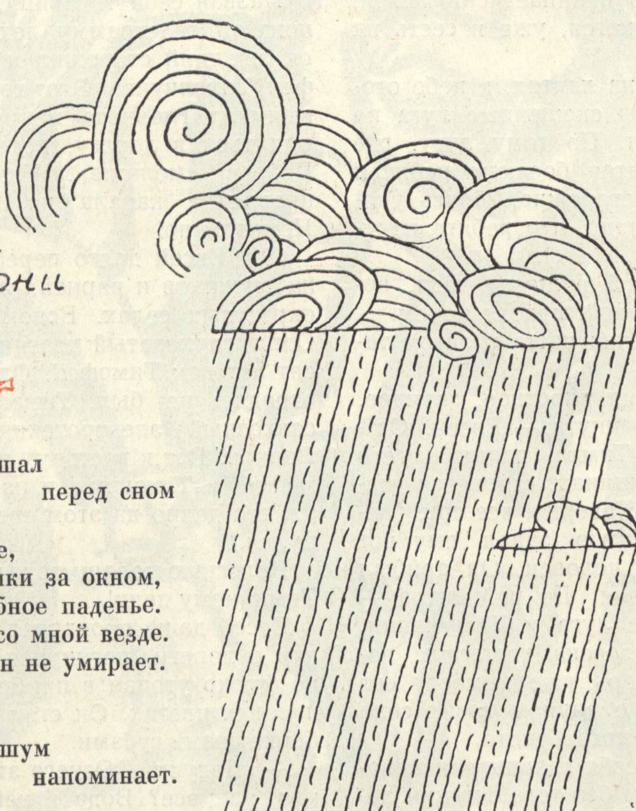

Франсис Исернис

Раненая птица

Она с утра полет начать стремится...
Она листву раздвинула немного...
Но тут мальчишка бросил камень в птицу,—
Она, кружась, упала на дорогу.
И в удивленье крыльями забила
И рану поклевала на груди.
Она мне взглядом как бы говорила:
— Что сделал он со мною, погляди...
Уходит день.
И мне пора ложиться.
Я долго не могу еще уснуть.
Мой сон пересекает эта птица,
Мальчишкой раненная в грудь.

Хосе Педрони

Я в детстве часто слышал
перед сном
И ножниц звяканье,
И няньки старой пенье,
Сердитый крик индюшки за окном,
И мелких капель дробное паденье.
И этот шум дождя — со мной везде.
Как память детства, он не умирает.
О швейная машина,
О дожде
Мне твой ритмичный шум
напоминает.

Едва прислушаюсь —
Твой колкий дождик шьет,
Твой добрый дождик,
Швейная машина,
Он платьями наутро расцветет
В витринах магазина.

Перевел с испанского В. Викторов

Нарисовал В. Неклюдов

Четвертый Тимофей

В. МОРОЗОВ

Рисунки Е. РАСТОРГУЕВА.

Закинул я по весне рюкзак за спину, вырубил крепкий березовый посошок и пустился странствовать деревенскими проселками.

Иду светлым, пронизанным солнцем лесом у поселка Кричино. Шагаю в дремучих потемках ольховой чащи у деревеньки Бобры. Черные, словно посыпанные толченым углем, дороги. Под ногами чавкает торфяная жижа.

Привлекательными дороги такие не назовешь. И все же, когда я вспоминаю о своих странствиях по проселочным дорогам, у меня как-то светлеет на душе. Почему? Да потому, что в Бобрах я встретился с деревенским мальчишкой Тимкой, а лесное Кричино дорого мне оттого, что там живет Саша Еланский.

И мне хочется рассказать вам о мальчишках, с которыми я познакомился во время своего путешествия и которых успел полюбить, о мальчишках, таких же, как ты.

Тимка лежит на возу с сеном и смотрит на заблудившееся в небе одинокое облако. Если долго смотреть, облако начинает снижаться, снижаться. Можно, кажется, уже и сесть на него.

Приподнялся Тимка на локтях, и небо отодвинулось, стали видны скошенные луга по обеим сторонам дороги. По тому лугу, где бежит речка, пробирается босиком ребячья ватага. Пробирается осторожно, боясь уколоть ноги. Издалека видно, что ребята искупались, продрогли.

— Дедушка! — Тимка окликает деда, который сидит к нему спиной, правит конем. — Дедушка, а чего это речка наша и летом такая студеная?

У Тимкиного деда имя короткое, звучное, как хлопок пастушьего кнута, — Евсей. Старый Евсей молчит, и Тимка, глядя на его коричневую шею в морщинах, старается угадать: о чем думает он? Наверно, все еще разгадывает загадку, которую задал ему вот этот сидящий на возу человек. Он прибыл сегодня утром из Гомеля. До райцентра — самолетом. В заливные луга у Жигулянки, где сейчас сенокос, человека доставила попутная машина. А теперь уже к месту его довезет дед Евсей: он с внуком возит сено как раз мимо Журавлиного болота.

Гомельчанин назвал себя главным инженером-мелиоратором. Но и без того Тимкин дедушка сразу определил, что он какой-то начальник.

Под мышкой приезжий держал портфель с кармашками и пояском. От блестящих застежек отскакивали солнечные зайчики. Когда мужчина доставал из портфеля телеграмму, наклоняя голову, то его подбородок из двойного превратился в тройной.

Назвав себя товарищем Голубом, инженер показал телеграмму деду Евсею, поскольку он здешний старожил и должен знать Тимофея Тихончука. Этот-то самый Тихончук и вынудил главного мелиоратора срочно снарядиться в дорогу, послав в управление из Бобров «молнию». Измените, дескать, направление канала на Журавлином болоте. Немедленно!

Дед Евсей долго перебирал в памяти имена мужиков и парней, живущих в Бобрах и окрестных селах. Вспомнил трех Тимофеев. Один, глуховатый плотник, вот уже восемьдесят лет как Тимофей. Однако Тихончуком он отродясь не был: Тимофей Стриж. Второй, совхозный электротехник, носит фамилию Волчок. Вот к третьему все подходит — и Тимофей, и Тихончук, и из Бобров. Только нет уж его давно на этом свете: воевал и не вернулся.

Нелегкую задачу задал приезжий инженер Тимкиному деду!

Евсей даже проглядел, как его конь, свернув с дороги, потянулся к реке, чуть ли не по брюхо утопая в прибрежных, еще не скошенных цветах. Он стал пить, целовать воду бархатными губами.

— Дедушка! Отчего это речка наша не такая, как все? Вода в ней — купаться прямо страшно... — снова пытается заговорить со стариком Тимка.

— Река наша жизнь свою в лесах проводит, чучело гороховое, — ворчливо отвечает дед. — Надолго ли выбегает она на луговое раздолье? Не успевает обогреться...

Красные глаза старого Евсея на ветру слезятся и часто моргают. Он смотрит на начальника так, будто в чем перед ним провинился. Как же? Не припомнит Тимофея Тихончука, хотя в Бобрах едва ли не половина деревни Тихончуки.

— Доложу тебе, тот Тихончук Тимофей правильную повестку вам направил. Надо магистральный в другую сторону гнать!

— Да ты что? — Голуб вытер платком вспотевшую шею. — Ты, дед, может, не знаешь, что проект был составлен...

исходя из реальных условий местности. Не с бухты же барахты. Все обосновали научно.

— Знамо, не глупые люди трассу прокладывали. Дело свое понимают. Но тут, товарищ начальник, местность надобно знать. Магистральный повели к Жигулянке. А уклон там слабый. Не вытянет канал болото!

— Да ты сам-то что предлагаешь, дед? — Инженер снова вытер разгоряченное лицо.

— А то и предлагаю... Надобно канал в соседнюю реку отводить. Путь туда, правда, подлиннее. Зато уж наверняка. Воду там быстро несет... Тимка! — Дед Евсей окликнул внука. — Спишь, дьявол? Своди товарища инженера к экскаватору. И ручей ему покажи... Тот, что я тебе показывал. Помнишь ли?

Но мальчишка уже шмыгнул с дороги в просвет между ольховыми кустами.

— Не отставайте, товарищ начальник!

Подминая под себя папоротник, кусты орешника и малины, грузный Тимкин попутчик, словно вездеход, следовал за юрким мальчишкой.

Тимка молчал, пока не привел товарища Голуба к кряжистому дереву. Из-под него выбивался ключ, превращаясь в чистый ручей.

Ручей как бы напластовывался поверх темной, вязкой болотной воды, живой серебристой струйкой бежал к камышам и осоке, покачивая их стебли.

— Вы не думайте, что ручей ерундовый. Он воду из болота высасывает. Только маленький, сил у него мало. А смотрите, куда

он бежит. Он не дурачок, к Желудянке не бежит. К Ясельде он. Здесь наклон хороший.

Мелиоратор вытащил из портфеля какую-то карту и долго рассматривал ее.

— На карте ручья, может, и нет, — сказал Тимка. — А партизаны его знают. Дедушка говорит, они по этому ручью ходили, чтобы не заблудиться. По нему и канал надо бы направлять...

Пошли вдоль торфяной гряды.

Еще издалека показался железный исполин — экскаватор.

Сказочно величавый, он, казалось, дремал, подмяв под себя гусеницами само болото. Стрелу свою вскинул так высоко, что на ее конце запуталось туманное облачко. Оно свертывалось там в подвижные дымчатые клубы.

Старший машинист экскаватора, похожий на грузина парень, сидел на вывороченном пне и курил. Вокруг валялось множество окурков. Из-за поломанных кустов ежевики вышел второй экскаваторщик в прожженной у костра телогрейке.

— Здравия желаем! — приветствовал он Тимку и человека с портфелем.

Инженер подал руку тому и другому экскаваторщику, представился.

— А не великоват ли у вас перекур, работнички?

— Велик, товарищ Голуб! — ответил старший машинист. — А что же делать? Велено временно переждать, пока представитель из

управления не прибудет. В самое время приехали, товарищ инженер! Каналу пора бы менять направление к Ясельде. Водосток там отличный!

Главный мелиоратор долго приглядывал место, где бы можно было присесть. Кроме железной бочки, ничего подходящего не было. Сидя на этой бочке, инженер говорил:

— Надо признать... Возможно, и ошиблись. С кем не случается... Положение можно еще поправить. — Голуб встал, поискал глазами стоящего в стороне Тимку. — Скажешь деду, я с экскаваторщиками до деревни доберусь... Да, товарищи! — спохватился он. — А кто это вам сказал, что представитель прибудет?

— Вот он уведомил. — Старший кивнул на съежившегося вдруг Тимку. — Тимофей Сергеич.

— Как, как ты сказал?!

— Да это мы, товарищ Голуб, так шутя Тимку называем, — засмеялся второй экскаваторщик. — Уважаем его, понимаете.

Парень в прожженной телогрейке говорил, как Тимофей Сергеевич доставлял им горючее, как токаря хорошего разыскал в одном селе, когда надо было срочно починить у землеройной машины валики ковша. Только инженер Голуб, кажется, совсем не слушал. Он смотрел на Тимкино искусанное комарами лицо, на облупившийся нос, на давно не чесанные волосы, в которых запуталась сухая былинка.

— Ну, я пошел, — опустив голову, молвил Тимка. — Дедушка ждет...

Сначала он продирался сквозь цепкие заросли ежевики и спугивал птиц в высоких папоротниках. После вместе с дедом Евсеем брел за возом холодной и темной просекой. И, наконец, снова плыл на сене, как на облаке.

Кругом полевой простор. Дышится вольготно, и видится далеко.

— Стало быть, повернет инженер канал, Тимка? — Дед Евсей несколько раз окликнул внука. — Спит, дьяволенок. Никаких забот!..

ЧТО скажет Володя

Меня вызвали на совет дружины, и Гриша Валуев сказал: «Доведем тебя до слез». Я пошел и назло смеялся. Нашли дурака — плакать. Правильно я сделал?

Леня Беляков,
г. Москва

Совершенно правильно, Леня. Настоящий мужчина может сам иногда заплакать, но угрожать, что доведет другого до слез, никогда не станет. Над таким, конечно, можно только посмеяться.

Но, кроме Гриши Валуева, на совете дружины были другие ребята. Прав ли ты по отношению к ним?..

Мой брат (ему 6 лет) не любит играть с другими детьми, у него нет товарищей, всегда он играет один. Но нельзя сказать, что он жадный, вредный. Если у него попросят помощи старшие, попросят игрушку дети, он поможет, даст, но опять-таки играет один. Почему же он такой?

Галина Бабина,
г. Орджоникидзе

Галя, почему твой брат такой, я не знаю, но если ему нравится играть одному, пусть играет один. Может быть, это странно, но ничего плохого в этом нет. Ведь ты сама пишешь, что он добрый и отзывчивый.

А можно и придумать что-нибудь. Подготовить, например, игру или маленький спектакль и позвать ребят, сверстников брата. Им запомнится этот интересный день, они станут приходить и звать твоего брата играть.

Дорогой Володя!

Помоги мне, я больше не могу терпеть и поэтому написала тебе. В нашем классе почти каждому придумали кличку. Например, так как моя фамилия Куленченко, то они прозвали меня Кулей. Я дальше не могу терпеть.

Оля Куленченко,
Узгенский район,
Киргизская ССР

Знаешь, у нас в школе у всех ребят были клички и у меня тоже. Мне мое прозвище нравилось, и я ничего не имел против того, чтобы меня называли не по имени. Если тебе не хочется иметь кличку, не отзывайся на нее. А главное, не ожесточайся и не сердись. Это никогда не помогает.

Ну разве не чудо?

Побежали в сад, ребята!..
Там краснеют яблоки,
Там летают зяблики
И другие птички,—
Кажется, синички...
На капусте сладкой
Капельки росы,
И горох над грядкой
Распустил усы...

Правда, так ведь и видишь крепкую, голубоватую капусту, всю в блестящих каплях, кажется, даже ощущаешь ее сочность, ее хруст на зубах?..

Сто раз видел это своими глазами, а разглядел по-настоящему только сейчас, когда прочитал стихи... Разглядел и порадовался.

Или, скажем, березка, та, что,

На ветерке дрожа,
Стоит, как все березки,
Прохладна и свежа.

Она выросла на месте стройки, эта тоненькая березка, и рабочие бережно обходят ее, любуясь,

Как серебрист и ровен,
Как легок стан ее.

И нам тоже хочется оберегать ее, эту вот березку, которую мы и в глаза не видели, не потрогали руками, только прочитали о ней... Ну разве не чудо?

А сколько еще чудес раскрывает эта книга, посвященная **«Моим друзьям»!..** Все расцветает вокруг, едва зазвучит волшебная скрипочка, сделанная из спичечной коробки. Раздастся ласковое «трай-ля, трай-ля, трай-ли...», и тотчас же самая обычная вещь покажет все свое лучшее, что до сих пор прятала от нас. Это происходит потому, что к ней притронулся поэт.

Четырнадцать лет прошло с тех пор, как замолкла волшебная скрипка поэта **Льва Квитко.** А звуки ее все радуют нас, как радовали ваших пап и мам, как будут, наверно, радовать тех ребят, которые сейчас еще не умеют говорить... Разве не чудо?

И еще одно чудо... Лев Квитко писал стихи на своем родном еврейском языке. А мы читаем их по-русски и даже не замечаем, что это перевод. Это значит, что поэты-переводчики вложили в свою работу не только умение, но и частицу души... Скажем же спасибо Е. Благининой, Т. Спендиаровой, С. Михалкову, помянем еще раз добрым словом С. Маршака, М. Светлова, Н. Чуковского и многих других — всех тех, кто донес до нас эту добрую, щедрую, стойкую, как сама жизнь, книгу.

Ю. НОВИКОВА

Никакая не сказка

То, что рассказывает о короле-мальчишке Лев Абрамович Кассиль, не совсем выдумка. «Никакая это не сказка, так все и было»,— заверяет ребят писатель, правда, заверяет полушутливо, по секрету от взрослых.

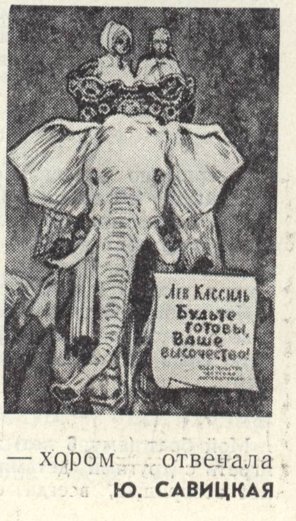
Не знаем, было ли все в точности на самом деле так, как описано в книжке, но так, безусловно, могло быть. Мало ли ребят из дальних стран приезжает летом в наши пионерские лагеря!.. Разве не мог попасть в их число и смуглый, глазастенький принц Дэлихьяр?..

Дэлька — так звали принца в лагере — оказался вполне приличным пареньком, даже по-русски говорил неплохо,— его бабушка была русской... И в палатке номер четыре совсем забыли, что рядом с ними живет «его высочество» наследный принц, у которого на родине есть свой собственный персональный слон... С Дэлькой подружились девочки и мальчики.

И тут произошло чрезвычайное событие: король, брат юного принца, отрекся от престола, и в одну прекрасную ночь Дэлька превратился в короля Дэлихьяра Пятого. И был в эту ночь в палатке номер четыре собран Большой совет пионеров...

Надо же как-то помочь человеку, которого ни за что ни про что поставили королем!

Что решили на этом совете, как сложилась дальнейшая судьба молодого короля и его советских друзей, вы узнаете, прочитав книгу **Л. Кассиля «Будьте готовы, Ваше высочество!».** Можем вас заверить, что в этой повести много интересных приключений.

А пока догадайтесь, что означали таинственные приветствия, которыми обменивались по утрам молодой король и его свита.

— Путти хатоу!— кричал Дэлихьяр V.

— Взигада хатоу! — хором отвечала свита.

Ю. САВИЦКАЯ

Будьте здоровы

Однажды в гости к Н. К. Крупской приехали пионеры из Костромы. Лица у всех бледные-бледные.

— Что ж это вы, ребята, первой заповеди пионеров не выполняете? — с укоризной говорит им Надежда Константиновна.

Удивились ребята, даже растерялись немного.

— Какая же это заповедь? — спрашивают.

— А вот какая: «Пионер должен иметь красные щеки».

«Ребята усомнились,— вспоминает об этом случае Надежда Константиновна,— действительно ли нужно пионеру прежде всего иметь красные щеки, и совсем недоумевали, что для этого нужно делать».

Ну, вы-то, я думаю, не станете сомневаться в том, что пионер должен быть сильным, выносливым, закаленным. Конечно, пионер должен быть здоровым. Иначе какой же это пионер?

Но все ли вы знаете, что делать, чтобы всегда быть здоровым?

Насчет зарядки и закаливания вы, наверно, слышали. А вот как проводить это самое закаливание? Как быть, если ваш товарищ отморозил нос или вывихнул руку во время туристского похода?

Какой режим дня лучше установить в дни подготовки к экзаменам?

Издательство «Медицина» выпустило для вас книжку **«Школьнику о здоровье»**. Там про все это рассказано подробно и увлекательно. Сколько там цветных рисунков, сколько забавных историй! Я не хочу их вам пересказывать, вы сами о них прочтете и не раз улыбнетесь.

А главное — книжка поможет вам успешно выполнить ту первую, самую важную заповедь пионера, о которой говорила когда-то вашим сверстникам Надежда Константиновна Крупская.

Будьте здоровы, ребята!

С. СИВОКОНЬ

Советую прочитать

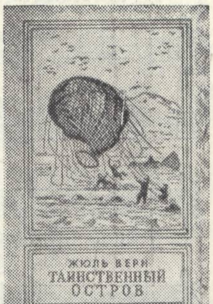
Недавно я был в селе Ро́жки, Кировской области. Приехал туда и три дня подряд ходил в школу. Ребята удивились: зачем это взрослый человек садится за парту, да еще за такую маленькую? Ведь не учиться же он приехал!

А приехал я туда для того, чтобы поговорить с ребятами о книгах, которые мне нравятся. И мы действительно говорили да еще читали вслух стихи. Очень хорошо было!

Многие ребята написали о книгах. Два отзыва ты можешь прочитать на этой странице «Пионера».

А может быть, и ты расскажешь о какой-нибудь книге, которая тебе очень понравилась или очень не понравилась?

В. ЛАПИН

В книге Жюля Верна «Таинственный остров» рассказывается о том, как люди попали на необитаемый остров в Тихом океане, в южном полушарии. Попав туда, они не приходят в отчаяние, трудом создают свое благополучие. Через четыре года их спас корабль.

Больше всего я люблю книги о приключениях. Интересные книги я рекомендовал прочитать товарищам. Они не отказывались и, прочитав, говорили, что эти книги им тоже понравились.

Витя Мосунов

Моя любимая книга — «Путь на Грумант» К. Бадигина. Это быль. В книге рассказывается о четырех поморах. Ладья их погибла во льдах, а поморы шесть лет жили на острове.

Особенно мне понравилась честность поморов, их мужество. А из героев книги больше всего понравились мне Алексей Химоков и мальчик Ваня.

Когда читаешь эту книгу, думаешь, какого поморам надо было набраться мужества и стойкости!

Когда Алексей спросил Ваню:

— Ведь страшно зимовать на Груманте?

Ваня ответил:

— Нет, отец. С тобой и Степаном не страшно.

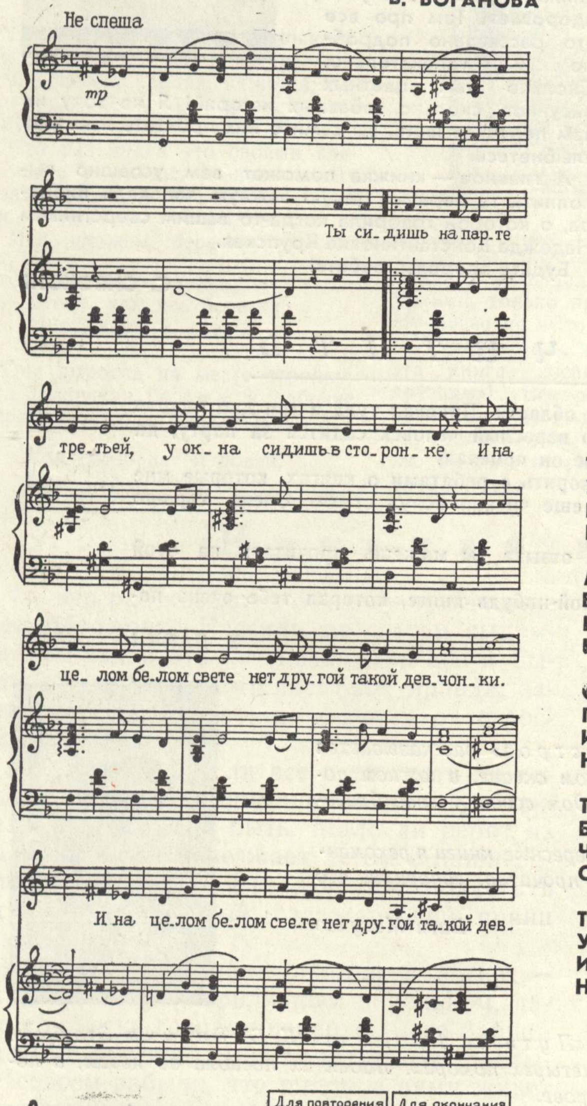
Алеша Хлюпин

АЛЕНКА

Слова С. ГРЕБЕННИКОВА
и Н. ДОБРОНРАВОВА

Музыка
В. БОГАНОВА

Ты сидишь на парте третьей,
У окна сидишь в сторонке,
И на целом белом свете
Нет другой такой девчонки.

2 раза

Мастера молчать и драться
Все мальчишки из шестого,
На тебя смотреть боятся,
Но на подвиги готовы.

2 раза

Об опасностях мечтают,
По морям ведут корветы
И Аленкой называют
Неоткрытые планеты.

2 раза

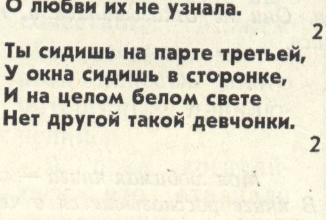
Только гордые ребята
Будут все молчать, как скалы,
Чтоб, Аленка, никогда ты
О любви их не узнала.

2 раза

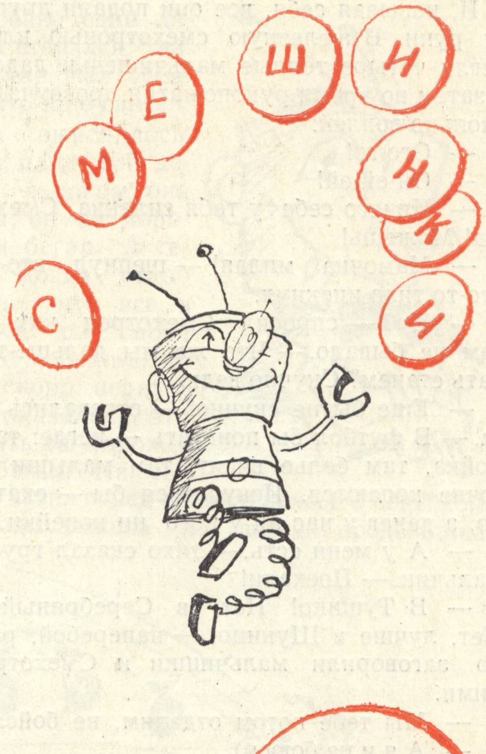
Ты сидишь на парте третьей,
У окна сидишь в сторонке,
И на целом белом свете
Нет другой такой девчонки.

2 раза

Грустный мальчик, Смехотрон, утопленница и мороженое...

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Шел как-то Смехотрон по улице и видит: сидит у ворот прямо на земле мальчик какой-то, грустный-прегрустный.

— Здравствуй, мальчик! — говорит ему Смехотрон.

— Здравствуй, Смехотрон! — отвечает ему мальчик.

— Ты знаешь меня и не смеешься? — удивляется Смехотрон.

— Знаю, но мне очень невесело...

— Почему? Зубы болят или живот? Или тебя отлупили? Вон, смотри, у вас во дворе трое мальчишек играют! А ты что же?

— А они со мной не хотят... Они кто в шестом, кто в седьмом, а я только еще в пятом...

— Ага, — сообразил Смехотрон, — значит, ты нуждаешься в моей помощи. Ну-ка, раскрой уши пошире и слушай!

— Что ярче: Луна или Солнце? — спросил учитель у Пети.

— Луна! — ответил Петя и пояснил непонятливому учителю: — ...Потому что она и ночью светит, когда темно, а Солнце — только днем. А днем и так светло. Это все знают...

И мальчик не мог не улыбнуться. А Смехотрон, включив затылочное зрение, увидел: ребята во дворе заметили его и о чем-то совещаются. «Хорошо, — решил Смехотрон, — будем продолжать!»

— Как это ты умудрился насажать столько ошибок, а?

— Что я, один, что ли, их сажал? Нас четверо было: дед с бабушкой, отец и уж потом только я.

И грустный мальчик расхохотался так, будто гусиным пером потеребили у него под мышками или в ухе. Затылочное зрение между тем показало Смехотрону, что мальчишки, все трое, идут сюда, а их физиономии выражают явное любопытство.

— Они идут сюда и тебя уведут. — Мальчик опять съежился.

— Вижу, — невозмутимо ответил Смехотрон и выпустил новый заряд смешинок.

— Не бойся, мальчик, дядя доктор ничего тебе не сделает, — уговаривали одного человека в кабинете врача. Он ответил:

— Я верю, «не сделает». Но только зачем меня к нему привели?

— Во дает Смехотрончик! — сказал один из подошедших.

— Привет, Смехотрон! — сказал другой. — Ты к нам? Заходи!

— Нет, я к нему, — отвечал Смехотрон, не оглядываясь. — Не люблю, когда кого-то не берут играть. Впрочем, вы, кажется, не знакомы? Так познакомьтесь, это мой друг...

И, называя себя, все они подали друг другу руки. В железную смехотронью клешню легли четыре теплые мальчишечьи ладошки, а затем во время рукопожатия прозвучало несколько воплей:

— Ого-го!

— Ой-ей-ей!

— Ничего себе у тебя силенка, Смехотроша! Можешь!

— Мамочка милая! — шепнул кто-то, и кто-то тихо пискнул.

— Ну? — спросил Смехотрон как ни в чем не бывало. — Что же мы дальше-то делать станем? Скучно ведь!

— Еще бы не скучно! — отозвались ребята. — В футбол бы поиграть — негде: там помойка, там белье висит, там малыши в песочке копаются. Искупаться бы — ехать надо, а денег у нас ни у кого ни копейки...

— А у меня есть, — тихо сказал грустный мальчик. — Поехали!

— В Тушино! Нет, в Серебряный бор! Нет, лучше в Щукино! — наперебой, радостно заговорили мальчишки и Смехотрон с ними.

— Мы тебе потом отдадим, не бойся!

— А я и не боюсь...

Ну, давайте пропустим то, как они ехали. По пути ничего примечательного не было, если не считать того, что от хохота так и вилял троллейбус по шоссе и чуть не соскочили его мачты с проволоки. Это все Смехотрон сыпал все новые и новые смешинки, одна веселее другой.

В парикмахерскую с плачем пришла девочка и говорит:

— Мама сказала, что вы подстригли меня коротко. У-у-у-у! Подстригите меня теперь подлиннее! У-у-у-у!

На пляже все мигом разделись, кроме Смехотрона, и — в воду! Тут-то и оказалось, что грустный мальчик плавает лучше всех, кроме, конечно, Смехотрона. Они вдвоем сплавали на ту сторону и без отдыха вернулись обратно, а тогда, усталые, повалились на горячий песочек отдыхать. Но отдохнуть не удалось.

Кто-то вдруг закричал: «Тонет! Тонет!»

Все всполошились, повскакали: «Кто тонет?»

А это, оказывается, одна девочка — и плавать-то сама не умеет, хоть и большая уже, и воды больше всего боится, но захотелось ей освежиться немного. Папу своего послала за мороженым, а сама полезла в реку. А там сразу глубина! Она оступилась, и глаза с испуга зажмурила, и давай изо всех сил тонуть! Думает, что к берегу приближается, но зажмурилась, ничего не видит и, наоборот, от берега удаляется.

Смехотрон и все ребята бегом в воду! Все, кроме того грустного мальчика. Но не потому остался он, что струсил. Нет, он видит, что Смехотрон второпях все смешинки на песке оставил, вот и задержался. И хорошо, что сообразил! Девочка оказалась очень тяжелая и ужасно бестолковая, чуть всех спасителей не утопила. Хватается, кричит, за собой тащит и, главное, глаза раскрыть боится. Это — самое опасное для того, кто тонет. А для спасающего главное — не теряться.

Опомнился Смехотрон и — что делать? Смешинок нету, энергия ЧИ на исходе. Ну, а в воде, да еще когда тебя тонуть тащат, не очень-то поостришь.

И тут же как бы в ответ на печальные мысли Смехотрона раздалось с берега:

— Мама! Сегодня учитель задал нам вопрос, и никто, кроме меня, не смог на него ответить! — похвастался один мальчик маме.

— Ты у меня молодец! Но что же это был за вопрос?

— Да так себе вопросик... Это неважно!

— Ну, а все-таки?

— Он сказал: «Наверно, есть такие, кто не решил задачу?»...

— Это был ты?

— Да, я.

Витя был вчера дежурным.
Тряпкой доску вытирал,
Сор бросал он только в урну,
Всех к порядку призывал.

А сегодня — посмотрите! —
И сорить и драться стал.
— Что с тобой случилось, Витя?
— Я свое дежурство сдал!

Костя рассказывал с гордостью:

— Сегодня на общешкольном собрании со мной разговаривал завуч, а потом ко мне обратился и сам директор!

— О чем же с тобой завуч разговаривал?

— Он сказал, чтобы я не шумел...

— Ах, вот оно что! Ну, а директор?

— Кажется, кое-кого придется, вывести отсюда...

— А почему ты решил, что это он про тебя?

— И думать мне нечего, я знаю!

— Откуда?

— А оттуда, что меня потом вывели. Ясно теперь?

— Да, теперь все ясно.

И сил у Смехотрона прибавилось, полегче стало. Оглянулся он и видит: стоит на берегу толпа, руки у всех рупором, а дирижирует этим хором и смешинки подсказывает тот самый грустный мальчик. Так что, сами понимаете, и в пятых классах умные люди учатся.

Особенно один дяденька старался, хвалил, руки жал всем, даже кто и не спасал. Потом выяснилось, что он папа той девочки, и когда она тонула, он за мороженым бегал. А теперь, когда стало понятно, что все в порядке, он снова куда-то побежал, но очень скоро вернулся, и оказалось, это он опять за мороженым бегал. На сей раз он катил перед собой тележку с зонтиком, а позади бежала по песку продавщица.

Хор под его руководством вопил что есть мочи:

У Кати весь рот и язык в чернилах, а глаза в слезах.

— Ой, девочки! Я чернила нечаянно выпила! Что теперь делать?

— А ты попробуй съесть промокашку! — посоветовали ей.

Ну, словом, вытащили девочку. К этому времени и спасательная лодка приплыла. В толпе на берегу разговоры:

— Вожатый у них очень хороший, просто смельчак!

— Нет, главное-то — железный, а как плавает! Я сперва думал, он вроде утюга, а он, смотри-ка, почти как рыба!

— Ешьте, ребята, сколько влезет, за спасение утопающих!

Надо ли долго расписывать все то, что было дальше? Было вот что: тележка быстро опустела.

— А вы, товарищ... не знаю, как вас... Не хотите ли?

— Дайте попробовать, — сказал Смехотрон нерешительно. — Я и сам не знаю... Вроде на мороженое меня не программировали, когда изобретали, но ведь на спасение утопающих тоже меня не рассчитывали...

И знаете, что получилось? Рассказать? Было так: он для пробы съел три эскимо и нечаянно — две щепки. Результат — щепки явно не понравились, а про мороженое Смехотрон сказал:

— Что-то я не распробовал, дайте-ка еще штук пять-шесть!

Еще через минуту заговорила продавщица.

— Все, — сказала она. — Пусто! Кто хочет, ждите, а я на базу поехала.

Но и ребятам было пора домой. Ехали обратно уже закадычными друзьями, а говорили вот о чем:

— Мы тут, Смехотроша, в поход с ночевкой собираемся, может, и ты с нами хочешь?

— Я, один?

— Да нет, и его мы, конечно, зовем. — Кивки в сторону грустного мальчика. — Все вместе поехали?

— Позвоните мне в редакцию накануне, и, если меня отпустят, то я с удовольствием.

На этом они расстались, но, возможно, встретятся еще, и тогда вы об этом узнаете.

Посмотрите, ребята, куда забрался Пешкин... В Московский театр эстрады, где происходил матч на первенство мира. Очень хотелось ему посмотреть, как ведут свою трудную борьбу Тигран Петросян и Борис Спасский.

Фото это сделано перед самым началом шахматных сражений. Через несколько секунд главный судья матча бельгийский гроссмейстер Альберик О'Келли пустит шахматные часы, и Борис Спасский сделает первый ход.

Пешкин познакомился с участниками соревнования. Он задал шахматным мастерам несколько вопросов.

Когда вы начали играть в шахматы!

Тигран Петросян познакомился с шахматами, когда ему было двенадцать лет. Борис Спасский ходы шахматных фигур изучил в пятилетнем возрасте, но по-настоящему полюбил шахматы в девять лет.

Следует ли шахматистам тратить время на другие виды спорта!

«Шахматист должен быть физически крепким человеком, — сказал Тигран Вартанович и добавил: — Мои любимые виды спорта — настольный теннис и лыжи».

«Я раньше занимался легкой атлетикой, — это слова Бориса Васильевича, — а теперь больше всего люблю плавание».

Как вы относитесь к поражению в игре!

Тигран Петросян ответил:

«Поражение в спортивной борьбе неизбежно, если не будешь избегать встреч с сильными противниками. Тот, кто боится проигрывать, никогда не научится побеждать».

«Каждый проигрыш — это полезный урок. Никогда не следует успокаивать себя и объяснять свой проигрыш случайностью. После поражений я долго обдумываю проигранную партию и ищу свои ошибки. И главное — ругаю себя». Это — мнение Бориса Спасского.

Смелые атаки

В матче Петросян — Спасский было много ничьих, и некоторым казалось, что игра идет скучновато.

С таким мнением согласиться нельзя. Просто на матче встретились два выдающихся шахматиста, и каждый из них ставил на пути своего противника прямо-таки непроходимые препятствия.

Скажем, белые намечали коварный удар, а черные, предвидя его, заранее принимали меры и предупреждали угрозу. Много было таких неосуществленных комбинаций в сыгранных на матче партиях.

Петросян и Спасский — большие специалисты в острой комбинационной игре. Вот два примера проведенных ими смелых атак.

Справа позиция из партии Т. Петросян — А. Толуш, сыгранной шестнадцать лет назад. Королевский фланг черных ослаблен, и белые блестяще проводят решительное наступление.

песенка читателей «ПИОНЕРА»

Шумят поезда, как за лесом гроза,
Березы под окнами дремлют...
О дальних дорогах ты мне рассказал,
И снятся далекие земли...

А ты снова будишь меня поутру,
Рукой почтальона стучишь ты,
И радуюсь я, что пришел ко мне друг
Такой же, как я, мальчишка.

Сейчас ты расскажешь про верных друзей,
Про твердость дорог каменистых,
Про то, как навстречу ветрам и грозе
Зовут озорные горнисты.

Мы знаем, что эти горнисты не врут —
Походов нам хватит с излишком.
Мы верим тебе, потому что ты друг
И тоже, как мы, мальчишка.

Я слышал, что были другие года,
И боль их исчезнет не скоро.
Погиб пулеметчик Аркадий Гайдар,
На фронт уходили юнкоры.

Но ты не сгорал на горячем ветру,
Шагал сквозь гранатные вспышки,
И знали ребята, что есть у них друг —
Бессмертный боец-мальчишка.

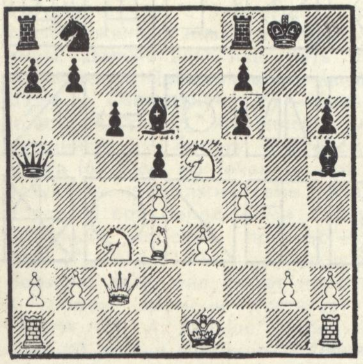
Окончится детство, года пробегут,
Но дружбу с тобой сбережем мы,
Как ленинцы первых дружин берегут
Свой галстук, в походах прожженный.

Прищурившись, смотрит на солнечный круг
Веселый мой младший братишка:
Сегодня узнал он, что есть у нас друг
Такой же, как мы, мальчишка.

А. Бабушкин, А. Зайцев, В. Стадухин, С. Алескандрин, С. Новоселов, В. Ваулин, О. Свалова, В. Ларин, С. Стадухин, Ю. Зыков, Ю. Патин, С. Алик.

г. Свердловск.

Почта принесла нам неожиданный подарок — песенку читателей «Пионера». И вот ведь что замечательно: придумали ее сами читатели. Нам она очень нравится. Думаем, что понравится она и вам всем. А может быть, найдется среди вас кто-нибудь, кто придумает музыку. И зазвучит тогда наша песенка повсюду.

13. g2— g4! f6 : e5 14. f4 : e5 Cd6— e7 15. 0—0—0!

Прекрасный ход. Белые не торопятся отыграть фигуру. Они заканчивают мобилизацию всех своих сил и начинают штурм бастионов вокруг черного короля.

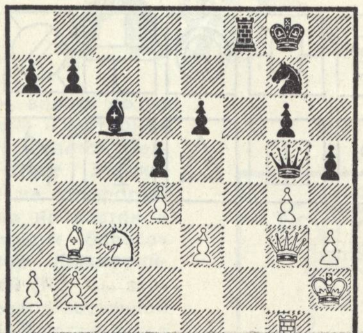
15...Ce7— g5 (К разгрому ведет и 15...Cg6 16. C : g6 fg 17. Ф : g6 + и т. д.) 16. g4 : h5 Kpg8 —h8.

Неутешителен и вариант 16... C : e3+ 17. Kpb1 Kph8 18. Фe2 C : d4 19. Фd2, и белые выигрывают. Черных губит то, что их ферзь находится в офсайде, а ладья а8 и конь b8 являются только зрителями разыгрывающейся драмы.

17. Фc2— f2 f7— f5 18. h2— h4 Cg5 — e7 19. Фf2 — f4. Черные сдались.

В этой короткометражной партии развязка наступила уже на 19-м ходу, что очень редко бывает на больших соревнованиях.

А теперь посмотрите, как атакует Борис Спасский.

К этому положению пришла партия Спасского, игравшего черными с опытным международным мастером Фурманом. Поединок этот происходил на чемпионате Ленинграда 1952 года. Пятнадцатилетний Боря впервые выступал в столь сильном турнире и занял тогда второе место.

Борьба продолжалась так: 28. Фg3— e1 Лf8— f3 29. Kc3— d1 Фg5— e7 30. Kd1— f2 e6— e5 31. Cb3—d1 Лf3—g3! 32. Kf2—d3.

Не выручало белых и 32. Л : g3 hg+ 33. Kp : g3 ed, и черные по меньшей мере выигрывают пешку.

32...e5 : d4 33. e3 : d4 Лg3— e3 34. Фe1— d2 Фe7— e4 35. Лg1— e1 (На отступление коня решает шах на f4) 35...Лe3 : d3 36. Фd2— f2 Фe4 : d4. Белые сдались.

Грамоты «Ферзя и ладьи»

Восьмиклассник **Павел Мальцев** у себя в Брусинской восьмилетней школе (Вологодская обл.) организовал шахматные соревнования, в которых играли 49 ребят. Многие ученики школы получили спортивные разряды. Награждаем Пашу грамотой.

Грамотой «Ферзя и ладьи» награждается **шахматный кружок Побугской средней школы** (Кировоградская область), которым руководит учитель Степан Васильевич Шевряков. В этом кружке проводятся интересные турниры, конкурсы решений, многие ребята сами составляют задачи.

Грамотой «Ферзя и ладьи» награждается и староста этого кружка **Алексей Гордеенко.**

Проверьте свои решения

Задачи из журнала №2 решаются так:

1 1. Kg5! **2** 1. Kg4!

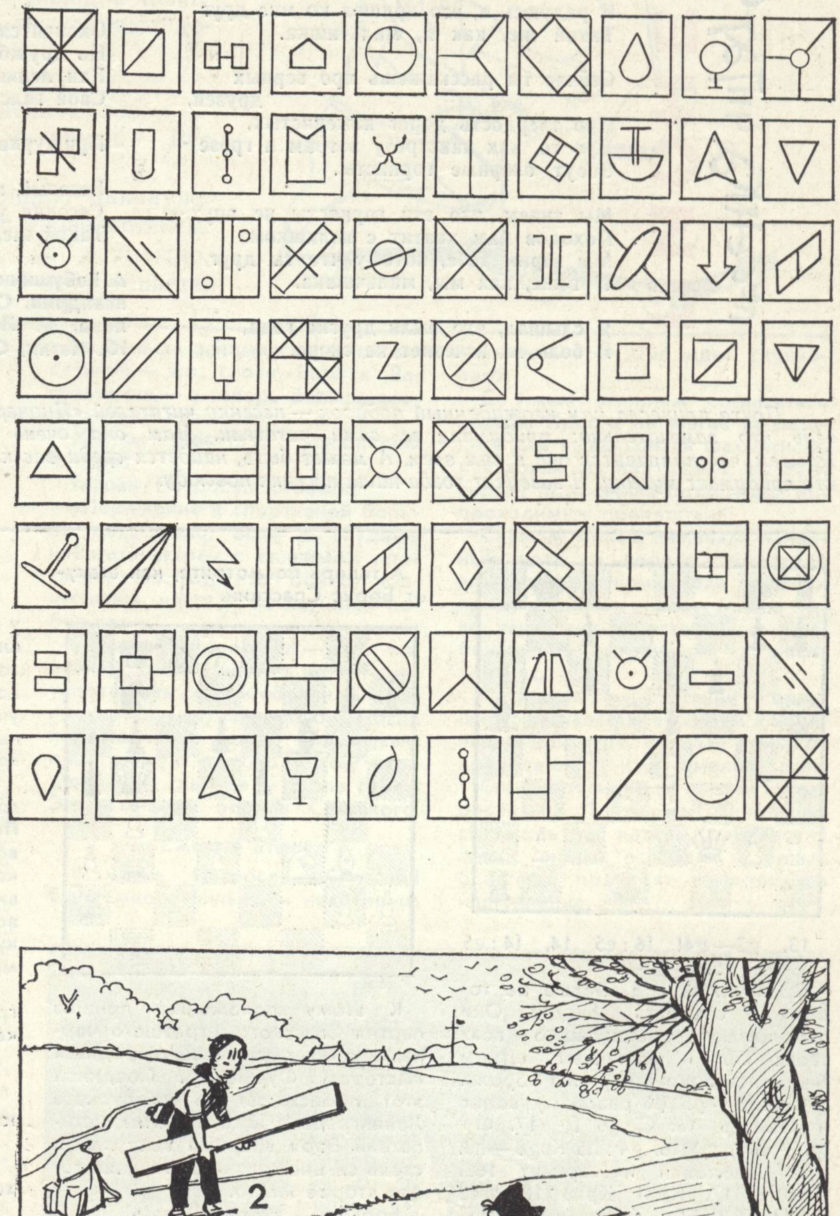
Задачу из журнала № 5 решает ход 1. Фf8.

Среди ребят, приславших верные решения: **Толя Уденс** (Сахалин), **Юра Уткин** (д. Белокаменка, Пензенской обл.), **Володя Короткевич** (Норильск), **Гриша Хаит** (Житомир), **Валерий Кульбачко** (г. Макеевка), **Марк Славин** (Ленинград), **Володя Кручинин** (г. Камышин, Волгоградской обл.), **Сережа Шилов** (Ленинград), **Миша Виноградов** (д. Кузьминки, Калининской обл.) и другие друзья Пешкина.

ЗНАКИ-БЛИЗНЕЦЫ

Внимательно рассмотри эту таблицу, она состоит из 80 различных знаков. Много ли тебе понадобится времени, чтобы установить, какие из них представлены здесь дважды?

ТРИ ПОДРУЖКИ

Галя и Зина Соколовы и их одноклассница Галя Сафонова — неразлучные друзья и лучшие физкультурницы в школе. Каждая занимается двумя видами спорта из следующих трех: гимнастика, плавание, лыжи. Кроме того, две из них — участницы школьного ансамбля песни и пляски, а третья — любительница шахмат.

Вот еще несколько подробностей из жизни наших трех подружек: 1. В соревнованиях по плаванию одна из сестер Соколовых заняла первое место, опередив Галю всего лишь на 0,2 секунды. 2. В лыжном пробеге Галя не участвовала, так как занята была на городском шахматном турнире девочек. 3. В школьной стенной газете были помещены портреты Соколовой и Сафоновой, отлично исполнивших на праздничном вечере веселую танцевальную сценку. 4. У Зины и Гали одинаковые лыжные костюмы.

Остается установить: каким видом спорта занимается каждая из трех подружек?

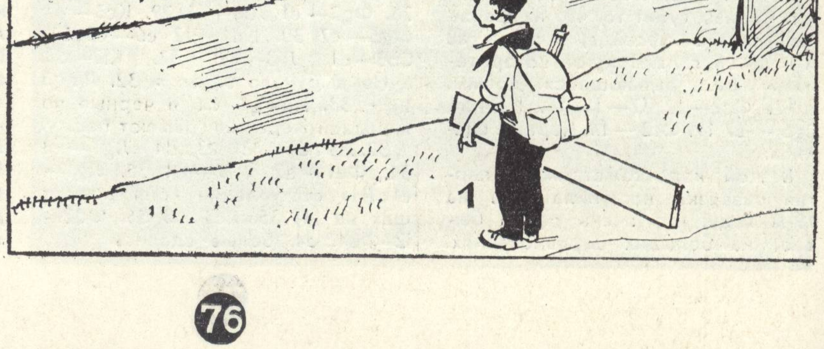
У ПЕРЕПРАВЫ

Вот что натворила разбушевавшаяся ночью гроза! Только и осталось от мостика, что две доски.

Встретились ребята утром у переправы: один шел в лагерь, другой — из лагеря. Сначала оба растерялись: как перебраться через речку? Вброд не перейдешь — глубоко. А доски коротки — хоть и самую малость, а все же не достают до противоположного берега.

Будь ребята посмекалистей, они нашли бы способ, не замочив ног, перебраться через речку.

Не подскажете ли вы, ребята, выход из положения?

КРЮК В 400 КИЛОМЕТРОВ

В бассейне Волги есть река протяженностью около четырехсот километров. Верховье ее находится... всего лишь в нескольких минутах ходьбы от реки, в которую она впадает.

Что это за река и в какую реку она впадает?

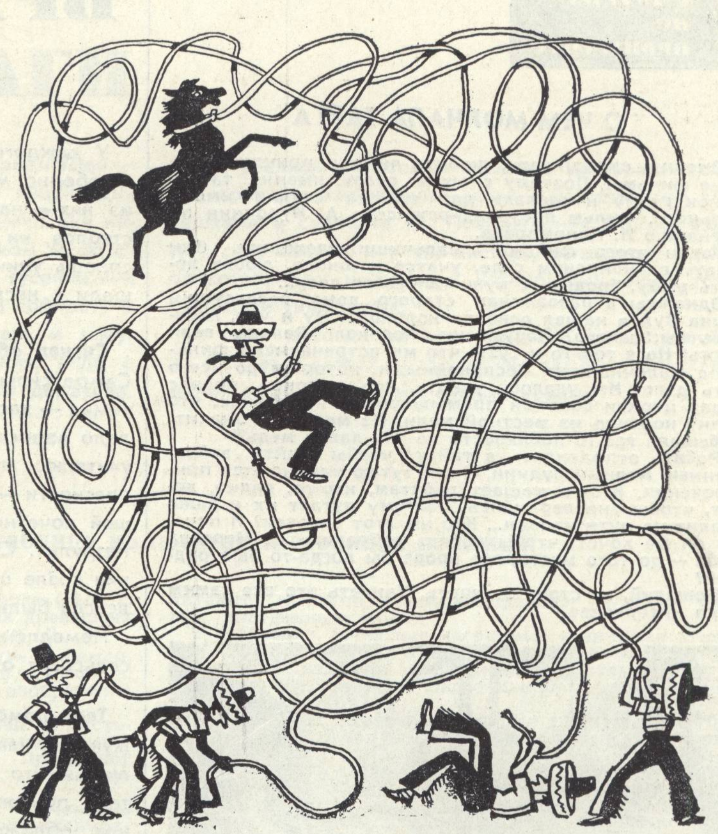
ЗАГАДОЧНЫЙ МАРШРУТ

Представим себе, что нам предлагают совершить путешествие по следующему маршруту:

«Ранним утром мы улетаем с одного из подмосковных аэропортов. Воздушный лайнер, набрав высоту, ложится курсом на запад и вскоре доставляет нас в красивейший город Европы — **Лютецию** (1). Отсюда автомашиной несколько часов пути до крупного портового города **Массилии** (2), где мы садимся на корабль. Пересекаем море в юго-восточном направлении и высаживаемся в **Карфагене** (3). После нескольких дней отдыха в этом интереснейшем для туриста уголке мира мы вновь поднимаемся на борт корабля, но теперь уже направляющегося в **Эпидамн** (4); это город-порт в небольшой стране, расположенный невдалеке от ее столицы. Дальнейший наш путь лежит через горы. Преодолев их, мы попадаем в **Сингидунум** (5) — большой, красивый город, живописно раскинувшийся на берегу многоводного **Истра** (6). Вниз по течению этой реки, вплоть до ее устья, мы продолжим свое путешествие в моторной лодке. И вот перед нами вновь открывается безбрежный морской простор — это **Понт Эвксинский** (7). Здесь мы пересаживаемся на комфортабельную яхту, она берет курс прямо на восток и в скором времени достигает цветущих берегов **Таврии** (8). А дальше через **Боспор Киммерийский** (9), минуя знаменитый **Пантикапей** (10), мы входим в **Сурожское море** (11). В северо-восточной части его, вблизи устья реки **Танаис** (12), раскинулся **большой город** (13), где мы и сойдем на берег. Отсюда экспресс быстро домчит нас до места, откуда начиналось наше необычайное путешествие.

Разумеется, попытка отыскать на современной географической карте хотя бы один из упомянутых промежуточных пунктов маршрута будет обречена на неудачу: все города, моря и реки даны здесь под их старинными названиями, ныне сохранившимися лишь в учебниках истории да на картах древнего мира. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы «расшифровать» маршрут — устаревшие географические названия заменить современными — и проложить его на карте.

КТО ЗААРКАНИЛ КОНЯ!

КАК ДОСТАТЬ МЯЧ

Наверно, и вы огорчились бы, как эта девочка, если бы нечаянно забросили мяч в каменную вазу на верхушке колонны. Попробуй-ка достань его теперь оттуда! По колонне, как по столбу, не взберешься. И лестницы поблизости нет.

Посоветуйте девочке, как ей поступить.

смотрите не пропустите

О ЧЕМ МОЛЧАЛА ТАЙГА

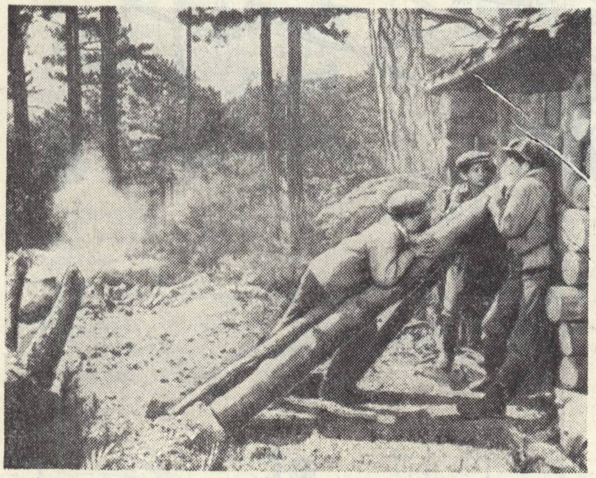
Смешно спрашивать, любите ли вы приключенческие фильмы. Поэтому скажем сразу: именно такую кинокартину и сделали для вас на студии имени Горького. Фильм поставил режиссер А. Курочкин по сценарию И. Пономарева.

Герои этого фильма — мальчишки-таежники. Они живут в сибирском селе, учатся в школе, любят ловить рыбу, бродить с ружьишком по лесу...

Однажды в развалинах старого дома вездесущий Яшка Вухов нашел осколок колокола. Ну и что, казалось бы, такого? Подумаешь, колокол! Велика важность! Но в том-то и суть, что мы встречаемся в фильме с мальчишками беспокойными, которым до всего есть дело. Им удалось узнать, что колокол поднес в дар церкви богатый промышленник и, главное, что отлит колокол из местной меди. Из местной? Значит, добывали где-то поблизости не так давно медь?!

Ребята отправились в тайгу, чтобы найти заброшенный медный рудник. И вот тут-то начинаются приключения. Кто-то мешает ребятам, кто-то, видно, хочет, чтобы они вернулись, поэтому пугает их и даже ставит на пути капкан... Кто же этот человек? И почему он не хочет, чтобы ребята добрались до Чертова Зуба — до того места, где вроде бы когда-то был рудник?

Пожалуй, не стоит отвечать. Увидеть это все самим куда интереснее.

ВРАГИ ЛЕСА—

У каждого растения есть свои друзья и враги. Особенно много у растений врагов, и большинство из них — насекомые. Они не щадят ни корней, ни стволов, ни листьев. Бывают годы, когда вредители сплошь уничтожают хвою и листья деревьев на площади в несколько квадратных километров...

Сигнал об опасности — твоя первая обязанность. Самое сильное оружие против вредителей, конечно, химия — ядовитые и отравляющие вещества. Но это дело взрослых, а вы можете только помогать им — учителю, агроному, леснику. Разведка, сигнал об опасности — вот что должно стать вашим делом, вашей почетной обязанностью. Организуйте «зеленые патрули». Старайтесь, чтобы лес, зеленые насаждения возле школы, дома, на своей и соседних улицах всегда были под вашим контролем и защитой.

Немедленно сообщайте учителям, лесоводам, в сельсовет о появлении вредных насекомых.

Твой помощник — определитель. Как узнать, какой жук или какая личинка вредит дереву? Кто прогрыз листья, кто оставил извилистые ходы в коре? Здесь тебе поможет определитель. На последних страницах обложки — таблицы, где изображены основные вредители-насекомые средней полосы нашей страны. По таблице ты сможешь определить обнаруженное насекомое, сравнив с рисунком его внешний вид и повреждения, которые он наносит дереву. Учись распознавать вредителей на различных стадиях их развития.

Более полные сведения ты найдешь в книге Н. Плавильщикова «Определитель насекомых».

Будь внимателен! Приучай себя всегда — на прогулках, экскурсиях, в походах — быть зорким и внимательным, замечать врага даже при тщательной его маскировке.

Лес говорит об опасности. Массовый лет бабочек, яйцекладки гусеницы, личинки, куколки, коконы на деревьях и кустарниках, в лесной подстилке или почве и даже отдельные их экземпляры — это сигналы большой опасности. Внимательно смотрите, не повреждены ли листва и хвоя, нет ли паутинных гнезд на деревьях, нет ли на ветвях следов деятельности вредных насекомых: жуков-короедов, усачей, златок. Об этом тебе расскажут «точки» — отверстия на стволах и ветвях.

При наблюдении в питомниках или на плантациях сигнализируйте об усыхании молодняка, саженцев, всходов, об их повреждении, об опадающих листьях и хвое.

Е. БАЦЫЛЕВ,
энтомолог

НАШИ ВРАГИ

Обязанность номер два. Обнаружил вредителей — и за дело. Зараженные ветви, листья, яйцекладки вредителей можно собирать руками. Яйцекладки надо тщательно соскребать тупым скребком и осторожно сжигать. «Зеркала» — скопления гусениц — и их зимние гнезда тоже нужно тщательно собирать в течение всего лета, не оставляя на осень и зиму. Там, где есть ценные лесные насаждения, надо с весны наложить клейкие пояса на стволы деревьев. Если гусеницы селятся в черенках листьев и побегах, срезайте зараженные ветви с увядающими верхушками и сжигайте их. Повреждения (галлы, вздутия, скручивания и т. п.) листьев, вызванные тлями, орехотворками и другими насекомыми, надо тоже срезать и уничтожать.

И сами никогда не вредите лесу. Не оставляйте на стволах и ветвях деревьев «на память» своих вензелей, вырезанных перочинным ножом.

Твой помощник — определитель

Смотри цветную таблицу на последней странице обложки.

На этой таблице — **многоядные** насекомые (№№ 2, 3, 5—7, 9—10 и 14), вредители **лиственных** древесных пород (№№ 1, 8, 12, 13, 15—21) и **хвойных** (4).

Значком ♀ обозначена самка, значком ♂ — самец, а — яички, б — гусеница (или личинка), в — куколка, г — кокон, д — повреждения. Насекомые изображены в натуральную величину.

1. **Пчела-листорез, или мегахила.** Вырезая из листьев округлые кусочки, строит гнезда в земле, глиняных стенах, сухих стеблях, древесине. Причиняет серьезный вред сеянцам и саженцам вяза, акации, дуба, ясеня.

2. **Монашенка, или шелкопряд-монах.** Сочетание черного и белого цветов и кровлеобразное складывание крыльев напоминают монашеское одеяние, поэтому бабочка и названа так. Летают бабочки летом по вечерам и ночью, откладывая мелкие серые яйца группами — в щели, под мох, на пни, корни. Весной очень мелкие волосатые гусенички первые пять дней сидят вместе, образуя так называемые «зеркала», а затем расползаются, переносятся ветром на большие расстояния и повреждают хвойные и лиственные деревья. Летом гусеницы очень прожорливы, поэтому легко обнаружить зараженные деревья: на земле под ними накапливаются огрызки хвои и листьев. Окукливаются гусеницы на ветвях, в щелях коры, оплетая себя паутиной.

3. **Въедливая древесница.** Самка откладывает удлиненно-овальные ярко-желтые яйца по одиночке у основания почек. Гусеницы, вышедшие из яиц, вбуравливаются в молодые побеги и черенки листьев и протачивают в них узкие ходы. Взрослая гусеница перекочевывает на толстые побеги и на третье лето окукливается в вершине своего хода. На рисунке — гусеница пахучей древесницы.

4. **Сосновый шелкопряд.** Гусеницы объедают хвою, молодые побеги и почки. Перед окукливанием гусеницы оплетают себя паутиной и в рыхлом серо-буром коконе превращаются в куколку. Коконы можете обнаружить на ветвях, в щелях коры, среди хвои, на подстилке.

5. **Непарный шелкопряд, или непарник.** Самцы внешне очень непохожи на самок — потому и название «непарник». Самки откладывают яйца на нижней части ствола лиственных деревьев кучками в форме лепешки цвета верблюжьей шерсти. Сначала гусеницы образуют «зеркала», а затем расползаются по деревьям, питаясь почками, цветами и листьями. **Волоски гусеницы, вонзаясь в кожу человека и животных, вызывают сильный зуд. Не берите их незащищенными руками!**

6. **Зимняя пяденица.** Гусеницы, передвигаясь, изгибают свое тело дугой кверху, а затем вытягиваются. Это напоминает «пяди», которые мы откладываем пальцами, измеряя что-либо. Поэтому семейство этих бабочек называют пяденицами, геометридами, или землемерами. Короткокрылые самки откладывают на почки деревьев, в щели коры голубовато-зеленые яйца, которые потом становятся желто-красными. Вышедшие весной из перезимовавших яиц гусеницы питаются почками, распускающимися листьями многих лиственных пород.

7. **Медведка.** Взрослые насекомые и личинки (очень похожи на взрослых, только без крыльев и меньшего размера) питаются подземными частями многих растений. Наносят особенно большой вред в питомниках.

8. **Жук-олень.** Личинка питается древесиной дубов и тутовых деревьев или корнями трухлявых дубовых пней.

9. **Кольчатый шелкопряд, или коконопряд-колечник.** Этот опасный вредитель называется кольчатым неспроста: бабочка откладывает свои яички спирально на тонкие веточки в виде широких колец, которые и зимуют. Гусеницы строят паутинные гнезда и повреждают почки, бутоны, цветы и листья.

10. **Лесная златогузка.** Волосатые гусеницы питаются листьями. **Их волоски вызывают ожоги, поэтому будьте осторожны с ними.** В конце лета гусеницы устраивают паутинные зимние гнезда.

11. **Большой осиновый усач, или скрипун.** Жуки питаются листьями, оставляя в них крупные дыры, и объедают кольцом кору и заболонь молодых тополей и осинок. Личинки живут под корой, а позже выгрызают в древесине ходы. Их можно обнаружить по выбросам «опилок».

12. **Яблоковидная орехотворка.** Галлы (повреждения на нижней поверхности листа) образуются личинками орехотворки, очень мелких перепончатокрылых насекомых.

13. **Волосистая орехотворка.** На рисунке — галлы на листе дуба.

14. **Восточный майский жук, или хрущ.** Жуки питаются листьями, а личинки — корнями. Особенно большой вред причиняют в лесопитомниках. Утром и днем жуки этого и других видов хрущей сидят на деревьях, и их легко стряхивать на подстилки и уничтожать.

15. **Березовый жук трубковерт.** На листьях многих пород жуки делают разрезы, свертывая нижнюю часть в воронкообразную трубку, куда и откладывают яйца. Личинка питается подвядшим листом, а окукливается в почве.

16. **Большой черный дубовый усач.** Личинки дубового усача наносят те же повреждения, что и личинки осинового усача.

17. **Розанная орехотворка.** Обнаружив такие повреждения на шиповнике, срезайте их и уничтожайте.

18. **Шершень.** Селится в стволах деревьев, выедает большие широкие кольцевые, продольные или спиральные полосы.

19. **Вязово-грушевая тля.** На таблице изображены галлы — болезненное разрастание ткани растения под воздействием тлей.

20. **Вязово-злаковая тля.** На таблице — галлы на листьях.

21. **Вязово-смородинная тля.** На рисунке — скручивание листа.

А теперь посмотри на соседнюю страницу.

1. **Синий слоник.** На рисунке: личиночные ходы и колыбельки куколок жуков под корой ели.
2. **Челночница ивовая, или ивовая шелкопряд-листовертка.** На рисунке — верхушка ивового побега, стянутая и опутанная паутиной гусеницы бабочки.
3. **Сиреневая моль.** Нарисована свернутая, минированная гусеницами бабочки моли часть листа сирени.
4. **Долгоножка перевязанная.** На таблице — стволик ели, поврежденный личинками насекомого.
5. **Боярышница.** По выходе из куколки белокрылые бабочки выделяют кроваво-красную жидкость на листья, а смытая дождем, она является причиной так называемых «кровавых дождей». Гусеницы выгрызают мякоть листа, оставляя только его скелет. Гусеницы волосатые, на спине — три черных и две коричнево-оранжевых полосы. В конце лета гусеницы готовят себе зимние гнезда из листьев, крепко склеенных паутиной. Весной они выходят из гнезд, питаются почками, бутонами, цветами и листьями.
6. **Малая сосновая смолевка.** На рисунке — темные ходы личинок и светлые колыбельки с куколками.
7. **Кузнечик-бородавочник.** Подъедает всходы и небольшие однолетние сосенки.
8. **Смолевка сосновых шишек.** Видны черные летные отверстия жуков на шишке сосны.
9. **Сосновая пяденица.** Самка откладывает зеленые мелкие яйца однорядными цепочками вдоль хвоинок. Молодые гусенички поедают продольные жилки хвоинок по мере роста хвоинки, выгрызая ее с боков уступами, а взрослые съедают хвоинки целиком, оставляя лишь небольшие кусочки. (Сравни: зимняя пяденица — цветная таблица № 6.)
10. **Короткоусый усач, или двухцветный усач.** На рисунке видны колыбельки куколок жуков на внутренней стороне коры ели, поврежденной личинками.
11. **Голубая ленточница.** Гусеницы повреждают листья деревьев и кустарников.
12. **Златка четырехточечная.** На рисунке — повреждение сосны личинками жука.
13. **Большой рогохвост.** Личинки делают ходы в древесине отмирающих хвойных пород.
14. **Большой черный дубовый усач.** (См. цветную таблицу № 16.)
15. **Сосновый пилильщик.** Самки этого перепончатокрылого насекомого пропиливают своим яйцекладом ранки на старой хвое и откладывают яички. Вышедшие личинки живут группами, уничтожая хвою. Окукливаются в почве.
16. **Сосновая совка.** За свои ночные полеты и внешний вид бабочки этого семейства названы совками, или ночницами. Светло-зеленые, а потом буреющие яйца самка откладывает рядами на хвоинки. Гусеницы поедают хвою, молодые побеги. Окукливаются они в лесной подстилке, где и зимуют.
17. **Заболонник-разрушитель.** На внутренней поверхности коры видны четкие отпечатки продольного маточного хода самки жука и отходящих личиночных ходов с куколочными колыбельками.
18. **Жук-олень.** (См. цветную таблицу № 8.)
19. **Большой осиновый усач, или скрипун.** (См. цветную таблицу № 11.)
20. **Большой сосновый долгоносик.** Питается корой молодых хвойных пород. Личинки въедаются в луб, а затем в заболонь, делая ходы.
21. **Ольховая стеклянница.** Самки этой бабочки откладывают яйца по одному или кучками на корневые лапы молодых стволиков ольхи и березы. Гусеницы выгрызают под корой полости и затем ходы, где зимуют и окукливаются.

Содержание

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**
Художественный редактор **П. И. Кузьмичев.**
Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко** (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель редактора), **А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Техн. редактор **В. Пархоменко.**

А 10302. Подписано к печати 30/V 1966 г. Формат бум. 84×108[1]/16. Объем 5,25 физ. печ. л.
8,82 усл. п. л. Тираж 660 000 экз. Изд. № 1135. Заказ № 1231.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

1д
2д
3д
4д
5
6д
5в
5г
7
♀
8д
11
9 ♂
9б
10д
11в
11б
12д
♂
13
13б
13в
14в
15♀
15г
15б
16
16б
16в
17д
18в
19в
20
21

Цена 25 коп.

Индекс 70694.

Это враги леса. Разгляди внимательно их портреты, прочти в журнале об их повадках, а потом сражайся с ними.